

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 26, 2021

Владикавказ 2021

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
И. Т. Марзоев

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, Ф.О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

Айларова С. А. О научных подходах к характеристике экономической реальности традиционных обществ.....	5
Гостиева Л. К. Историко-этнографическое исследование Б. А. Калоева о Заккинском ущелье	17

II. ИСТОРИЯ

Габараева Э. Э. Южная Осетия в период Первой русской революции 1905-1907 гг.....	25
Журтова А. А. Система общего и среднего профессионального образования в Кабардино-Балкарии в 1920-х – 1980-х гг.....	35
Комаев К. П. Политический курс западных держав времён второй мировой войны	45

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Ахматова А. З., Муратова Е. Г. Вклад Д. А. Вырубова в археологическое и историко-этнографическое изучение Терской области в конце XIX – начале XX в.....	59
---	----

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Туаллагов А. А., Туаллагова О. А. Образ судьи в традиционных представлениях осетин	69
Рахно К. Ю. Уарп-Ахсина: древнеиранские истоки одного женского образа в Нартовском эпосе осетин	76
Плаева З. К. Ацамаз и дева-воительница: дигорское сказание в изложении Махарбека Туганова.....	93

V. ФИЛОЛОГИЯ

Догузова З. Х. О лексической деэтимологизации в осетинском языке.....	104
Кутарова А. А., Бритаева Е. Вербализация духовных ценностей в произведениях	113

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Дерендяева О. А. Сравнение институциональной базы устойчивых сообществ ведущих государств (Великобритании, США и КНР) в контексте борьбы с ЧС и изменения климата	122
--	-----

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Бирагова Б. М. Международная школа-конференция «Современные проблемы гуманитарных наук» – коммуникационная платформа будущих кавказоведов	134
--	-----

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

С. А. Айларова,
дин, внс СОИГСИ им. В. И. Аббаева
(г. Владикавказ)

О НАУЧНЫХ ПОДХОДАХ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Статья посвящена характеристике субстантивистского подхода экономической антропологии к анализу культурно-хозяйственной жизни традиционных и архаичных обществ. Баланс между материальными потребностями членов таких обществ с уровнем хозяйственно-промысловой культуры, необходимой для их удовлетворения – основной конструкт стабильности и устойчивости традиционного общества. Автор привлекает для иллюстрации факты и ситуации из жизни горских обществ Северного Кавказа XVIII-XIX в., зафиксированные публицистом-современником. Статья также включает характеристику марксистского понимания природы потребностей рыночно-капиталистического общества. Знание о потребительской стратегии традиционных и индустриальных обществ важно и актуально для изучения процессов российской модернизации.

Ключевые слова: традиционное общество, горцы Северного Кавказа, экономическая антропология, субстантивизм, М. Салинс, модернизация, революция возрастающих потребностей.

The article is devoted to the characteristics of the substantivistic approach of economic anthropology to the analysis of the cultural and economic life of traditional and archaic societies. The balance between the material needs of the members of such societies with the level of economic and industrial culture required to satisfy them is the main construct of stability and sustainability of a traditional society. The author draws on for illustration the facts and situations from the life of the mountain communities of the North Caucasus in the 18th – 19th centuries, recorded by a contemporary publicist. The article also includes a characterization of the Marxist understanding of the nature of the

needs of a capitalist market society. Knowledge about the consumer strategy of traditional and industrial societies is important and relevant for studying the processes of Russian modernization.

Keywords: *traditional society, highlanders of the North Caucasus, economic anthropology, substantivism, M. Salins, modernization, the revolution of growing needs.*

Последние несколько столетий страны и общества «догоняющей» модернизации стремятся превратиться в общества современного типа с характерными для него экономическими, культурными и политическими чертами. В ходе этих процессов идет как вымирание, «вымирание» многих традиционных культур, так и коммуникация носителей разных культур, их культурная полифония, что способствует пониманию инокультурных ценностей. Современное сообщество стремится к поликультурности, для которой необходима выработка правильного понимания традиционного общества и присущих ему культурных моделей, особенностей традиционной культуры и миропонимания.

Традиционное общество и традиционная культура достаточно давно изучаются и западными и отечественными учеными в самых разных аспектах и проявлениях. Постепенно сложились две концепции, два подхода в изучении традиционности – линейная и дискретная. В рамках линейной парадигмы оценка идет по шкале движения в обществе как прогресса от варварства к цивилизации (здесь и А. Вольтер, и В. Тюрго, Л.Г. Морган), туда же можно поместить и линию исторического прогрессивизма (Г. Гегель, К. Маркс). Дискретная парадигма трактует традиционные общества и их культуры как особые, автономные, разрозненные образования. Это направление склонно к преодолению этнографических и оценочных характеристик традиционной культуры, стремится к актуализации ценностного мышления традиционного общества (К. Мангейм, К. Леви-Строс, В. Виндель-банд, Р. Генон).

В отечественной науке представлены обе парадигмы, которые активно конкурируют в толковании традиционного общества и его культуры, особенно в русле исследований по модернизации российского общества в последние три столетия [1].

Экономическая сфера жизни традиционного общества, особенности хозяйственной культуры и ментальности представляют в этом смысле особый интерес. Так, например, активно развивавша-

яся с середины XX века экономическая антропология представила ряд оригинальных подходов, представлений, концепций для характеристики экономики традиционного общества. Как научная дисциплина, исследующая экономические отношения протоклассового (т. е. формирующегося классового), а также крестьянского (peasant) обществ, она стала ареной столкновения двух основных направлений, одно из которых получило название «субстантивизма», а другое «формализма» [2,30-76]. Если формалистский подход представлял взгляд на традиционную экономику как недоразвитый вариант капиталистической, рыночно-буржуазной, в духе теории предпринимательства, то субстантивистская исследовательская установка принимала и ценила различные общества такими, какие они есть, т. е. рассматривала любую нормально функционирующую социально-экономическую систему, как результат естественной исторической эволюции, шедшей своим путем. Можно указать на такие выдающиеся труды, как «Великая трансформация» Карла Поланьи, и, особенно, «Экономика каменного века» Маршала Салинса [3;4]. Здесь решительно отбрасывается индивидуалистическое предпринимательское понимание экономики. Экономика становится скорее категорией культуры, нежели поведения, рассматривается в тесном единении с политикой, религией, не в русле рационализма и расчета, не как индивидуальная деятельность, направленная на удовлетворение потребностей, а как процесс материальной жизни общества [4,8]. В «Экономике каменного века» сформулирована и подчеркнута главная экономическая особенность традиционного общества – баланс между потребностями человека и возможностями их удовлетворения. Этому сюжету посвящена первая глава исследования М. Салинса – «Общество первоначального изобилия». Автор развеивает укоренившиеся в классической политэкономии взгляды, что охотники, собиратели, (т. е. представители древнего традиционного общества) – люди, задавленные непосильной нуждой, борьбой за существование, голодающие, в постоянных лишениях и трудностях. В своей монографии М. Салинс четко указывает на причину такого ошибочного взгляда. Она коренится в догмах классической политэкономии, утверждавшей, что существующих средств потребления никогда не хватает на удовлетворение всех разнообразных потребностей человека. Безусловно, в капиталистическом, рыночном обществе так и происходит. Человек современного общества, *homo economicus*, с его развитой техникой, мощной

индустрией, не в состоянии удовлетворить свои потребности, столь они сложны и изощрены. Что же говорить о крестьянах и охотниках «примитивных» обществ с их архаичными орудиями труда и охоты. Их уделом были бедность и постоянная нужда. Вроде все правильно. Но, как свидетельствует автор «Экономики каменного века», делая подобные умозаключения, мы приписываем людям традиционных обществ стремления и потребности, характерные для человека рыночно-буржуазного общества. Между тем, архаические традиционные общества – «общества изобилия» и купаются в ресурсах.

М. Салинс пишет о двух разных путях к изобилию. Ведь потребности можно удовлетворять, либо много производя, либо немного желая. Концепции рыночных обществ гласят – потребности человека велики, чтобы не сказать, беспредельны, в то время как средства их удовлетворения ограничены, хотя и поддаются усовершенствованию, поэтому разрыв между средствами и целями может быть сокращен повышением продуктивности производства, по крайней мере, настолько, чтобы «насуточные товары имелись в изобилии» [5,176]. Достаточно обратиться к трудам канадского экономиста Д. К. Гелбрейта, введшего само понятие – «Общество изобилия». Но изобилия можно достигнуть и по-другому. Это, конечно, совершенно нерыночные, другие подходы: если материальные потребности человека невелики, ограничены, и технические средства для их удовлетворения не изменяются, но вообще-то достаточны – то люди такого общества будут наслаждаться изобилием – при, конечно, низком уровне жизни. Более того, будут счастливы, обладая душевным комфортом, спокойствием, особым «праздничным» мироощущением.

Свою концепцию М. Салинс аргументирует фактами уклада жизни и мышления древних охотников, собирателей и аграриев трех континентов, а также реликтовых народов современности. Не случайно, М. Салинс, при характеристике одержимых рыночным дефицитом современников, приводил слова К. Маркса, соглашавшегося с мнением французского философа Дестюта де Траси (хотя и считал его «буржуазным доктринером с рыбой кровью») – что «у бедных наций люди ощущают довольство», в то время как у богатых наций «они в большинстве своем бедны» [4,12].

Безусловно, такое «благосостояние» свидетельствует об объективно низком уровне жизни. В таких обществах квота потребляемого (и, конечно, число потребителей) должны быть культурно закреплены на скромном уровне. И это не борьба с «неуемными» потреб-

ностями – это вторая натура людей традиционного общества. Эта скромность материальных запросов бывает институализирована, и выступает как позитивный, культурный фактор, проявляющийся в наборе хозяйственных установок, т. е. из потребностей и «импульсов» не делают института.

Материал для подобных наблюдений и обобщений дают и кавказские реалии, жизнь традиционных горских обществ XVIII – начала XX века, зафиксированная путешественниками, наблюдателями-современниками, писателями и публицистами.

Здесь, прежде всего, надо отметить известный труд осетинского просветителя А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», опубликованного под псевдонимом В. – Н. – Л. [6]. Автор данной статьи неоднократно обращался к анализу этого труда, дающего уникальный материал по обозначенной проблеме [7]. А.Г. Ардасенов представил картину уже вступивших на путь модернизации горских этносов (хотя пишет, прежде всего, об осетинах), чья традиционность подверглась мощной атаке новых потребностей индустриального европейского мира. Прежний баланс потребностей и возможностей в осетинском традиционном обществе был сломлен; и просветитель оценивает новую ситуацию, сложившуюся к концу XIX века как драматическую, даже трагическую. Потребности осетин, под влиянием демонстрационного эффекта городской европеизированной жизни Владикавказа, стали развиваться, изменяться, но традиционное хозяйство, навыки видения горской экономики не могли измениться столь быстро и радикально. Образовавшиеся «ножницы» между новыми потребностями и архаичными подходами в хозяйствовании поставили осетин перед угрозой голода, пауперизации, вносили смятение и растерянность в общественное сознание. Работа дает и ряд выразительных картин прежнего «гармоничного» существования осетинского этноса и его представителей в дореформенное традиционное время.

Первая часть труда А.Г. Ардасенова целиком посвящена анализу особенностей культурно-хозяйственной жизни горских народов XVIII – начала XIX века. Царила полная хозяйственная автаркия горских изолянтов. «В своем более чем скромном хозяйстве горец-осетин обходился своими средствами. Орудия труда и предметы хозяйства делались по преимуществу из дерева и руками самого хозяина. Мастеровых людей не было совсем. Во всей Осетии, Кабарде и Чечне, еще в недавнее от нас время, никто бы не нашел ни одного

плотника, столяра *как ремесленника*, ни одного каменщика, скорняка, шубника и т. п.: всем этим был понемногу каждый туземец и каждая туземка... Торговля почти неизвестна горцу. Существовали лишь меновые отношения, но до того слабые, что не выделили даже особых пунктов для обмена. Воинственному горцу не было по душе мирное занятие торговца с аршином в руках. Он относился с презрением и к торговле, как к ремеслу, и к людям, занимавшимся ею. В сущности, ему нечем было и торговать: голые скалы его ничего не производили лишнего, у него не был развит ни один промысел до степени ремесла, а сама жизнь сводилась исключительно к самозащите и борьбе с оружием в руках» [6,72].

Господство натурального хозяйства, неразвитость элементов общественного разделения труда, торговли, скудость горской экономики при нехватке земли и постоянной напряженности, вызванной межродовыми и межплеменными конфликтами – все это сформировало чрезвычайную немногосложность потребностей горских народов. «Одежда горцев была самая незатейливая, большей частью приготовлявшаяся домашними средствами... У осетин (еще менее других племен) даже в недавнее сравнительно время, в начале настоящего столетия, бешмет, не говоря уже о рубашке, можно было встретить только на старших в доме, на более богатых и бывалых; масса же и молодежь обходились одной черкеской и шубой, надевавшихся прямо на голое тело» [6,71-72]. Труд был столь мало производителен, что «потребности господина и его слуги были почти одни и те же» [6,71].

С массовым переселением горцев на равнину, окончанием Кавказской войны, проведением модернизирующих реформ Северный Кавказ все более включается в общероссийский экономический процесс. «Конец 60-х годов можно считать тем поворотным пунктом, с которого горцы-осетины так сказать, лицом повернулись к русским, – пишет А.Г. Ардасенов. – ... Шатания горца начинаются приблизительно с 70-го года; до этого времени он еще чуждался и сторонился всеми силами влияния современной цивилизации» [6,86-87]. Тогда и начинается рост потребностей, принявший столь бурный характер еще и вследствие определенных сторон традиционных социально-этических ориентаций – не случайно А.Г. Ардасенов ищет разгадку в «восприимчивости и разорительной силе подражания, в высокой степени свойственной тщеславным горцам».

Быстрый рост потребностей рождает такой интересный феномен общественного самосознания, как бедность. Ведь ранее, в доре-

форменное время, несмотря на скудость своих жизненных средств, горец не чувствовал себя бедным. Теперь же он начал соотносить объективные обстоятельства своей жизни с новой развитой духовной мерой. Пытаясь разобраться в этом явлении, А.Г. Ардасенов отмечает: «Причина всему этому лежит не в абсолютной бедности современных осетин – нет. Он не беднее прежнего. Сумма всех жизненных средств не меньше, чем было прежде, напротив, она даже больше. Абсолютно горец богаче, относительно – беднее прежнего. Загадка кроется в увеличении потребностей несоразмерно с производительностью труда...» [6,85]. Отсталость выражает собой более низкий уровень общественного развития одного народа по сравнению с другим, то есть иные диспропорции, нежели понятие «бедность». Ведь критерием бедности и богатства является не только и не столько предметно-вещественное богатство, сколько его измерение той системой потребностей, которая в это время развилась у данного народа, слоя, индивида.

«В добрую старину горец-осетин, несмотря на свою бедность вообще, мало в чем нуждался, – пишет А.Г. Ардасенов. – ... Его потребности все были налицо, известны заранее, и он удовлетворял их трудами рук своих, мало завися от кого бы то ни было. От этого он обладал душевным спокойствием, позволявшим ему спать спокойным сном человека, чувствующего прочность своего положения, а потому довольного и счастливого» [6,84]. Приведенное рассуждение – конечно, не идеализация А.Г. Ардасеновым традиционной Осетии и патриархальности, как это полагали советские историки [9,108]. Как мы отмечали, чувство обеспеченности, надежности существования – один из активных нормативных принципов традиционного сознания; его крушение всегда переживается чрезвычайно болезненно. «Будучи еще в своей привычной среде, со своими скромными потребностями, далекий от искушений, влияний, подражаний, не имея у себя таких потребностей, которые, в сущности, не мог удовлетворить без того, чтобы не лишить себя и детей насущного хлеба, – он был бесконечно счастливее современного осетина, симпатичнее, добрее, благороднее. Вместе с началом заимствований, вмешательством новых экономических отношений и влияний – начались и бедствия» [6,88].

В труде А.Г. Ардасенова описываются радикальные перемены, охватившие все стороны жизни горцев: в домостроении, где вместо горской сакли возводятся европейского вида дома, с черепицей, с

новой мебелью; в быту, где европейское платье вытесняет черкеску; в хозяйстве, где большая часть орудий труда – уже изделия мануфактурной и заводской промышленности.

Впрочем, не все северокавказские народы склонны были к быстрому восприятию новых потребностей и стандартов жизни. Так, удивительным консерватизмом отличались адыги. «В настоящий момент они (адыги-кабардинцы. – С. А.) еще живут на старых дедовских устоях, – отмечает Ардасенов. – Современная цивилизация еще не успела коснуться их, как она коснулась уже осетин, дигорцев, ингушей и отчасти чеченцев. Всякий, кто только присмотрится внимательно к жизни осетин и кабардинцев, вынесет убеждения, что последние живут с ч а с т л и в е е (разрядка автора. – С. А.). Во всей Малой, например, в Кабарде, вы не увидите ни одного дома, построенного в подражание русским и покрытого черепицей; в редком богатом доме вы найдете самовар, лампу, мебель и множество других приобретений сделанных Осетией; нет помину тому всеобщему увлечению торговлей, какое замечается среди других народностей Северного Кавказа; нет лавок, кроме одной какой-либо с красным товаром (что у них было и раньше), чаще содержимой, по-прежнему, евреем. Народ живет еще своей старой жизнью, своими средствами, вполне довольный, находя у себя все необходимое для удовлетворения своих немногосложных потребностей. На что ему деньги! Он в них еще не так нуждается, поэтому и нет причины ему бросаться из стороны в сторону и занимать ради них самые разнообразнейшие положения, притом такие, которых он прежде стыдился бы» [6,88].

И публицист подчеркивал, что народы Северного Кавказа, еще не втянутые в товарно-денежные связи, не изменившие (вследствие особенностей культуры или горной изоляции) традиционную систему потребностей – намного «счастливее». Это счастливое, комфортное мироощущение и было основой той уникальной праздничной культуры, богатству которой не устают удивляться современные исследователи [8].

Всю остальную часть своего труда А.Г. Ардасенов посвятил возможностям хозяйственных усовершенствований в горской жизни, перспективам построения новой рыночной экономики, в рамках которой горские народы могли бы удовлетворять свои все более увеличивавшиеся современные потребности. В полном соответствии с постулатами классической политэкономии, он искал динамичный

баланс между стремительно меняющейся системой потребностей своего народа и новой выстраиваемой экономикой. Эта тема станет определяющей для сознания всей осетинской интеллигенции начала XX века, настойчиво искавшей новую гармонию культурно-хозяйственной жизни. Но свидетельства А. Г. Ардасенова, также, как и искания современной науки, говорят и о другом, – о нарастающей в процессе модернизации актуализации древнего хозяйственного опыта предков современных народов, создавших свои уникальные культуры в условиях стабильности, потребительской дисциплины и оптимистического мироощущения. Оказывается, это тоже необходимо для выживания такого хрупкого биологического и социально-культурного феномена, как человек.

Впервые в экономической литературе заинтересовался ситуацией быстрого роста потребностей в рыночно-капиталистическом обществе К. Маркс. Из современных исследователей к марксовой «потребительской» концепции обращался С. Г. Кара-Мурза [10,253-256]. Он подчеркивал, что к анализу самой категории потребностей Маркс обращался уже в своих ранних экономических работах. Им представлено такое рассуждение Маркса: «Способность к потреблению является условием потребления, и эта способность представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы» [11,221]. Маркс пишет об *индивидуальности* «некоего задатка». Затем Маркс переходит к проблеме формирования *капиталистического общества потребления*, ибо другие («традиционные») общества его в ту пору не интересовали. Однако потребности все же представляются феноменом социальным, а не индивидуальным, обусловленными культурно, а не биологически (вернее сказать, биологические потребности составляют в общем их спектре небольшую часть и часто «подавляются» культурой – например, большинство людей при бедствиях погибают от голода, но не становятся каннибалами).

Традиционные общества – это общества неизменных, статичных потребностей. Рождение современных обществ связано с заложенной в основание капитализма необходимости превращать людей в потребителей: «*Во-первых*, требуется количественное расширение существующего потребления; *во-вторых*, – создание новых потребностей путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу; *в-третьих*, – производство *новых* потребностей», – писал Маркс [11,385]. Он подчеркивал, что сформированный

в культуре буржуазного общества рабочий – такой же ненасытный потребитель, как капиталист, и его потребности ограничены только доходом. «Рабочий, однако, не связан ни определенными предметами, ни определенным способом удовлетворения потребностей. Круг его потребления ограничен не качественно, а только количественно. Это отличает его от раба, крепостного и т. д.» [12,235]. Вот это «т. д.» – трудящиеся любого традиционного общества.

С середины XIX века европейские потребности начинают интенсивно экспортироваться с Запада практически во все страны планеты через механизмы культуры. Разные регионы и страны по-разному и в разной степени закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми реально доступными ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. Сильнейшими барьерами, защищавшими местную («реалистическую») систему потребностей, были сословные, кастовые, ментальные, экологические рамки культуры.

Как пишет С.Г. Кара-Мурза, в любом современном обществе круг потребностей расширяется и усложняется. Это всегда создает противоречия, конфликты, разрешение которых требует развития и хозяйства, и культуры. Ритм этого процесса в здоровом обществе задается динамикой сбалансированного развития всей этой системы. Важнейшей уравнивающей этот процесс силой является разум людей, их реалистическое сознание и чувство меры, а также исторический опыт, отложившийся в коллективном бессознательном – традиции.

Бывает так, что этнос обладает мощным «культурным занавесом», закрывающим общество от вала новых потребностей (А.Г. Ардасенов, например, приводит в пример кабардинцев, сохранявших еще в конце XIX века свою «старую» систему потребностей. В противовес им, осетины, чеченцы и ингуши – таким «культурным занавесом» не обладали).

При отсутствии такой защиты, или ее ослаблении ниже определенного порога происходит, по выражению К. Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они полностью приходят извне, из эпицентров экономического развития. По замечанию Маркса, такие общества, утратившие свой культурный железный занавес, можно «сравнить с идолопоклонником, чахнувшим от болезней христианства» [13,424]. Стабильных источников национального дохода нет, современный образ жизни создать сложно, подчас невозможно, а потребности вполне европейские.

Такое общество переживает мучительный процесс поиска выхода из создавшегося кризисного состояния.

Опережающий рост потребностей приводит к особо острой неудовлетворенности и социальной неустойчивости населения такого общества, становится важным фактором бунта против существующего положения вещей, побудительной силой настойчивых поисков реального выхода из тупика. Маркс определенно и прозорливо характеризовал ситуацию «революции» возрастающих потребностей как основу социальных и политических революций Нового времени. «Революции нуждаются в *пассивном* элементе, в *материальной* основе. Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей... Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей» [13,423-424]. Отметим, что традиционное общество стабильно и не знает революций.

«Чахнувшие» горские общества с начала XX века мучительно искали выход из драматической социально-экономической ситуации. Интеллектуальная элита делала ставку на кооперирование горского села (Г. В. и А. В. Баевы, Ц. Б. Амбалов и др.). Интеллигентная молодежь попадала под влияние самых радикальных политических учений и организаций.

Трудовая миграция приняла огромные масштабы и привела горцев (прежде всего, осетин) не только в далекие уголки России, но в Америку, Австралию, Новую Зеландию. Новый «всплеск» набеговой практики на Северо-Восточном Кавказе в начале XX века – тоже порождение ситуации «возрастающих потребностей». Регион бурлил и на всех парах шел к революционному катаклизму 1917 года.

Таким образом, научные подходы экономической антропологии к анализу культурно-хозяйственной жизни традиционных обществ перспективны для изучения особенностей модернизации и вхождения в современность северокавказского социума. Основной конструкт стабильности и устойчивости традиционного общества – баланс между материальными потребностями и уровнем хозяйственно-промысловой культуры, необходимой для их удовлетворения – «взрывается», нарушается в момент вступления их в рыночно-капиталистическую стадию развития. Знание о потребительской стратегии традиционных и индустриальных обществ важно и актуально для изучения процессов российской модернизации, в частности, модернизации северокавказского социума XIX – начала XX века.

1. Тимощук А. С. Традиционная культура: сущность и существование. Автореф. дисс. докт. философ. наук. М., 2007. 49 с.
2. Семенов Ю. И. Теоретические проблемы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М.: Наука, 1973. С. 30-76.
3. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. М.: Алетейя, 2002. 312 с.
4. Салинс М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
5. Гелбрейт Д. К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 390 с.
6. В.-Н.-Л. (Ардасенов А. Г.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа // Алихан Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1997. С. 70-120.
7. Айларова С. А. От «революции возрастающих потребностей» – к революции политической (из наблюдений современника осетинской повседневности конца XIX – XX в.) // Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2017. С. 111-139.
8. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГИ, 1995. 232 с.
9. См.: Тотоев М. С. Очерки истории и культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957. 364 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. Интеллигенция на пепелище России. М.: Алгоритм, 2012. 752 с.
11. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955-1981. Т. 46. Ч. II.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955-1981. Т. 46. Ч. I.
13. Маркс К. К критике Гегелевской философии права. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955-1981. Т. 1.

Л. К. Гостиева,
кин СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ Б. А. КАЛОЕВА О ЗАККИНСКОМ УЩЕЛЬЕ

В статье проанализировано историко-этнографическое исследование Б. А. Калоева о Заккинском ущелье. Отмечено влияние В. И. Абаева на выбор Б. А. Калоевым исследовательской темы, связанной с изучением истории и этнографии осетинских ущелий. Акцентируется внимание на богатом полевом этнографическом и фольклорном материале, привлеченном автором. Рассмотрены этногенез и этническая история, хозяйство и материальная культура, семейный и общественный быт, религиозные верования, история происхождения некоторых фамилий жителей Заккинского ущелья. Сделан вывод о научном вкладе Б. А. Калоева в разработку проблем историко-этнографического изучения осетинских ущелий.

Ключевые слова: Калоев Б. А., Заккинское ущелье, скотоводство, земледелие, семейный быт, религиозные верования, фамилии, фамильные предания.

The article analyzes the historical and ethnographic research of B. A. Kaloev about the Zakka gorge. The influence of V. I. Abaev to choose B. A. Kaloev research topic related to the study of the history and ethnography of the Ossetian gorges. Attention is focused on the rich field ethnographic and folklore material attracted by the author. Ethnogenesis and ethnic history, economy and material culture, family and social life, religious beliefs, the history of the origin of some surnames of the inhabitants of the Zakka gorge are considered. The conclusion is made about the scientific contribution of B. A. Kaloev to the development of the problems of the historical and ethnographic study of the Ossetian gorges.

Keywords: B. A. Kaloev, Zakka gorge, cattle breeding, agriculture, family life, religious beliefs, surnames, family legends.

15 февраля 2021 г. исполнилось 105 лет со дня рождения выдающегося кавказоведа, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РСО-Алания Бориса Александровича Калоева (1916-2006) – автора крупных монографий и многочисленных статей по вопросам этнологии Осетии и Кавказа.

В монографии Б. А. Калоева «Осетинские историко-этнографические этюды» один из разделов «Захъхъа (Закка)» [1], посвящен Заккинскому ущелью Северной Осетии. В разделе «Фамилии и фамильные предания» этой же книги, ученый рассмотрел происхождение некоторых фамилий Заккинского ущелья по фамильным преданиям [2, 237-259]. Этой темой Б. А. Калоев начал интересоваться достаточно давно. Материал о Заккинском ущелье разбросан по многим его работам. Он содержится во всех трех изданиях его фундаментального труда «Осетины. Историко-этнографическое исследование» [3], в монографиях «Земледелие народов Северного Кавказа» [4], «Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века)» [5], «Записки кавказоведа» [6], статье «Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям» [7] и др.

Особый интерес Б. А. Калоева к Заккинскому ущелью, прежде всего, был обусловлен тем, что это была его родина. Он родился в с. Байком Заккинского ущелья (Закка). В какой-то степени идеей создания историко-этнографического очерка о Закка он обязан и своему другу, выдающемуся лингвисту В. И. Абаеву. Ученый считал, что «историю Осетии нужно изучать по селам и ущельям. Большое упущение, что это не делается, до сих пор» [8, 119]. Б. А. Калоева и В. И. Абаева, которых связывала более чем пятидесятилетняя дружба и творческое сотрудничество, не раз обсуждали в личных беседах будущее исследование этнографа о Заккинском ущелье. У В. И. Абаева также была личная заинтересованность в разработке этой темы, поскольку в Закка когда-то находилось одно из поселений Абаевых – Абайтыкау.

Свое исследование Б. А. Калоев начал с описания географического положения Закка, небольшого высокогорного (более 2 тыс. метров над уровнем моря) и труднодоступного ущелья, находящегося в центре Главного Кавказского хребта между Северной и Южной Осетией. Особенности положения ущелья он видел в том, что в нем было много перевалов, через которые проходили тропы, связывавшие его с другими частями Осетии. Из ущелья по Нарскому и Стырхохскому (Хилакскому) перевалам шли тропы в сторону Северной Осетии. По Джинатскому, Дзомагскому, Рокскому, Сбийскому, Урстуальскому и Трусовскому перевалам легко было попасть в Юго-Осетию. Однако эти перевальные тропы почти восемь месяцев в году покрывались плотным слоем снега, надолго изолируя зак-

кинцев от внешнего мира. Не помогла решить проблему с бездорожьем и постройка в 90-е годы XIX в. колесной дороги, прошедшей от с. Нара до Закки по узкому ущелью Цыфджынтыком реки Заккадон.

Б. А. Калоев уделил внимание термину «Захъхъа» («Закка», «Закки»), который В. И. Абаев в личной беседе с ним считал созвучным с названием саков (скифов) Средней Азии [1, 261]. По мнению его мнению, скифы, совершая свой первый поход в Переднюю Азию (VII в. до н. э.), проходили туда через многочисленные перевалы Главного Кавказского хребта. Вероятно, они могли воспользоваться и Стырхохским перевалом, кратчайшим путем из Северной Осетии в Южную Осетию.

Б. А. Калоев считал, что о возможном пребывании скифов в этом регионе косвенно свидетельствовали следы их присутствия в с. Тли, расположенном недалеко от Закки. Кроме археологических свидетельств, там было обнаружено почитание скифского Семибожья (Авдзуары), известное под именем Пуриаты авд дзуары (с. Пуриат), покровителя путников.

Из памятников аланской эпохи в Закке Б. А. Калоев отметил церковь в с. Кесатикау (с. Закка), от которой сохранился только фундамент, древние кладбища, приписываемые народу «царциат», следы крепостных и жилых построек, топонимические названия (Байком, Санатыком, Хиаиком и др.). Наибольшее количество сохранившихся памятников ученый относил к позднесредневековому периоду: башни (боевые, сторожевые, жилые), дома-крепости (ганах), замки (галуан), подземные и полуподземные склепы (заппаз), древние языческие святилища (дзуары) и пр. По преданию, первые поселенцы появились в Закке не ранее XVI в., после последней, третьей, волны миграции алан-осетин в горы Центрального Кавказа.

Б. А. Калоев подробно остановился на хозяйстве закинцев, основными занятиями которых было скотоводство и земледелие. Главным видом хозяйства было скотоводство, в частности, овцеводство. Заккинское ущелье считалось наиболее крупным скотоводческим районом горной Осетии. Обладая обширными и многочисленными летними пастбищами и сенокосными участками, закинцы могли содержать неограниченное количество различных видов скота, особенно овец и коз. Здесь были овцеводы, имевшие по несколько сотен, а иногда тысяч голов овец и коз. Рост поголовья различного вида скота ученый относил примерно к 90-м годам XIX в., когда закинцы стали перегонять свои отары в кизлярские степи на зи-

мовку [1, 271]. Другим фактором, послужившим развитию животноводческой отрасли хозяйства горцев, он считал рост потребностей капиталистического рынка и поставки скотоводческих продуктов и сырья.

Земледелие, по мнению Б.А. Калоева, не играло большой роли в хозяйстве из-за суровых климатических условий и недостатка пахотной земли. Сеяли исключительно морозоустойчивый ячмень, немного ржи поздних сортов, а также овес. Однако собственного урожая закинцам хватало только на три-четыре месяца в году, а остальное они приобретали в Цхинвали, а также на рынках грузинских городов. Заккинцы обменивали продукты животноводства (шерсти, сыра, масла и пр.) и предметы домашнего производства (сукно, войлок) на кукурузу и другие земледельческие культуры. После открытия Военно-Осетинской дороги и административного включения в 60-е годы XIX в. всей Центральной Осетии в состав Терской области, закинцы обеспечивали себя зерном с равнины Северной Осетии.

Пахотные и сенокосные участки закинцев, как и во всей Нагорной Осетии, находились в частном наследственном владении, передавались из поколения в поколение, пастбищные – в сельской, отчасти семейной собственности. Б.А. Калоев привел в качестве примера фамилию Кесаевых, у которых было пастбище «Санатыком», и фамилию Калоевых, имевших пастбище «Цыгъуыком».

В Заккинском ущелье почти полностью отсутствовали лесные угодья. Строительный лес через перевалочные тропы доставлялся на волах (быках) с южного склона Главного хребта, с территории Юго-Осетии. Дома отапливали исключительно кизяком, запасы которого заготавливали летом.

Ученый проследил и развитие в Закка домашних и кустарных промыслов, связанных со скотоводством. Заккинцы славились производством высококачественного овечьего сыра, не уступавшего знаменитому кобинскому. Домотканые сукна, войлоки, бурки, различные предметы из кожи и кости из Заккинского ущелья пользовались большим спросом на рынках Северного Кавказа и Грузии. На привозном металле развивалось кузнечное дело: изготавливались косы, серпы, топоры, ножи и др. Б.А. Калоев считал, что закинцы, как и все жители горной Осетии, не знали ювелирного и гончарного производства. Украшения для мужского и женского костюма приобретались в Тбилиси у дагестанских мастеров, гон-

чарная посуда попадала из Грузии посредством армянских и грузинских купцов.

Отходничество у закинцев не получило широкого развития, поскольку отгонная система скотоводства требовала большого количества рабочих рук.

Б. А. Калоев охарактеризовал и жилища закинцев. Основным жилищем были каменные постройки на сухой кладке с потолочными деревянными перекрытиями, с балками и опорными столбами, поставлявшимися через перевальные тропы из верховьев Большой и Малой Лиахвы.

Семейный и общественный быт закинцев, по сведениям ученого, мало отличался от других селений горной Осетии. Он отметил, что в начале XX в., наряду с преобладающими малыми семьями, встречались большие семьи, которые объединяли три-четыре поколения и насчитывали несколько десятков человек. Сохранение таких семей было обусловлено скотоводческой направленностью хозяйства закинцев, требовавшей большого количества рабочих рук.

Экономические и этнокультурные связи с Грузией, по мнению Б. А. Калоева, давали возможность закинцам овладевать грузинским языком. Знанию русского языка способствовали связи с городами-крепостями Кизляром (1737), Моздоком (1763) и казачьими станицами Северного Кавказа. Дети некоторых влиятельных закинцев обучались в Моздокской школе (1764), где преподавался русский язык.

Ученый остановился и на религиозных воззрениях закинцев, которые складывались веками. Он считал, что осетинский пантеон сформировался в основном в аланскую эпоху. Кроме общеосетинских божеств, у закинцев почитались фамильные и сельские божества. Б. А. Калоев предполагал, что некоторые названия, такие, как «Решы дзуар (св. Рент), Шанаты дзуар (св. Шаната), Байдзуар (св. Бая), Хеаы дзуар (св. Хеая) и т. д., неизвестные закинцам, являются наследием прежних жителей Заккинского ущелья» [1, 262].

Б. А. Калоев рассмотрел историю происхождения некоторых фамилий жителей Закка по фамильным преданиям. Согласно преданию, первыми в Закке поселились Кесаевы, заняв западную часть ущелья и образовав на большой поляне селения: Хушар, Дудута, Ботыхъау, Даллагкау (Цамелы фаз). В последнем селении располагалась церковь и приходская школа, на народных собраниях реша-

лись важнейшие общественные вопросы всего Заккинского общества, а позже, с принятием русского законодательства, находилось и управление Заккинским приходом.

Ученый предполагал, что Кесаевы были местного происхождения, потомками прежнего аланского селения Закки, ушедшего на юг. Он привел имена двух выдающихся деятелей Осетии XVIII в., которых дали заккинские Кесаевы – Эба Кесаева (Елисея Лукина сына Хетагова), видного политического деятеля, члена первого осетинского посольства в Петербурге (1752-1752) и Павла Генцаурова (Кесаева), одного из создателей первой осетинской графики на основе русского алфавита и первой осетинской печатной книги (1798 г.).

Б. А. Калоев подробно остановился на происхождении фамилии Абаевых, которые, по преданию, вторыми по времени после Кесаевых в появились в Закке, основав на самом востоке ущелья с. Абайтыкау. По свидетельству ученого, это селение часто называли *Захъ-хъа*, по имени всего ущелья.

Б. А. Калоев привел версии происхождения фамилии Абаевых. По одной версии, Абаевы считались выходцами из селения Къора Куртатинского ущелья и относились к древнему осетинскому роду Агъузата, известному средневековым аланам. По другой версии, фамилия Абаевых – тюркского происхождения (Абай – по-тюркски отец) и часто встречается у балкарцев и у казахов.

Б. А. Калоев предполагал, что югоосетинские Абаевы, составлявшие в Сбийском ущелье (Сбагом) два поселения – Верхний и Нижний Сба, выходцы из Закки, а кобинские Абаевы – из упомянутых поселений Юго-Осетии. Он привел мнение В. И. Абаева, который придерживался другого взгляда на происхождение своей фамилии. В личной беседе В. И. Абаев сообщил Б. А. Калоеву, что его отец в свое время рассказывал ему, что все Абаевы вышли из цейских Абаевых, проживавших в Цейском ущелье в двух населенных пунктах. Позже в с. Абайтыкау поселились выходцы из разных мест Осетии: Хутиевы, Цибировы, Бураевы, Медоевы, Ханаевы и др.

После Кесаевых и Абаевых в Закке поселились Калоевы, занимавшие небольшие населенные пункты: Зригата, Хусмасыг, Байком, Суарх, Дзегта и Багъота (два последние возникли не ранее XIX в.). Б. А. Калоев более подробно остановился на происхождении своей фамилии, которое основывалось на предании. По преданию, которое он изложил в своем исследовании, родоначальником фамилии была женщина Кало. В переводе с грузинского это имя означало

«девушка, женщина». Ученый перечислил фамилии, родственные Калоевым (*æрвадæлтæ*): *Ватаевы, Кайтовы, Тлатовы*. По мнению ученого, все осетинские Калоевы, в том числе хилакские (в верховьях Фиагдон), мизурские (верхний Мизур или Ногкау), дигорские (г. Дигора), вышли из Заккинского ущелья [1, 268].

В XVIII в. некоторые заккинцы (Битаровы, Абаевы, Кесаевы и др.) переселились в Моздок и моздокские степи с самого основания города.

На востоке, у самого выхода из ущелья, на правой стороне р. Заккадон находились два селения: Нижний (Даллаг) Пуриат и Верхний (Уаллаг) Пуриат. В первом селении поселились Лацоевы (или Цыборста), во втором – Габараевы (выходцы из Южной Осетии), Колиевы, Лацоевы, Мамиевы (выходцы из Туалгома). С конца XVII – начала XVIII в. в этой же части Заккинского ущелья возникло с. Ногкау, в котором проживали Томаевы (по прозвищу Мыкъата). В целом Заккинское ущелье, как и все осетинское высокогорье, характеризовалось постоянным оттоком и притоком населения.

Таким образом, историко-этнографическое исследование Б. А. Калоева о Заккинском ущелье, несомненно, представляет большой интерес. Оно основано на большом полевом этнографическом и фольклорном материале. Ученый попытался исследовать этногенез и этническую историю, материальную и духовную культуру жителей одного из высокогорных районов Осетии, доказав тем самым возможность изучать историю и этнографию осетин по ущельям.

1. Калоев Б. А. Захъхъа (Закка) // Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.; Наука, 1999. С. 260–286.

2. Калоев Б. А. Фамилии и фамильные предания // Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. С. 217–259.

3. Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. Изд. 3-е. М.: Наука, 2004. 471 с.

4. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 248 с.

5. Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века). М.: Наука, 1993. 231 с.

6. Калоев Б.А. Записки кавказоведа. Владикавказ: Зонд, 2002. 460 с.
7. Калоев Б.А. Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1979. М., 1983. С. 207-214.
8. Калоев Б.А. Дневник (Приложение) // Калоев Б.А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии в его трудах. М.: Наука, 2001. С. 87-150.

II. ИСТОРИЯ

**Э.Э. Габараева,
студентка 4 курса ЮОГУ
(г. Цхинвал)**

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.

В статье рассматривается социально-экономическое положение Южной Осетии в период первой русской революции и ее отражение на южных осетин. Первая русская революция представляет большую актуальность, потому что именно тогда осетины, как и другие угнетенные народы, начали бороться за свои права и привилегии; отзвук российских проблем быстро проявился и в Юго-Осетии. Попавшие под власть грузинских помещиков должны были нести тяжелые повинности, а в случае недовольства со стороны осетинского рабочего класса грузины подавляли восстания с помощью российского оружия, в результате чего наступило время освободительного движения, создавались революционные комитеты, кружки во главе с видными революционерами и патриотами. Осетинский народ вёл героическую борьбу не только против грузинского помещичьего произвола, но и русского империализма.

Несмотря на то, что первая русская революция потерпела поражение, она была толчком к созданию национальных советов 1917 года. Как предвидел Ленин, без «генеральной репетиции 1905 года – победа Октябрьской революции была бы невозможна».

Ключевые слова: крестьянские восстания, социал-демократические кружки, красная сотня, черносотенцы, русский империализм, грузинские тавады.

This article examines the social and economic situation in South Ossetia during the first Russian revolution and how it affected the South Ossetians. The first Russian revolution is very relevant, since it was then that the Ossetians, like other oppressed peoples, began to fight for their rights and privileges; the echo of Russian problems quickly affected South Ossetia. Those who fell under the rule of the Georgian landowners had to bear heavy duties, and, in case of discontent from the Ossetian working class, the Georgians suppressed the

uprising with the help of Russian weapons. As a result, the time of the liberation movement came, revolutionary committees and circles headed by prominent revolutionaries and patriots were created. The Ossetian people waged a heroic struggle not only against the tyranny of the Georgian landowners, but against Russian imperialism. Despite the fact that the first Russian revolution was defeated, it became the point towards the creation of national councils in 1917. As Lenin foresaw, without the «dress rehearsal of 1905, the victory of the October revolution would have been impossible».

Keywords: peasant revolt, social-democratic circles, red hundred, black hundreds, Russian imperialism, Georgian landowners.

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905-1907 годов характеризуется серьезной эпохой и важным периодом в истории России. Она являлась первой революцией, где участвовали не только крестьяне, но и интеллигенция, часть средней и мелкой буржуазии. Первая буржуазно-демократическая революция по характеру являлась интернациональной.

Это была первая народная революция эпохи империализма, которая нанесла удар по господству помещиков и капиталистов. В последней четверти XIX века капитализм России начал перерастать в свою последнюю стадию – империализм. С одной стороны, переход России к империализму происходил при сохранении остатков крепостничества в экономике и в социально-политическом строе страны [1, 3-7]; с другой стороны, с развитием капитализма увеличилась дифференциальная рента, а отсюда рост цены на землю. Кризис дал о себе знать в таких районах, как Донбасс и т. д., где уже в 1900-1903 гг. закрылись 3 тыс. предприятий; началась безработица, цены поднялись.

В центре буржуазно-демократической революции стоял аграрно-крестьянский вопрос [2, 68]. К этому времени в стране накопилось немало проблем, которые рано или поздно должны были привести ее к взрыву. Это низкий уровень жизни народа, социальная незащищенность. В начале 1900-х годов наблюдался мощный подъем рабочего движения, пробуждение деревни и национальных окраин империи, резкая активизация радикально настроенной интеллигенции и формирование социально-демократических кружков [4,1] Революция 1905 г. проходила под лозунгом: «Долой царское самодержавие!», «Долой Николая!» [3,40].

Началом первой русской революции явилось «Кровавое воскре-

сенье» – 9 января 1905 г. На события 9 января откликнулся пролетариат всей России. Мощное революционное движение развернулось и в Юго-Осетии и нашло отражение в национальных окраинах.

Начиная с первой половины XIX в., в Южной Осетии господствовали остатки родового строя, примитивное развитие экономики. Зато усилившиеся «привилегированные» представители грузинского дворянства Мачабели, Эристави настойчиво притесняли и жестко эксплуатировали крестьян-осетин. Сложная ситуация была не только с грузинской стороны, но и со стороны российского царского правительства. В то время, как положение осетинского крестьянства оставалось крайне трудным, царское правительство России охраняло усердно привилегии грузинского дворянства, в результате чего вспыхивали неосознанные, спонтанные крестьянские восстания [5, 19]. Крестьянская реформа оставила трудящиеся массы деревни в безвыходной зависимости от помещиков. Крестьяне Юго-Осетии были обязаны до выкупа наделов отбывать повинности в пользу помещиков.

Проведенная реформа не имела ничего общего с интересами крестьянства. Положение крестьян ещё ухудшилось, усиливалась острая нужда в земле. Крестьяне жаловались, что помещики отбирают у них половину земли, которой они пользовались до реформы. Далее крестьяне писали, что «не имеют возможности исполнять небывалые до сих пор налоги, возложенные на них помещиками». Крестьянство жаловалось на отсутствие возможностей пользоваться пастбищами и лесом. До реформы крестьяне хотя бы имели право пользоваться лесом, но в пореформенное время помещики требовали плату за их пользование [6, 21,34].

В начале XX в. помещики стали ещё чаще сгонять крестьян с земель. Оставшись без земли, крестьяне вынуждены были идти в город в поисках лучшей жизни. В особо тяжелом положении находились в пореформенное время крестьяне селений Сба, Сгубир, Ортеви. Об этом свидетельствуют их письма, где писали: «У нас нет лесистых гор, чтоб заниматься скотоводством, нет достаточного количества пахотных земель, чтобы, ведя земледелие, иметь необходимое пропитание, а труды наши вознаграждают самым скудным образом» [6, 40].

Порой помещики пользовались темнотой и неграмотностью крестьянских масс, когда требовали вторичного отбывания повинностей. В случае отказа помещики часто устраивали вооруженные

набеги на крестьян, требуя внесения повинностей в два, три раза больше установленных. Накануне революции 12% крестьян Юго-Осетии занималась отходничеством. Насколько было тяжелое экономическое положение, можно судить по данным Мачабели: многие молодые матери, оставляя грудных детей дома, уходили в Тифлис и Баку для того, чтоб поступать в буржуазные дома кормилицами и домашней прислугой [6, 74]. В 1903 г., по данным переписи населения г. Баку, среди жителей города осетин насчитывались 179 чел., это число возрастало до нереальности. Таким образом, присутствие капиталистических предприятий не могло изменить социально-экономическое положение Юго-Осетии, которая в дореволюционный период оставалась отсталой аграрной окраиной. На положении рабочих сказывалось наличие сильных пережитков крепостничества, которые усугубляли капиталистический гнет в Российской империи. Это не могло не сказываться на территории Закавказья. После отмены крепостного права не было законов, которые ограничивали бы произвол фабрикантов и бесчеловечную эксплуатацию рабочих предпринимателями. Низкая заработная плата, длительный рабочий день. В Юго-Осетии особо тяжелому положению подверглись рабочие-лесопромышленники. Работали 14-16 часов и получали мизерную плату, которую под разными предлогами урезали лесопромышленники.

Те отходники из Юго-Осетии, которые направлялись в промышленные города Закавказья – Баку, Тифлис, испытывали там все ужасы капиталистической эксплуатации.

На обширном пространстве – от Черного моря до Уральского хребта – все крестьянское население Европейской России было охвачено страшным голодом. Но, самое интересное то, что голод не является стихийным бедствием. Он был результатом крепостнической кабалы и господства помещичьего землевладения в сельском хозяйстве. Соответственно все больше усиливались столкновения крестьян с помещиками. В начале XX в. встречаются разные формы борьбы: это увоз хлеба из помещичьих амбаров, захват помещичьей земли, поджоги и разгром имений. В 1902-1903 гг. Грузию охватили крестьянские восстания. Среди крестьян распространялись листовки и прокламации. Огромную работу в деревне в это время вели рабочие социал-демократы, которые истолковывали причины их бедности [6, 108]. Таким образом, это не могло не повлиять на Южную Осетию. Упорную и активную борьбу против царизма и

своих помещиков вели юго-осетинские крестьяне. Так появляются пропагандисты, призывающие не повиноваться помещикам для несения повинностей.

Первые зачатки революции и идеи социализма проявились при создании организации под руководством Ленина «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз борьбы», который представлял собой образец соединения рабочего движения с социализмом, и означал новую эру в рабочем движении – переход к массовой политической агитации. Начались политические стачки трудящихся Кавказа, поднялось тем самым Красное знамя, а также и портреты революционных вождей – Маркса и Энгельса, с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Эти движения находили широкий отклик среди крестьян Юго-Осетии. Для формирования революционных идей рабочего движения роль сыграла 1-я общерусская социал-демократическая газета «Искра». Ленинская «Искра» стремилась к инкорпорированию среди рабочего пролетариата. На страницах этой газеты помещались статьи о восстаниях на Украине, о крестьянских движениях в Закавказье. К этому периоду относится важный шаг в деятельности социал-демократических движений. Это движение связано с именем видного революционера, борца против царского произвола и капитализма Владимира (Ладос) Кецохели. Он был первым пропагандистом марксистских идей в конце XIX в. [2, 40-41].

Л. Кецохели принял активное участие в создании социал-демократического кружка в селении Джава. Объяснял причины бедности и нищеты, какими способами следует бороться против помещиков. Значительную помощь в основании этого кружка оказали социал-демократы, направленные в сел. Джава Тифлисской социал-демократической группой. В кружок входили рабочие лесоразработок и местные крестьяне: Илик Гассиев, Габо Цховребов, Георгий Харебов и другие.

Стоит отметить, что ещё в начале XX в. появились первые интеллигенты, получившие образование за пределами Осетии; особенное прогрессивное влияние на их мировоззрение оказывали революционно-демократические идеи выдающегося сына осетинского народа, поэта, этнографа Хетагурова Коста Левановича.

Революционный демократизм Коста Хетагурова органически связан с общественными процессами конца XIX и начала XX в. Он состоит из идеологии, призывающей народ к социальной свободе

и политической независимости. Главную свою задачу поэт видит в том, чтобы донести до народа идеи национального освобождения от самодержавного режима. «Завидую тем, писал Коста Хетагуров, кто народ мятежною речью зажжет» [7, 328].

Но в целом передовая общественная интеллигенция начала активную работу в России, где пропагандировались идеи Плеханова, Ленина. Лидеры российской социал-демократии выдвинули идею объединения социал-демократических организаций Закавказья и создания Кавказского союза РСДРП. Кавказский союз должен был облегчить слияние закавказских социал-демократических организаций с российской социал-демократической рабочей партией. Под влиянием социал-демократической агитации крестьяне отказывались подчиняться помещикам, отбывать барщину, вносить оброк и другие повинности.

В мае 1903 г. впервые в Юго-Осетии, недалеко от Хеити, была проведена маевка, на которой присутствовало до 80 чел. Член Горьковского Комитета РСДРП Г. Елисабедашвили и другие произносили речи, в которых звучал призыв к решительной борьбе против самодержавия. Эта маевка содействовала революционной работе среди трудящихся масс Юго-Осетии. Революционную работу среди трудящихся крестьян Южной Осетии, как и всего Закавказья, возглавлял Кавказский союзный комитет РСДРП. Комитетом было издано несколько брошюр, в том числе произведение Ленина «К деревенской бедноте», а также листовки и прокламации, в которых много места уделялось и экономическим требованиям крестьян.

Летом 1903 г., когда весь Кавказ и юг России были охвачены волной массовых стачек, забастовку объявили и рабочие юго-осетинских лесоразработок, выступившие против своих угнетателей – лесопромышленников. В этих условиях важное значение для революционного пробуждения крестьянства и вовлечения его в борьбу против буржуазно-помещичьего гнета и царизма имела разработка Лениным аграрной программы РСДРП, требовавшей конфискации помещичьих, церковных, монастырских, удельных земель и национализации всей земли. Социал-демократия связывала эти требования с уничтожением самодержавия и установлением демократической республики [6, 195-197].

В марте крестьянство Юго-Осетии стало готовить себя к освободительной борьбе, начало участвовать в митингах, собраниях. Революционно-освободительную идеологию пропагандировали члены

Кавказского союзного комитета РСДРП, передовые представители народа, которые призывали народ Юго-Осетии к борьбе за осуществление социальных реформ: конфискация помещичьей земли, восьмичасовой рабочий день и т. д.

Первые социал-демократические кружки возникли в Юго-Осетии в 1902 г. и состояли из отходников. Отходники становились в своих краях энергичными пропагандистами революционных идей [8,101].

Среди революционеров особо выделялись Тома Чочиев, Шакро Валиев, Саулаг Каджаев, Антон Дриаев (Наполеон). Они являлись руководителями социал-демократических кружков, которые вдохновляли народ на освободительную борьбу.

Рост народного движения внушал серьезные опасения князьям, помещикам. Об этом свидетельствует письмо князя И. Амилахвари, в котором он описывает обстановку. Князь был возмущен крайне, что права и собственность дворян не находят защиты, агитаторы свободно разъезжают и ведут свою работу среди крестьян. В этом же письме Амилахвари высказал мнение об организации черных сотен для расправы с революционным движением. По его мнению, единственное спасение для дворян – это объединение для защиты своего имущества. Для защиты своих интересов и привилегий в Горьском уезде в 1905 г. создавались черные сотни, во главе с такими помещиками, как Гиго Мачабели, Гиго Амилахвари. Их главной целью было подавление революции. В противовес им создавались красные сотни. Так, после 3 съезда РСДРП по указанию Кавказского союзного комитета началась массовая пропаганда вооруженного восстания. Первым шагом к этому стала организация революционных отрядов – красных сотен. Красносотенным отрядом в цхинвальском участке руководил Корнелий Касрадзе, в Корниси – Шакро Валиев [8, 107].

Так, III съезд РСДРП выработал технический план, предусматривавший доведение буржуазно-демократической революции до победного конца. Для выполнения этой задачи 3 съезд поручил коммунистам помочь крестьянству сплотиться вокруг гегемона революции – пролетариата – и с этой целью обязал их: 1) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, чтобы улучшить его положение, с помощью конфискации помещичьих, казенных, церковных земель; 2)

выдвигать необходимость немедленной организации революционно-крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований [5, 100].

К маю 1905 г. повышается активность пропаганды в Ксанском ущелье. Летом 1905 г. революционное движение по всей стране принимает огромный размах. Красные сотни разгромили штаб черной сотни. Все помещики в районах, где действовала красная сотня, разбежались. Вооруженные крестьяне требовали от князей Херхеулидзе покинуть село; разгромили усадьбу князей Давида и Ясона Херхеулидзе, вынудив их бежать в Тифлис [2, 84-85].

Главные требования, которые выдвигались крестьянами на массовых сходках весной 1905 г., были таковы: 1) неприкосновенность личности; 2) предоставить жителям Джавского, Кешельтского, Рокского ущелий в собственность те земли, на которых они проживают по сие время; 3) предоставлять местным жителям казенные земли, расположенные в Южной Осетии; 4) предоставить таковые же права тем осетинам, которые проживают на помещичьих землях на разных условиях; 5) отменить косвенные налоги; 6) освободить жителей от платежа на содержание земской стражи; 7) ввести всеобщее бесплатное обучение; учредить побольше сельских школ с условием, чтобы обучение велось на родном языке; 8) обосновать в Южной Осетии не менее 5-ти четырехклассных училищ с сельскохозяйственными отделениями, а также женские школы с профессиональными отделениями; 9) предоставить право издавать на осетинском языке ежедневную газету и т. д.

В ответ на все возрастающее революционное движение представители царской власти решили усмирить народ суровыми карательными мерами. В целях осуществления этих замыслов 20 июня 1905 г. наместник Кавказа Воронцов-Дашков издал приказ, по которому в Горийском и Душетском уездах объединялись действия войск и гражданских властей по борьбе с революционным движением. По этому же приказу названные уезды были выделены в отдельное генерал-губернаторство, куда с особыми полномочиями был назначен помещик, генерал-адъютант Иван Амилахвари. Путём повсеместной расстановки воинских частей на экзекуции он планировал уничтожить сначала центры революционной пропаганды. Для подавления осетин были направлены казачьи и стрелковые части, производились аресты, тюрьмы были переполнены. Многие из арестованных высылались в Архангельскую и другие губернии. Все

это обострило национально-освободительное движение за свержение тавадской грузинской власти.

Наместник Кавказа Воронцов-Дашков 23 декабря 1905 г. ввел военное положение в Горийском и Душетском уездах. Для подавления революционного движения в Южную Осетию были направлены карательные отряды Внуковского, Михайлова, Леонтьева, Неклюдова и др., которые производили экзекуции, учиняли расправы, артиллерийским огнем сносили дома и целые деревни. Из рапорта капитана Внуковского следует, что отряд с 10 по 24 января побывал в селениях Тамарашени, Цунар, Зар, Корнис.

Однако надежды царских властей на карательный отряд не оправдались. Разоружить крестьян-осетин и привести их в покорность не удавалось, а грузины требовали от властей более жестких мер к ним.

Таким образом, в течение 1906 г., несмотря на жестокую политику царизма, репрессии и энергичные действия карательных отрядов, которыми была наводнена вся территория Южной Осетии, крестьяне-осетины не прекращали национально-освободительную борьбу против своих угнетателей до 1907 года [9, 14-30].

Царские власти набрали большие силы, чтобы подавить революционную деятельность, ликвидировав лидеров крестьянского движения. Революция 1905 года в Южной Осетии окончилась поражением, потому что не было достаточной сплоченности в организации борьбы против царского и помещичьего произвола, в результате революция пошла на спад.

Революция 1905-1907 гг. имела огромное международное значение, это мы видим на примере Южной Осетии. Несмотря на то, что первая русская революция потерпела поражение, она дала богатый опыт для Октябрьской революции, подняв на борьбу угнетенный рабочий класс. Во время революции 1905-1907 годов были основаны идеи социализма.

1. Очерки истории СССР 1905-1907 гг. / Под ред. А.М. Танкратовой, А.М. Костомарова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство РСФСР, 1935.

2. Цховребов В.Д., Санакоев М.П. Южная Осетия в период трех революций. Тбилиси, 1981.
3. Архив ЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 3. Арх. 23. Л. 40.
4. Ясько Т.Н. Первая русская революция 1905-1907 гг. 2005. № 4.
5. Бекоева С.Г. Юго-Осетия в период Первой русской революции. Сталинир, 1956.
6. Догузов П.В. Революционное движение в Юго-Осетии в конце XIX – начале XX вв. Сталинир, 1960.
7. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000.
8. Чибилов Л.А. Южная Осетия в XIX – начале XX вв. Владикавказ, 2014.
9. Тадтаев Т.В. Национально-освободительная борьба в Южной Осетии в начале XX века (1900-1922 гг.) Цхинвал, 2014.

А.Х. Журтова,
доцент кафедры этнологии, истории народов КБР
и журналистики КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

**СИСТЕМА ОБЩЕГО И СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В 1920-х – 1980-Х гг.**

Статья посвящена изучению процесса становления и развития советской общеобразовательной системы и среднего профессионального образования в Кабардино-Балкарии. В ней анализируются нормативно-правовые акты, институциональная, организационная и идеологическая основа, на которую опиралась государственная образовательная политика СССР. Речь идет о создании советских образовательных учреждений, формировании профессиональных кадров и т. д.

Ключевые слова: советское образование, общее образование, среднее профессиональное образование, Кабардино-Балкария, школа, училище.

The article is devoted to the study of the process of the formation and development of the Soviet general education system and secondary vocational education in Kabardino-Balkaria. It analyzes regulatory and legal acts, institutional, organizational and ideological foundation, which relied on the USSR state educational policy. We are talking about creating Soviet educational institutions, formation of professional personnel, etc.

Keywords: Soviet education, general education, secondary vocational education, Kabardino-Balkaria, School, Specialized school.

Современная российская образовательная система находится в непрерывном процессе модернизации и обновлении ее основных задач и ориентиров. Методы, механизмы и средства реализации образовательной политики периодически вызывают споры, дискуссии, что создает необходимость осмысления данной проблемы на новом теоретическом уровне. Очевидно, что, решая основные задачи образовательного процесса и отвечая на новые вызовы современности, необходимо использовать позитивный опыт советской образовательной системы для совершенствования норматив-

но-правовых, организационных и институциональных основ российского образования.

Нормативно-правовой основой процесса создания советской образовательной системы в стране послужили Положение об организации дела народного образования РСФСР, изданное Совнаркомом (июль 1918 г.), Декрет ВЦИК о единой трудовой школе РСФСР и Постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств» (октябрь 1918 г.) [1, 436]. Указанные документы и иные локальные нормативные акты упраздняли имперскую систему образования и предполагали создание единой советской трудовой школы в составе двух ступеней: на первой ступени обучение детей велось 5 лет – с 8 до 13 лет, на второй ступени обучение длилось 4 года – с 13 до 17 лет [2, 35].

В силу отсутствия необходимой материально-технической базы, педагогических работников, методических и учебных материалов первые советские образовательные учреждения Кабардино-Балкарии создавались и работали в чрезвычайно тяжелых условиях [3, 119]. Поэтому в первые годы советская школа опиралась на старую дореволюционную интеллигенцию и мусульманское духовенство [4, 102]. В начале 1920-х гг. для подготовки новой плеяды учителей в Кабардино-Балкарии были организованы краткосрочные педагогические курсы.

Перед советской школой партия поставила задачу радикально изменить идейное содержание обучения. Велась работа по кардинальной переработке образовательных программ и учебных планов, изменению средств и методов обучения, созданию и публикации новых учебников и т. д. Программа всеобщего народного образования становилась единой для всех народов в составе СССР, независимо от их национально-региональных особенностей.

Особое внимание уделялось идейному образованию. После установления Советской власти на Северном Кавказе большевики начали решать стратегические задачи коммунизма [5, 151]. В 1924 году в школьную программу как предмет был введен родной язык.

За мусульманским образованием был установлен государственный контроль [6, 145]. В соответствии с секретной инструкцией НКВД и НКП РСФСР «О преподавании мусульманского вероучения...» (21 августа 1924 г.) преподавание основ ислама могло вестись только в мечетях и после получения разрешения у руководителей местных исполкомов. В данном разрешении необходимо было указать ос-

новные сведения о преподавателе (семейное, служебное и имущественное положение с 1914 г.), информацию об обучающихся лицах, время преподавания. Нужно было также приложить подписанный договор о праве пользоваться мечетью в образовательных целях [7, 162].

В начале 30-х годов XX в. начались гонения на мусульманское духовенство, прошли массовые аресты имамов, мулл, закрывались мечети (в Кабардино-Балкарии не осталось ни одной официально действующей мечети). Были закрыты все медресе, школы арабского языка, что привело к разрушению системы религиозного образования [5, 194].

На основании решения областного комитета партии и местного исполнительного комитета в Кабардино-Балкарии в 1923 году началось формирование областной Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности среди населения [8, 5-6]. В срочном порядке началась подготовка кадров для реализации данной задачи, были выделены специальные помещения, так называемые ликвидационные пункты, в которых обучались взрослые. Прежде всего, возникла необходимость обучения комсомольцев и коммунистов основам правописания на русском языке [9, 212]. Ликбезпоход превратился в боевую политическую кампанию, он проводился под пристальным вниманием областного и окружного комитетов партии. Область превратилась в сплошную школу [10, 47]. Обобщая эту работу, Б. Э. Калмыков писал: «Кабарда и Балкария сегодня – область сплошной грамотности. За образцовое проведение ликбезпохода они получили Красное знамя Центрального штаба по ликбезу» [11, 217].

Важной вехой в развитии образования стало постановление ЦК ВКП (б) от 25 июля 1930 года «О повсеместном введении начального и семилетнего обучения в городах и селах с 1930/31 учебного года». Для реализации этой задачи было признано необходимым: значительно увеличить бюджетные ассигнования на новое школьное строительство; привлечь к строительству промышленные, хозяйственные, профсоюзные и другие организации; расширить подготовку педагогических кадров.

В августе 1930 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении» [1, с. 437]. В Кабардино-Балкарии была создана конкурсная комиссия по всеобучу. Ее председателем был утвержден К. Э. Ульбашев [12, 56]. В первом учебном году всеобуча (1930/31 г.) число учащихся начальной шко-

лы составило 27000 человек, или 96,2 процента всех детей школьного возраста [13, 28].

В 1938 году было принято постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Оно было призвано способствовать «межэтнической интеграции».

Дальнейший подъем школьного строительства и реализация всеобщего среднего образования были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной. Лишь с конца 40-х – начала 50-х годов XX века стало наблюдаться заметное оживление в развитии народного образования [1, 437-438].

В ноябре 1950 г. Верховный Совет республики на своей сессии обсудил вопрос о состоянии народного образования. Подводя итоги проделанной работе, сессия отметила некоторое улучшение народного просвещения. За послевоенные годы школьная сеть выросла на 20 процентов, контингент учащихся увеличился с 46,7 тыс. учеников до 70,3 тыс. Повысился также и общеобразовательный уровень учителей [14, 26].

В 1952 г. XIX съезд партии принял решение «О постепенном переходе от семилетнего образования ко всеобщему среднему, о подготовке усилий для полного осуществления в следующей пятилетке (1956–1960) всеобщего среднего (десятилетнего) образования, об осуществлении политехнического обучения в средней школе», а в соответствии с принятым в 1958 году Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» средние школы были преобразованы в 11-летние общеобразовательные учреждения с производственным уклоном.

Культурные преобразования 1960-х гг. привели к ломке старого аппарата народного образования, к осуществлению его коренной перестройки, проведены мероприятия по ликвидации неграмотности среди населения и др. [15, 99]. В 1960-1961 гг. национальные школы в республике начали обучать детей на русском языке с первого класса [15, 101]. Данное нововведение было подчинено политике «сближения наций и национальных языков» – одной из основных целей коммунистического строительства в стране [1, 439].

Закон 1958 года об укреплении связи школы с жизнью затронул также учебные планы, куда были введены новые предметы, формирующие знания в области промышленного и сельскохозяйственно-

го производства. В соответствии с новым законом, сельские школы стали выпускать механизаторов широкого профиля, садоводов, овощеводов, агрономов, виноградарей, животноводов, а городские – электромонтажников, слесарей и др. [16, 218-219].

Через некоторое время обнаружились серьезные недочеты проводимой реформы. Новая школа должна была совместить общеобразовательную, политехническую и профессиональную подготовку школьников. Перед школой была поставлена задача подготовить учащихся для конкретной работы. Но жизнь не подтвердила целесообразность подобных расчетов. Общеобразовательные учреждения не имели соответствующих материальных условий и необходимых кадров для производственного обучения, кроме того, была ослаблена связь труда с содержанием общего образования и всей воспитательной работы в школе [17, 71-72]. Все это послужило поводом для снятия акцента с технического обучения детей в середине 1960-х годов. В школах было усилено внимание к патриотическому и идейному воспитанию учащихся [18, 105].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР срок обучения в средней школе с 1967/68 учебного года был сокращен с 11 до 10 лет [17, 72]. 20 июня 1972 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и о дальнейшем развитии общеобразовательной школы» [16, 302-303]. Аналогичное постановление было принято также в Кабардино-Балкарии.

В связи с введением всеобщего среднего образования в республике шло активное строительство школ. С 1971-го по 1975 годы в Кабардино-Балкарии было построено 31 школьное здание на 18226 ученических мест. Однако все еще во многих сельских школах сохранялась многосменность занятий. В 1980/81 учебном году в республике функционировало 268 школ, в том числе 239 дневных общеобразовательных, в которых обучалось 121,6 тыс. детей [19, 148].

Наряду с интенсивным развитием школьного образования, широкое распространение приобрели учебные учреждения нового типа – школы-интернаты, в которых имелись все необходимые условия для учебы и проживания детей [1, 439]. В школы-интернаты, в первую очередь, зачислялись дети-сироты, полусироты, дети из многодетных семей, семей пенсионеров и тех семей, где нет условий для обучения и воспитания [17, 89]. Популярной формой обще-

ственного воспитания школьников стали группы продленного дня для учащихся младших классов.

Начавшиеся глубинные и широкомасштабные преобразования в середине 80-х годов XX века внесли свои коррективы в систему образования. Массовая школа стала уходить от единого, тотального образования к вариативному обучению.

Процесс возникновения и развития начального и среднего профессионального образования в Кабардино-Балкарии в первые годы советской власти был связан с проблемами восстановления разрушенного в ходе Гражданской войны народного хозяйства. Постепенно открываются начальные и средние профессиональные образовательные учреждения, целью которых стала подготовка кадров для всех отраслей советской экономики. В июле 1920 г. в Нальчике были открыты краткосрочные педагогические курсы, а с ноября 1922 г. началось функционирование областной совпартшколы [20, 106-107].

В 1924 г. в Нальчике для подготовки специалистов разной квалификации был открыт Ленинский учебный городок (ЛУГ) [21, 23]. ЛУГ очень быстро превратился в главный культурный центр КБАО [22, 92]. В 1926 году на территории Ленинского учебного городка располагались Дом пионеров, совпартшкола, фельдшерско-акушерские курсы, педагогический, кооперативный и сельскохозяйственный техникумы. В 1924-1929 гг. контингент обучающихся в Кабардино-Балкарском ЛУГе увеличился с 300 до 1000 человек [1, 440].

В 1926 г. на базе ЛУГа создан государственный Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, в составе историко-этнографического, социально-экономического, естественнонаучного, библиографического секторов, а также сектора по популяризации знаний и поддержке школ [20, 110]. В постановлении ЦИК КБАО от 6 января 1926 года было отмечено: «В целях привлечения научных сил в Кабарду и Балкарию для научного изучения и исследования естественных богатств и производительных сил области – экономики, истории, археологии и этнологии, в целях содействия и подготовки научных работников по краеведению, а также для распространения разносторонних научно проверенных сведений среди широких масс населения о Кабарде и Балкарии, считать необходимым организовать в помещении Ленинского учебного городка Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт» [23,

310-311]. В 1931 году функционировавший в Кабардино-Балкарии ЛУГ был переименован в Ленинский партийный учебный городок (ЛПУГ), а в 1936 году на базе ЛПУГа возникли самостоятельные средние специальные учебные заведения.

В целях повышения квалификации педагогических кадров в Кабардино-Балкарии в 1938 году был создан Институт усовершенствования учителей.

Интенсивными темпами развивалось также среднее специальное образование. В 1953-1955 гг. в Кабардино-Балкарии были открыты: сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов (1953), политехнический (1954), технологический (1955) и кооперативный (1955) техникумы.

Важным событием в культурной жизни республики явилось открытие в 1956 году музыкального, а в 1960 году культурно-просветительного училища, которые стали готовить кадры для профессионального и самодеятельного искусства.

В 1960-е – 1980-е годы в Кабардино-Балкарии система начального и среднего профессионального образования получила свое дальнейшее развитие. Принятие Закона о школе (1959) провозгласило необходимость сочетания теоретического и практического аспектов в обучении. В связи с этим ремесленные, строительные и другие профессиональные учебные заведения стали преобразовывать в дневные и вечерние городские профессионально-технические училища со сроком обучения от 1 до 3 лет и сельские профессионально-технические училища со сроком обучения в 1-2 года в зависимости от сложности профессии [1, 442].

К 25-летию (1965) системы профтехобразования в республике насчитывалось 8 ПТУ. 2 апреля 1969 года ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования» [24, 32]. Реализация данного постановления в Кабардино-Балкарии привела к расширению и укреплению бывших профтехучилищ.

Вплоть до 1980-х годов важнейшей формой получения профессии оставалась профессионально-техническая подготовка в училищах. В конце 1980-х годов ПТУ перешли в ведение Министерства образования. В начале 1990-х годов, в связи с изменениями социально-экономического и государственно-политического развития страны, существенным образом снизилась востребованность ПТУ.

Часть из них прекратила свое существование, другие преобразованы или же перепрофилированы.

Аналогичные процессы претерпело и среднее специальное образование. С конца 70-х – начала 80-х годов XX века, в связи с повышением ориентации выпускников школ на получение высшего образования, численность учащихся в средних специальных учебных заведениях стала сокращаться. Так, если в 1980/81 учебном году в Кабардино-Балкарии на 10 тыс. человек населения 160 человек обучалось в средних специальных и 129 человек в высших учебных заведениях, то в 1989 году их соотношение составило 110/161 [1, 442-443].

Таким образом, советская образовательная система Кабардино-Балкарии развивалась в контексте культуры, научно-образовательной системы СССР, но вместе с тем она имела и свои особенности, связанные с различием конкретно-исторических условий, своеобразием быта и духовного наследия прошлого. За годы советской власти были созданы кабардинская и балкарская письменности, ликвидирована неграмотность населения. К концу 1930-х гг. марксистская идеология стала господствующей, и на ее основе в Кабардино-Балкарии, как и во всей стране, была организована вся духовная жизнь народов республики. Была полностью разрушена система религиозного образования. В начале 1960-х гг. был осуществлен перевод национальных школ на русский язык обучения, что способствовало межэтнической интеграции. Важное значение для образовательной системы республики имел переход в 1970-х гг. ко всеобщему среднему образованию.

Создание системы начального и среднего профессионального образования стало необходимым для восстановления и развития разрушенного народного хозяйства страны. В образовательных учреждениях готовили специалистов для всех сфер общественной жизни. Но в силу ряда причин к концу 1980-х гг. упала востребованность учреждений начального и среднего профессионального образования, и вскоре часть из них была либо перепрофилирована, либо просто перестала существовать.

1. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
2. Копачев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (30-е годы XX в.). Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1964. 179 с.
3. Бербеков Х.М. Образование и развитие кабардинской социалистической нации. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1958. 321 с.
4. Кешева Е.Т. В. И. Ленин и народное образование в КБАССР // В.И. Ленин и социалистические преобразования в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1971.
5. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик: Эльбрус, 2004. 328 с.
6. Мамсиров Х.Б. О некоторых проблемах исламского фактора на Северном Кавказе в период советской модернизации (20-30 гг. XX в.) // Литературная Кабардино-Балкария. 2003. № 4.
7. Мамсиров Х.Б. Проблемы мусульманского образования на Северном Кавказе в 20-е гг. XX в. // Литературная Кабардино-Балкария. 2003. № 6.
8. Сабанчиев Х.М. Из истории народного образования в Советской Кабарде до введения всеобуча // Ученые записки КГПИ. Нальчик, 1955. Вып. 7.
9. Шибзухова Х. Ликвидация неграмотности в 20-е годы XX века в Кабардино-Балкарии // Литературная Кабардино-Балкария. 2006. № 1.
10. Мамсиров Х.Б., Саблиров М.З. Деятельность культурно-просветительных учреждений Кабардино-Балкарии в годы первой пятилетки // Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981.
11. Калмыков Б.Э. Статьи и речи. Нальчик: Эльбрус, 1983. 240 с.
12. Карданов Х.М. Советы Кабардино-Балкарии и вопросы народного просвещения в годы первой пятилетки // Культура народов Северного Кавказа. Нальчик, 1989.
13. Сабанчиев Х.М. Введение всеобуча в Кабарде // Ученые записки КГПИ. 1956. Вып. 9.
14. Ашхотов Р.М. Из истории деятельности Кабардино-Балкар-

ской партийной организации по подготовке и воспитанию учительских кадров (1946-1958 гг.) // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1974. Т. XXVI.

15. Балкарова Л.Б. Народное образование в Кабардино-Балкарии в 60-е годы XX в. // RES PUBLICA. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2002. Вып. 3.

16. Хутуев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 452 с.

17. Чеченов Ш.Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920-1970 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1971. 335 с.

18. Хутуев Х.И. Советская автономия и расцвет социалистической культуры народов Кабардино-Балкарии // 60 лет советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.

19. Хутуев Х.И. Народное образование Кабардино-Балкарии в период развитого социализма // Вопросы культурного строительства в советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984.

20. Герандоков М.Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917–1940 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1975. 239 с.

21. Лосева О. Развитие просвещения, культуры и здравоохранения в Кабардино-Балкарской АССР за годы советской власти // Блокнот агитатора. 1967. № 26.

22. Перновская А.М. Почетный курсант ЛУГа // Б.Э. Калмыков – выдающийся общественный и государственный деятель Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 92-104.

23. Из протокола заседания президиума Кабардино-Балкарского облисполкома об организации научно-исследовательского института // Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941 гг.). Нальчик, 1980. Т. 1.

24. Хутуев Х.И. Из истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1972. 132 с.

К. П. Комаев,
магистрант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ ВРЕМЁН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрены важные обстоятельства внешней политики ведущих западных держав в период второй мировой войны. Подвергнуты анализу те последствия, к которым эта политика привела в конечном итоге; даётся субъективная оценка всем описанным в ней событиям и обстоятельствам.

Ключевые слова: Мюнхенское соглашение, Аншлюс Австрии, Ленд-лиз, каренси борд.

The article considers the important circumstances of the foreign policy of the leading Western powers during the Second World War. The consequences to which this policy ultimately led are analyzed; a subjective assessment of all the events and circumstances described in it is given.

Keywords: Munich Agreement, Anschluss of Austria, Lend-Lease, karensi board.

9 мая 2021 года в своей, ставшей традиционной, речи в ознаменование Победы в Великой Отечественной войне, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации, как многим показалось, имел неосторожность оговориться, сказав, что «в самое трудное время войны, в решающих сражениях, определивших исход борьбы с фашизмом, наш народ был один, один на многотрудном, героическом и жертвенном пути к победе...» [Путин].

По мнению осуждающих, было озвучено слово «один» вместо «един». Была ли эта оговорка допущена по невнимательности, либо же это – целенаправленное указание на реальное обстоятельство для установления исторической справедливости? И почему этот вопрос не теряет актуальности по сей день?

На эти вопросы будет предпринята попытка дать ответы в настоящей статье.

В современной историографии прочно закрепились такие устойчивые выражения, как страны антигитлеровской коалиции, союзные войска, так как в годы войны синонимом антигитлеровской коалиции стал термин «Объединенные Нации» (United Nations), пред-

ложенный президентом США Франклином Рузвельтом.

И, безусловно, на борьбу с фашизмом поднялись представители многих народностей и стран того времени, но если говорить о политике тех стран, которые считаются союзническими тем, кто реально боролся с фашизмом, то здесь может возникнуть ряд вопросов.

Наиболее показательное и не требующее доказательств событие, произошедшее накануне второй мировой войны, стало заключение договора между доминирующими на тот момент в Европе государствами с нацистской Германией в лице самого Гитлера. В истории этот договор останется как «Мюнхенское соглашение» [1,3]. 29 сентября 1938 года в Мюнхене представителями Англии в лице ее премьер-министра Невилла Чемберлена, Франции в лице ее премьер-министра Эдуарда Даладье и Италии, которую представлял Бенито Муссолини, был заключен договор. Предметом данного договора стало решение об отторжении от Чехословакии ее западных территорий и передаче их нацистской Германии. Что же означала передача в 1938 году богатых тяжелой промышленностью и вооружением территорий сопредельного государства нацистской Германии? Государству, которое и не скрывало претензий на мировое господство на основе своей расовой исключительности. С учетом того, что, на момент подписания Мюнхенского договора о реваншистских планах гитлеровской Германии после Версальского мирного договора, было хорошо известно всем, могло это означать только одно: что все участники сговора напрямую поддерживали и содействовали всему тому, что впоследствии попыталось осуществить нацистское командование. Почему термин «сговор» более адекватен для наименования данного соглашения? Хотя бы потому, что на его заключение не было приглашено представительство того государства, территория которого, по сути, и являлась предметом этого самого договора [1,3]. На подписание договора не было приглашено и представительство СССР. Таким образом, создается впечатление того, что был собран состав участников, согласие которых заведомо предполагалось.

Показательным является и то, при помощи чего английским и французским парламентам удалось уговорить главу Чехословакии того времени принять предписанные ей унижительные условия нового договора. Участники Мюнхенского сговора давали гарантии того, что претензии Третьего рейха не распространятся дальше Судетской области, а также гарантии полной безопасности Эдуарду

Бенашу и его государственной безопасности [1,6]. Бенаш же, наивно надеясь сохранить ядро нации, был вынужден принять условия ультиматума, к тому же он понимал, что при новой сложившейся расстановке сил в Европе после Мюнхенскогоговора Судеты ему не удержать в любом случае.

Уже после окончания второй мировой войны, Нюрнбергский трибунал однозначно установил факт оккупации Чехии подготовленной и хорошо спланированной военной операцией, которая в значительной степени послужила планам нацистов. Развязывание второй мировой войны трибунал расценил как посягательство на фундаментальные права человека и мира всецело. Виновники её развязывания были осуждены как военные преступники. Составной частью этой агрессии был и Мюнхенскийговор от 29 сентября 1938 года, который один из важных этапов на пути к большой беде [1,443].

Но это далеко не единственный прецедент, когда западные державы открыто поддерживали нацистский режим в Германии в предвоенный период. Еще одним немаловажным событием предвоенного времени стало фактическое поглощение фашистской Германией соседней Австрии. В истории это событие осталось под названием «Аншлюс Австрии». С приходом к власти Гитлера в первой половине 30-ых годов Аншлюс стал одним из основных пунктов внешней политики Германии, и, несмотря на тщательную подготовку и старания, попытка вооруженного переворота политического режима Австрии с целью захвата в ней власти не удалась [2,191].

25 июля 1934 года более полутора сотен сотрудников СС-австрийца 89-го австрийского батальона СС в форме национальной гвардии Австрии (это обстоятельство выяснилось в ходе Нюрнбергского процесса), ворвавшись в резиденцию канцлера Дольфуса, выдвинули ему ультиматум с требованием об отставке. Получивший серьёзные ранения в ходе захвата, отказавшись от всех требований, Дольфус остался верен присяге и, не получивший ни медицинской помощи, ни священника, через несколько часов скончался. Тем временем остававшиеся верными правительству войска окружили здание парламента, и к наступлению вечера мятежники были вынуждены сдаться [7].

Однако, потерпев неудачу, нацистское командование Германии не было намерено отказываться от своих замыслов. Несмотря на то, что ещё в сентябре 1937 года, ввиду слабой подготовленности

фашистской Германии к войне, фюрер поручил Герингу исходить из того, что в ближайшее время не следует провоцировать «взрыв» в австрийском вопросе, фашисты позволили себе пойти на риск уже весной 1938 года [2,192]. Причина такой внезапной смелости объясняется тем, что во второй половине 1937 года западные державы перешли от политики поощрения фашистской агрессии к попыткам вступить в прямой сговор с фашистскими Италией и Германией, используя малые страны Европы в качестве разменной монеты для заключения сделки [2,192]. Коренные сдвиги в политике Германии произошли именно после визитов в Берлин – Гасифакса, министра иностранных дел Великобритании, Буллита, посла США во Франции, а также после встречи премьер-министра Франции Шотана с тайным эмиссаром фашистов фон Папеном. Фашисты быстро меняют тактику, и ситуация в Австрии выходит из-под контроля. Одновременно спецслужбы Германии активизировали свою деятельность среди австрийских нацистов. Таким образом, глава австрийского правительства Курт фон Шушниг начал мало-помалу прогибаться под железным натиском фашистской Германии. Таким образом, 11 июля 1936 года был заключён договор с Третьим рейхом, в соответствии с которым фактически обязался действовать в рамках его внешнеполитического курса. Со своей стороны Германия брала на себя обязательства по признанию полного суверенитета и независимости Австрии, как бы абсурдно это не звучало, и в качестве утверждения данного договора Шушниг начал назначать на различные административные посты австрийских нацистов, в конечном итоге амнистировал несколько тысяч нацистских заключенных [2,193].

Дальше события начали разворачиваться всё стремительней. Значительная часть австрийского народа, в основном рабочий класс, во главе которого стояла Коммунистическая партия, была резко против присоединения к Третьему рейху. Под их давлением федеральный канцлер Австрии Шушниг 9 марта объявил о том, что дальнейшая судьба страны решится на плебисците, который состоится 13 марта. Такое решение австрийского правительства ставило под угрозу план Гитлера по захвату Австрии, и уже 11 марта фашистский ставленник в Австрии Артур Зейс-Инкварт, который впоследствии был осужден Нюрнбергским трибуналом за преступления против человечества и повешен, получил указания из Берлина о том, что Гитлер требует немедленно отменить запланированный

плебисцит. В два часа дня Шушниг сообщает ответ об отмене плебисцита. Но после этого поступают новые требования – о назначении Зейс-Инкварта на пост Шушнига в качестве главы правительства. Когда действующий австрийский президент Миклас отказался подчиниться, Геринг, руководивший всей операцией из Берлина, передал через Инкварта сообщение о том, что если Австрия не выполнит последнее условие, то в этом случае просто прекратит свое существование. В 8:45 вечера Гитлер подписывает «Директиву № 2» о вооруженном вторжении в Австрию, в соответствии с планом «Отто» на рассвете 12 марта.

В 8 ч 48мин Геринг передает в телефонном разговоре (запись которого предоставлен в ходе Нюрнбергского процесса) распоряжение Инкварту, захватившему на тот момент власть в Австрии, о том, чтобы тот потребовал от имени временного правительства Австрии вооружённую помощь у Германии. Таким образом, рассчитывая прикрыть факт агрессии, инсценировала всё таким образом, вроде австрийская сторона сама попросила военной помощи у Гитлера. 12 марта Австрия была оккупирована и на следующий день включена в состав Германской империи.

В критический момент австрийское правительство попыталось обратиться за помощью к западным державам, но попытки оказались тщетны. Как Англия, так и Франция ответили решительным отказом. Таким образом, исчезновение с политической карты мира суверенного государства не просто осталось «незамеченным» западными державами, но и поспешно было ими признано [2,195].

Из анализа рассмотренных событий становится совершенно очевидно, на какие цели были устремлены взоры ведущих держав предвоенной Европы. И здесь нужно заметить одно обстоятельство. Несмотря на то, что СССР вполне ожидаемо не был приглашен на мероприятия по заключению Мюнхенского сговора, и уж тем более, с ним никто не собирався советоваться в отношении Аншлюса Австрии, это совершенно не означало его неведение того, что происходило в Европе, и в ходе Мюнхенского сговора, в частности. Об этом можно судить по Отчетному докладу на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б) 10 марта 1939 г. В ходе работы съезда И. В. Сталин выступил с речью, в которой сказал следующее: «[...] Но война неминуема. Ее нельзя скрыть никакими покровами. Ибо никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами» невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громад-

ную территорию Китая, Италия – Абиссинию, Германия – Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе – Испанию, все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок агрессоров – военным блоком, а агрессоры – агрессорами. Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего, Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой. Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних. Невероятно, но факт. [...] Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того, чтобы двинуться дальше на Восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на Запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом [...] [3].

Из этого отрывка можно сделать вывод о том, что Советскому руководству было хорошо известно о реальных устремлениях стран-«союзников».

Еще одним «союзником» СССР в борьбе с фашизмом считаются США. И одним из главных аргументов в пользу этого выступает то обстоятельство, что в ходе военных действий США оказывали материальную помощь вооружением и продовольствием странам антигитлеровской коалиции. Этот договор известен под названием Ленд-лиз [4,198]. И, на первый взгляд, это действие не может быть

истолковано иначе. Однако, если посмотреть на все обстоятельства немного детальней и шире, то картина предстаёт несколько иная.

Если исходить из этимологии самого названия соглашения Ленд-лиз, то становится ясно, что по своему существу оно означает не безвозмездную помощь союзным силам ради установления мира на Земле, а своего рода кредитный договор, и, как известно, целью любого кредитного договора является извлечение прибыли. Если попытаться сформулировать современным языком, что же собой представлял Ленд-лиз, то больше всего это похоже на долгосрочную аренду с правом последующего выкупа, но выкупа на особых кредитных условиях. По условию договора, определение окончательных его условий в виде объемов, сроков и процентов по выплатам в пользу США были отложены. Но отложены до тех пор, пока ход складывающихся событий не прояснит реальное положение дел [4,199]. Здесь нужно заметить, что впоследствии ход складывающихся событий настолько явно прояснил реальное положение дел, что мало не показалось никому.

Прежде всего, нужно иметь в виду, что еще до начала поставок из Америки, СССР передал в США огромные по тем временам средства в виде десятков тонн золота, только первым траншем планировалось передать в распоряжение США 30 тонн золота [4,132]. Всё дело в том, что в самом начале войны Советский Союз не располагал необходимым количеством долларов для закупки американских товаров, в которых остро нуждался в силу бедственного положения на фронте. Рузвельт, в свою очередь, не мог так быстро включить Советский Союз в список стран, которым будут продаваться американские военные поставки. Это станет возможным несколько позже, 11 июня 1942 года [4,198]. Поэтому было принято решение о том, чтобы США покупали у СССР золото за доллары, на которые Советский Союз имел бы возможность оплачивать Штатам их поставки в СССР. В результате такой политики золото начало перетекать в распоряжение США [4,132]. Но смысл этого важного обстоятельства станет понятен немного позднее.

Итак, настает 1945 год. Народы всего мира ликуют. Победа, добытая ценой, которую история человечества еще не знала, достигнута. Казалось бы, складываются все условия для мирного сосуществования всех стран и народов. И особенно очевидными становятся дружба и сотрудничество между ведущими странами, которые внесли решающий вклад в дело победы над мировым злом. Но, вопре-

ки всякой логике, отношения между западом, а главным образом в лице Англии, США и СССР начинают расстраиваться.

В декабре 1945 года Сталин отказывается от ратификации Бреттон-Вудского соглашения [5,25], через 3 месяца Черчилль произносит свою знаменитую фултонскую речь, после которой США и СССР переходят в состояние холодной войны.

Здесь необходимо сделать одно небольшое уточнение. С 1 по 22 июля 1944 года на курорте Бреттон-Вудс в штате Нью-Гэмпшир (США) прошла конференция, которая в истории осталась как Бреттон-Вудская. На неё были приглашены 44 крупнейших государства антигитлеровской коалиции. В ходе работы была установлена международная система организации денежных отношений и торговых расчетов. Именно доллар устанавливался в обеспечении всех национальных валют государств – участников конференции.

Логика, которую лоббировали Штаты на этой конференции, была «безупречна». Так как, по общепризнанным правилам, национальные валюты стран мира обеспечены золотом, и раз уж «волей случая» так сложилось, что теперь к концу войны основные запасы золота и промышленные мощности сосредоточены в США, то обеспечить золотое содержание своей валюты теперь могут только они. Из этого обстоятельства логически вытекало, что всю послевоенную мировую экономику нужно строить на основе доллара, который, в свою очередь, стабильно основан на золоте. По сути, это включало в полную финансовую зависимость ни много ни мало все страны и народы мира. Иначе говоря, доллар фактически был приравнен к золоту.

Страны, принявшие Бреттон-Вудские соглашения обязывали себя обеспечивать свою национальную валюту не нейтральным по отношению ко всем странам золотом, как это было раньше, а американскими долларами. Их можно было приобрести, естественно, только у самих США, продав им нефть, газ или другой интересующий их товар, а взамен получить бумагу, которая для ее хозяев была равна зеленым фантикам, и которые они могли печатать сколько угодно, хоть тонну, хоть вагон. Это, по сути, являлось узаконенным грабежом: одна сторона при такой «торговле» предоставляла реальные ценности в виде газа, нефти, металлов, добытые в результате труда множества людей, и т. д., а другая – окрашенную в зеленый цвет макулатуру [5,25]. Эта система внешнего управления называлась «Currency board». Эту глобальную фальсификацию понимали

многие, но не многим хватило мужества бросить вызов этой системе тотального финансового контроля. Одним из первых был Иосиф Виссарионович Сталин, которому хватило понимания, политической воли и мужества не подчиниться наглой кабале и отказаться от ратификации Бреттон-Вудских соглашений, сохранив финансовый суверенитет своей страны.

Подводя итог, заключаем.

Бреттон-Вудская конференция главной целью имела создание единой для всего мира кредитно-финансовой системы, хозяином которой являлись США, которая бы обеспечивала единоличную гегемонию США над всеми остальными странами и народами.

Вполне логично, что ни одно государство бы на этот шаг добровольно не пошло, для этого им требовалось одно очень важное условие: чтобы все мировые державы максимально ослабили в войне (что откровенно и заявлялось, в частности, Гарри Трумэном: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше» // цитата была опубликована в газете New York Times 24/06/1941) [4,11], и ослабнув, выйти из войны на таких условиях, чтобы быть в заведомо неоплатном долгу у США, посредством чего они бы грабили страны и народы. Как раз для этого отлично подходил договор поставок Ленд-лиз.

С точки зрения прагматизма, план был безупречен, так как истощенные долгой войной страны не имели сил сопротивляться наглой воле сохранившейся и полной золота стране, которая, вдобавок, под занавес войны, продемонстрировала свой ядерный потенциал в Японии. Здесь интересны даты бомбардировок – 6 и 9 августа, после проведения Бреттон-Вудской конференции и до их ратификаций подписантами. Своего рода предупреждение-угроза всем тем, кто вдруг осмелится не ратифицировать Бреттон-Вуд.

Заметим, что в военно-стратегическом отношении эти две ядерные бомбардировки не имели сколь-нибудь решающего значения, так как в ходе их проведения были частично разрушены всего лишь два печально-известных города, Хиросима и Нагасаки, а в ходе предыдущих ковровых бомбардировок в течение того лета были полностью стерты в груду пыли 68 городов [5,26].

Отмечаем, что, несмотря на победу Красной Армии, те цели, которые были намечены Западом в экономическом отношении, были

достигнуты ввиду того, что была создана единая для всего мира кредитно-финансовая система, управляемая из одного центра. Весь послевоенный период истории показал, что экономический аспект международного устройства стоит выше военного, особенно хорошо это видно в ракурсе долгосрочной перспективы. Если СССР одержал свою победу в Берлине в 1945 году, то Запад одержал свою победу в Бреттон-Вуде в 1944 году, но одержал ее на более высоком приоритете управления, экономическом.

Возможность для СССР сохраниться в качестве относительно суверенного государства до развала в 90-ых годах прошлого века – заслуга многонационального русского народа и лично И. В. Сталина, которому хватило и политической воли, и силы духа не дрогнуть за все время Великой Отечественной войны, не ратифицировать Бреттон-Вудские соглашения в декабре 1945 года.

История финансовых преобразований того времени, конечно же, заслуживает более детального освещения, в настоящей же статье эта тематика упоминается по касательной, для более полного понимания рассматриваемой проблемы поставок по договору Ленд-лиз.

Возвращаясь к теме основного повествования, повторимся, что в 1945 году по итогам второй мировой войны Советский Союз остался в финансовом долгу перед США в соответствии с положениями договора поставок по Ленд-лизу. К тому же Сталину хватило мужества не ратифицировать Бреттон-Вудские соглашения. Правильно ли он поступил? Вопрос можно сформулировать иначе: правильно бы поступил руководитель страны, которая пожертвовала более 27-мью миллионами человеческих жизней ради независимости своей родины, подписав бумажку, которая лишила бы державу этой самой независимости? Думаем, что этот вопрос не требует ответа. На это событие наложилась фултонская речь Черчилля, что, в свою очередь, стало точкой отсчета начала новой войны, так называемой *войны холодной*. Впоследствии эта тема много раз пересматривалась, пока, наконец, в 1990 году между руководством СССР и США не был подписан договор, в соответствии с которым оставшийся долг по Ленд-лизу Советская сторона должна выплатить в полном объеме до 2030 года. Вот такая помощь «союзных сил» была оказана посредством договора поставок Ленд-лиз!

Однако, несмотря на всю сложную политическую подоплёку того времени, среди американских политиков были деятели, ко-

торые и не скрывали своего отношения к происходящему. В частности сенатор Уиллер также вполне однозначно высказывался в этом отношении: «Советско-германской войне надо радоваться, а коммунизму помогать нечего» [4,11]. И куда доходчивей, как уже упоминалось выше, высказался Гарри Трумэн, 33 президент США, и это было опубликовано 24 июня 1941 года в газете «New York Times». Наверняка, человеку со здоровой психикой трудно будет в полной мере осознать степень цинизма подобного высказывания, однако оно принадлежит не какому-то оппозиционеру или маргинально настроенному политическому деятелю, а будущему (на момент данного высказывания) президенту Соединенных Штатов Америки. Логично, что человек, чья идеологическая риторика противоречит общему политическому курсу страны, не имеет больших шансов стать в ней должностным лицом номер один, из чего можно вполне резонно предположить, что общий политический курс данной страны был вполне солидарен с вышеприведенным высказыванием. Эта цитата вполне однозначно объясняет, почему военная помощь была оказана именно СССР, учитывая, что на момент начала войны военная мощь совокупной фашистской армии намного превосходила советской.

Еще один исторический факт, который многими толкуется в пользу того, что «союзники» в лице Западных держав оказывали помощь СССР во второй мировой войне – это открытие второго фронта. И здесь факты говорят сами за себя.

Высадки «союзных» сил у берегов Франции состоялись только в середине 1944 года, после трех лет тяжелейшей войны, когда уже была одержана победа в жесточайшей Сталинградской битве, когда хребет фашистов был полностью сломлен, и исход войны был предопределен, став вопросом времени. Хотя Сталин неоднократно, начиная с осени 1941 года, обращался как к США, так и к Англии с просьбой об открытии второго фронта [5,25]. Но что же получили США при высадке своих войск в Нормандии? Как уже упоминалось выше, исход войны на тот момент был предрешен, СССР стабильно и планомерно осуществлял освободительные операции оккупированных территорий. США, естественно, не хотели оставаться позади в этом победном марше, хотели выйти победителем из этой войны, и не просто как страна, выступающая на стороне победителя, но как действенный участник войны, учитывая их претензии на грядущее, по их замыслу, мировое финансовое господство. Таким образом,

подводим итог. США безукоризненно реализовали ранее упомянутые намерения Трумэна, а именно:

1) максимально долго не вмешиваясь в войну, дали воюющим странам до предела истязать себя ценой миллионов человеческих жизней для того, чтобы попросту ослабить страны и впоследствии иметь возможность с позиции силы навязать ослабленным государствам выгодные для себя условия;

2) оказанием своей помощи загнали страны в миллиардные долги. К примеру, Россия по договору 1990 года обязалась выплатить долги по договору поставок Ленд-лиз к 2030 году;

3) вмешавшись под занавес войны, предстали в качестве победителей и освободителей для всей мировой общественности;

4) как логическое завершение всего вышеперечисленного, навязали, с позиции силы, свою валюту всем странам и народам, заключив их тем самым в финансовую зависимость. В завершение этой темы нужно добавить, что последний шаг к мировому финансовому господству штаты предприняли в 1971 году. Сделал его 37 президент США Ричард Никсон, который, объявив дефолт, отменил золотое обеспечение доллара, и с этого момента штаты могли печатать неограниченное количество долларов. По своим масштабам это событие имело эпохальный характер.

Нужно заметить, что в своих подлых и откровенно античеловечных планах, приводимых выше, западные политические деятели не сумели обхитрить руководителей супердержавы номер один – СССР. И это видно из речи И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП (б) 10 марта 1939 г. В ней вождь недвусмысленно дал всем понять, что в кругу Советского руководства хорошо известны всевозможные варианты развития событий:

«В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!» [3].

Здесь особое внимание хотелось бы обратить на даты данных вы-

сказываний, из которых можно сделать вывод о том, что Советское руководство во главе с Верховным Главнокомандующим Иосифом Виссарионовичем Сталиным намного опережали как в стратегии, так и в тактике своих геополитических оппонентов. Это выступление было далеко не единственным выступлением такого рода, когда И. В. Сталин предрекал надвигающуюся угрозу. Так, еще в 1931 году, Сталин говорил: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет, мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [6].

И эти слова оказались не просто правдивыми, но по-настоящему пророческими, потому что ровно через 10 лет, в 1941 году, миру была явлена самая кровопролитная война за всю историю человечества.

Обращаясь к актуальности рассматриваемой проблемы в настоящее время, можно привести в пример событие, произошедшее на площадке Европарламента 19 сентября 2019 года, когда Европейский законодательный орган официально установил вину СССР в развязывании второй мировой войны. Не вдаваясь в абсурдность этого факта, подчеркнем необходимость четко понимать, в чем заключена угроза нашей национальной безопасности от подобных решений.

Угроза принятия таких положений, равно, как и любых исторических фальсификаций, заключена в том, что они создают определенную информационную среду, определенное социальное настроение, которые могут мотивировать общественное сознание на поддержание определенных действий, а также ими можно оправдаться при проведении агрессивной политики. Примерно в такой логике: так как СССР развязал войну, а Россия является его прямым правопреемником, значит, она должна нести ответственность за все совершенные злодеяния войны. Поэтому мы можем вводить против нее санкции, требовать контрибуции, пересмотреть пределы прохождения государственных границ, или, например, установить в ней подконтрольный ФРС Центральный банк, – пусть платят, они же развязали вторую мировую войну. Поэтому в современную эпоху, эпоху информации, когда противостояние участников мировой геополитики в большей степени происходит в сфере информации, проблематика исторической науки выходит на первый план. И то, насколько полно и правильно она будет осознаваться большинством, во многом будет зависеть ход развития нашей цивилизации.

1. Министерство иностранных дел СССР. Министерство иностранных дел ЧССР. Документы по истории Мюнхенского сговора 1937-1939., М.: Издательство политической литературы, 1979.
2. Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М.: Издательство политической литературы, 1975.
3. Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина на 18 съезде ВКП (б) 10 марта 1939 г.
4. Министерство иностранных дел СССР. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах. Том первый. М.: Политиздат, 1984.
5. Стариков Н. В. Национализация рубля – путь к свободе России. Спб., 2017.
6. Сталин И. В. О задачах хозяйственников // Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года.
7. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аншлюс>.

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

**А.З. Ахматова,
студентка КБГУ им. Х.М. Бербекова,
Е.Г. Муратова,
дин, профессор кафедры истории России
КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)**

ВКЛАД Д. А. ВЫРУБОВА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается административная и научно-просветительская деятельность Дмитрия Алексеевича Вырубова, окружного начальника Терской области (конец XIX-начало XX вв.). Как собиратель древностей он внёс весомый вклад в изучение археологии, этнографии и истории Северного Кавказа.

Ключевые слова: Дмитрий Алексеевич Вырубов, археология, этнография, Нальчикский округ, Терская область, конец XIX-начало XX века.

The article examines the administrative, scientific and cultural activities of Dmitry Alekseevich Vyrubov, the Head of the Tersky District (late XIX – early XX centuries). As a collector of antiquities, he made a significant contribution to the study of archeology, ethnography and history of the North Caucasus.

Keywords: Dmitry Alekseevich Vyrubov, archeology, ethnography, Nalchik district, Tersky region, late XIX – early XX centuries.

В отечественной историографии за рамками исследовательского интереса остаётся повседневная деятельность многочисленного отряда рядового кавказского чиновничества XIX века. В этом контексте несомненный интерес представляет изучение жизни и деятельности окружного начальника Терской области Дмитрия Алексеевича Вырубова (1849-1917), административная карьера которого еще не стала предметом специального рассмотрения в отечественной историографии.

В научных исследованиях в той или иной степени уже затрагивались отдельные аспекты деятельности Д. А. Вырубова, в основном связанные с «собирательством древностей» и его археологическими разысканиями. В этом ряду специального внимания заслуживает работа Л. И. Лаврова «Альбом и макеты Д. А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии» [1, 71-84], в которой впервые подверглись описанию безымянный альбом акварельных рисунков и макеты горских жилищ, присланные в 1902 г. начальником Владикавказского округа Терской области полковником Вырубовым в дар Музею антропологии и этнографии Академии наук. Кроме того, нельзя не отметить основательную статью Г. Н. Вольной и А. Б. Депуевой, посвященную исследованиям Д. А. Вырубова в области истории, этнографии и культуры Терской области [2, 100-118].

Цель данной статьи состоит в обобщении карьерной истории Дмитрия Алексеевича Вырубова и оценке его вклада в социокультурное развитие Нальчикского округа в конце XIX – начале XX вв.

Дмитрий Алексеевич Вырубов родился 17 октября 1849 года. Его род происходил из дворянской семьи Вырубовых Владимирской губернии. Он был сыном начальника Ковровской уездной полиции штабс-ротмистра Алексея Гавриловича Вырубова от брака с Надеждой Сергеевной Извольской. У Д. А. Вырубова была большая семья. В послужном списке указывались жена Мария, дочь полковника Туманова, армяно-григорианского вероисповедания, и дети: сыновья Георгий, 1875 г. р., Николай, 1886 г. р. и дочери Варвара, 1878 г. р., Елена, 1882 г. р., Нина, 1892 г. р. – православного вероисповедания. Вырубов окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище, служил офицером в кавалерии. Известно, что на службу он поступил в 1868 г. унтер-офицером во 2-й Лейб-уланский Курляндский его Величества полк. В августе 1868 г. был командирован в Тверское кавалерийское училище, в котором в мае 1870 г. окончил курс по 1 разряду с правом на производство в офицеры без вакансии. Потом он вернулся в свой полк и получил звание портупей-юнкера в июле, а в августе 1870 г. – офицерскую должность корнета, с января 1871 г. по март 1875 г. был прикомандирован к 17 Драгунскому Северскому его Величества Короля Датского полку, где был адъютантом Командующего. В декабре 1875 г. Д. С. Вырубов уволился по собственному желанию и лишь в апреле 1877 г. вновь вернулся в строй. После этого он был определен на службу

для особых поручений при Исполняющем делами Командующего войсками Терской области [2, 108].

С мая 1877 г. по октябрь 1877 г. был командиром 1 сотни Временной Терской милиции. В этот период принимал участие в кампании против возмущившихся горцев: 12-14 июня 1877 г. на р. Басс и 14-16 августа 1877 г. при аулах Эрсеной и Центорой. За боевые отличия награжден орденом святого Владимира 4 степени с мечами и бантами. В феврале 1879 г. был переведен в Горско-Моздокский полк с переименованием в сотника.

С марта 1879 г. по апрель 1880 г. был командирован в Персию для обучения персидской конницы, где он пробыл почти год до 26 апреля 1880 г. В период его пребывания в Персии 17 ноября 1879 г. за отличие в делах он был произведен в есаулы. Позже, 31 марта 1881 г., Приказом по Кавказской армии за формирование персидской кавалерии ему было разрешено принять и носить персидский орден Льва и Солнца III степени.

С апреля по октябрь 1880 г. был назначен в распоряжение Атамана 1-го военного отдела для заведывания льготными казаками, затем с октября 1880 г. по март 1881 г. был прикомандирован к Владикавказскому конному полку и назначен командиром 1 сотни этого полка. С декабря 1881 г. исполнял обязанности начальника участка Батумского округа, а в январе 1882 г. был назначен начальником Кинтришского участка с переименованием в ротмистры, с февраля 1883 г. исполнял должность Озуджетского уездного начальника, а в январе 1884 г. назначен начальником этого уезда. В этот период принимал участие в перестрелках с турецкими нарушителями границы и контрабандистами на Лазистанской Кордонной линии. За отличие, показанное в перестрелках, он получил в 1883 году орден св. Станислава 2-ой степени.

С 1887-го по 1898 год, состоя начальником Нальчикского округа [3, 106], Д. А. Вырубов в 1896 г. принимал участие в переписи населения Российской Империи в округе. Являясь начальником Владикавказского округа, Д. А. Вырубов внес значимый вклад в исследование памятников, сбор археологических материалов, охрану и их популяризацию.

Д. А. Вырубов был известен как археолог-любитель. В последней трети XIX века в отечественной археологии произошли значительные изменения: в научных и познавательных целях стали шире использоваться археологические раскопки. Большой инте-

рес к памятникам древности на Северном Кавказе появился после открытия в 1869 г. знаменитого Кобанского могильника в Осетии. В 1873 г. в Тифлисе Московским археологическим обществом было создано Общество любителей Кавказской археологии. Из найденных при самовольных раскопках вещей сформировались крупные частные коллекции. Одной из таких коллекций являлось собрание тогдашнего начальника Нальчикского округа. А. А. Иессен позже писал, что собранная Д. А. Вырубовым археологическая коллекция «в значительной своей части была приобретена Археологической комиссией для Эрмитажа в Ленинграде и для Исторического музея в Москве (1897)» [4, 7].

По сохранившемуся до сих пор в Нальчике рассказу, Вырубов вызвал к себе целый ряд «старшин» из местных князей и не то просил, не то приказал доставлять ему древние предметы. Естественно, что собранная таким способом коллекция имеет небольшое научное значение, так как ни о месте, ни об условиях находки отдельных предметов не сохранилось почти никаких сведений [4, 10]. Коллекцию эту, по словам Е. И. Крупнова, «составляли различные предметы, начиная от каменных топоров и кончая железными ножами и женскими украшениями эпохи позднего средневековья. Почти все они беспаспортные» [5, 175].

По сведениям одного из краеведов, в здании, раньше занятом под краеведческий музей, некогда жил начальник Нальчикского округа. И вот в одной из комнат Вырубов устроил небольшую экспозицию своих находок, кавказского оружия и воинского снаряжения. Так образовался первый в Нальчикском округе публичный музей. По воскресным дням в этот музей допускались посетители [6, 57-58].

В марте 1897 года, уезжая из Нальчика во Владикавказ, Вырубов продает свою коллекцию древностей, найденных в Терской области, Императорской археологической комиссии за 500 рублей. Эта коллекция была снабжена фотографиями, описью, рисунками и описанием находок. Она состояла из 1661 предмета. Среди этих предметов керамические сосуды, бронзовые пряжки, бронзовые фигурки животных, античные, византийские и восточные монеты из курганных древностей [2, 104].

Сегодня наибольший научный интерес представляет альбом Вырубова. Он содержит список 132 кабардинских и 13 балкарских тамг с их рисунками, акварельные и частично карандашные за-

рисовки боевых башен, замков, мавзолеев, могил, надмогильных памятников, развалин двух христианских церквей и некоторых видов женской одежды. В нем, в частности, представлены рисунки башни Абаевых в сел. Кюньюм, башни из сел. Верхний Чегем Чегемского ущелья, христианской часовни из Балкарии, склепа Камгута из с. Эльджурту, двух башен в районе сел. Бызынги, оборонительного сооружения из сел. Джабоево, замка в верховьях р. Баксан и др. По оценке специалистов, этот исторический источник имеет большое научное значение. Во-первых, некоторых памятников, зарисованных Вырубовым в свое время, сегодня уже нет – они разрушены природой или уничтожены людьми. В первую очередь речь идет об оборонительных сооружениях эпохи средневековья. Во-вторых, не дошли до нас и многие уникальные фрески из разрушенного православного храма в Балкарии. Эти фрески, помимо художественной, представляют и этнографическую ценность, так как содержат информацию об одежде местного населения и некоторых предметах обихода... Благодаря Вырубову мы сегодня имеем представление об этих фресках [6, 58].

Альбом и макеты Д. А. Вырубова, несмотря на почти полное отсутствие объяснительных текстов, имеют значение источника, сообщающего о целом ряде неизвестных ранее кабардинских и балкарских тамг, а также дающего представление о былом внешнем виде несохранившихся или теперь уже сильно пострадавших от времени архитектурных памятников Центрального Кавказа.

Дмитрий Алексеевич Вырубов был не только ценителем и собирателем предметов кавказской старины, но и лично занимался археологическими раскопками. Так, на заседания императорского Московского археологического общества 2 мая 1892 г. под председательством графини Уваровой было представлено письмо чл.-кор. Д. Вырубова, из Нальчика, с приложением отчета о раскопках кургана Хусанты, произведенных летом 1891 г., и предметов, найденных при раскопках.

На этом заседании постановлено благодарить Д. Вырубова, а его отчет был приложен к протоколу № 411, Приложение II. Благодаря этому документу известно об одном из древних археологических памятников Балкарского общества. В погребальной камере он обнаружил много костей человека и лошади. Вдоль стены находились несколько разбитых глиняных сосудов будто бы с остатками шелухи от хлебных злаков. Кроме того, здесь же были найдены

различной формы браслеты, пряжки, украшения. По ходу отчета Д. Вырубов делает и этнографические заметки: «И в настоящее время Хусанты считается священным местом и пользуется особым уважением населения; с него воспрещается брать камни и проходить мимо с покойниками и свадебными процессиями. Разрытие и осквернение кургана грозит населению Балкарии неисчислимыми бедствиями в виде наводнений, засух, болезней и проч.» [7, 195-196].

В 1897-1906 гг. активизируется деятельность зарубежных археологов на территории Северного Кавказа, которые скупали археологические артефакты и вывозили их за рубеж. Д. А. Вырубов и другие чиновники предприняли значительные усилия, чтобы предотвратить хищнические раскопки в Терской области и сохранить памятники культуры в целостности. В частности, в литературе встречается упоминание о приказе начальника округа Вырубова от 14 января 1898 г. «О запрещении германским археологам производить раскопки» [2, 107].

Будучи уже начальником Владикавказского округа Терской области, Вырубов продолжил свою просветительскую деятельность, внес значимый вклад в исследование исторических памятников, сбор археологических материалов, их охрану и популяризацию.

Так, в апреле 1904 г. из Канцелярии начальника Терской области было получено циркулярное письмо о выдаче открытых листов и правилах производства археологических раскопок на Кавказе, где предписывалось, что «...археологические раскопки на основании закона разрешаются исключительно по листу ИАК» [2, с. 107]. Благодаря усилиям чиновников Терской области, в том числе и Д. А. Вырубову, членам статистического комитета Терской области фиксируются и предотвращаются хищнические раскопки в Терской области.

Деятельность Д. А. Вырубова была связана также со становлением Терского областного музея. Начало Терскому музею было положено в 1893 г. собиранием коллекций. В 1897 г. эти коллекции выставили для обозрения в помещении статистического комитета.

С 1900 по 1903 г. Вырубов как чиновник занимался обеспечением сохранности древних предметов из святилища Реком Цейского ущелья. 30 марта 1900 г. начальник Терской области С. Товстов пишет Д. А. Вырубову конфиденциальное письмо: «Ввиду полученных мною сведений о том, что мелкие древние предметы, находящиеся

в осетинском народном святилище Реком близ с. Цей Нузальского прихода 3-го участка вверенного Вам округа, расхищаются туристами, ежегодно в летнее время посещающими Цейский ледник, я нахожу полезным в предупреждении дальнейшего расхищения вынести оставшиеся древности из «Рекома» для хранения их в областном древнехранилище. Но названный «Реком», как известно, глубоко почитается всем осетинским народом, и поэтому я сомневаюсь, не вызовет ли подобный шаг серьезных неудовольствий в народной среде, что было бы весьма нежелательно». Далее в письме начальник Терской области просит Вырубова «разузнать конфиденциальным путем, не возбуждая в населении преждевременных тревожных слухов, как отнесся бы осетинский народ, если бы сохранившиеся в «Рекоме» древности были перенесены в областное древнехранилище, и нельзя ли убедить осетин, что подобные меры послужили бы только сохранению предметов, которые им так дороги» [2, 107].

В ответном рапорте No 8193 от 15 мая 1900 г. Д.А. Вырубов пишет: «...все предметы древностей, уцелевшие от расхищения в Рекоме, принесенные осетинами в жертву святилищу и перенесшие их для хранения в областной музей, вызовет неудовольствие жителей. Для сохранения некоторых древностей, находящихся в Рекоме, по мнению моему, следовало бы составить им подробнейшую опись и вместе с представителями от ближайших к «Рекому» селений, избранных последними, и хранить в особых шкафах под замком, ключ от которого должен находиться у священника церкви сел. Цей». В ответном письме С. Товстиков соглашается с мнением Вырубова и просит его «составить смету расходов на постановку в Рекоме шкафа для хранения этих древностей под замком». Он пишет, что «необходимая для этого сумма денег будет отпущена Вам из средств, собранных на устройство Терского областного музея». По поручению Вырубова был составлен список церковных предметов, находящихся при святилище «Реком», и предназначенных для Терского областного музея. Всего было выявлено 27 предметов: иконостасы, шлем, чугунные ступки, деревянный ковшик, железные коробочки, железо в виде рукоятки, маленькое деревянное корытце с бусами, обломок глиняной чашки, два подковообразных куска железа и др. [2, 108]. В частности, из святилища Реком происходит бронзовая имитация клыка, с изображением головы хищного оскалившегося живот-

ного на широком конце имитации клыка и головы птицы с зубами на узком. Этот предмет входит в круг предметов савроматского облика и датируется концом VI – началом V в. до н. э [8, 35, 56, 68]. Жителям с. Цей было предложено отдать вещи из святилища Реком в областной музей или содержать караульного при святилище. Старшина Нузальского округа пишет Вырубову о том, что «местные жители изъявили желание на выдачу им вещей и нанимать караульного». В связи с этим во Владикавказе был заказан шкаф.

Начальник 3-го участка Владикавказского округа докладывал Вырубову об изготовлении и транспортировке «шкапа» для древностей из Рекома. 3 апреля 1903 г. «шкап» был доставлен Нузальскому старейшине, который из-за бездорожья только к августу доставил его в Цей, и, наконец, 4 августа 1903 г. Вырубов рапортовал Начальнику Терской области о том, что шкаф приобретен и установлен, и все имевшиеся древности, обозначенные в описи, помещены в названный шкаф. Владикавказский округ Дмитрий Вырубов возглавлял до 1906 года, года, когда был произведен в генерал-майоры и уволен в отставку [2, 108]. Освободившись от службы, Д. А. Вырубов не отошел от дел изучения истории Северного Кавказа. Он принимал деятельное участие в создании экспозиции и сборе коллекций для Терского областного музея.

21 января 1907 г. во вновь отстроенном здании Терского областного музея состоялось освещение и открытие этого нового учреждения. Здание помещалось напротив кафедрального собора. После открытия музея состоялось открытие заседания статистического комитета по следующей программе:

1. Доклад секретаря об устройстве, содержании и управлении музея; выбор хранителя музея и заведующих отделами:

- а) археологии
- б) естественно-историческим
- в) военным
- г) промышленным
- д) этнографическим

Музей Терской области работал по воскресеньям с 10 часов утра до 2 часов дня, вход был бесплатный [2, 109]. В 1907 г. Д. А. Вырубов был избран на 3 года заведующим этнографического отдела Терского областного музея. По мнению Л.П. Семенова и А.Г. Капустева, «из лиц, привлеченных к работе музея в качестве заведу-

ющих отделами, наиболее солидными в научном отношении были Д. А. Вырубов, занимавшийся археологией, и Г. Г. Тер-Барсегов» [9, с. 22]. В 1910-1912 гг. генерал-майор Д. А. Вырубов являлся членом попечительства музея Терской области и заведующим отделом, а с 1911 г. он становится членом Терского областного статистического комитета, который активно занимается археологическим изучением Терской области [10, 131].

Начиная с 1913 г. имя Д. А. Вырубова перестает упоминаться в Терском календаре, ему уже 64 года. Для начала XX века это весьма почтенный возраст и, видимо, он отходит от дел. Скончался генерал Д. А. Вырубов во Владикавказе в мае 1917 года, могила его, к сожалению, не сохранилась. Зато сохранились его труды, коллекция собранных им древностей, музей Терской области, для создания которого и его первых экспозиций он многое сделал.

С точки зрения современных историков можно по-разному оценивать его «собирачество древностей», но он был сыном своей эпохи. Среди личностей конца XIX – начала XX вв. Д. А. Вырубов отличался интересом к истории, этнографии и археологии Северного Кавказа и сделал немало для их становления в Терской области.

1. Лавров Л. И. Альбом и макеты Д. А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978.

2. Вольная Г. Н., Депуева А. Б. Д. А. Вырубов – исследователь древней и средневековой истории Терской области // Из истории культуры Северного Кавказа: сб. статей. Ставрополь, 2013. Вып. 5.

3. Кавказский календарь на 1888 год. Тифлис: Типография канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1887. – 139 с.

4. Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Под. ред. М. И. Артамонова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. №3. С. 7-51.

5. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 175 с.

6. Шаханов Т.Б. Кавказовед Л.И. Лавров и его вклад в изучение истории балкарского народа // Записки краеведа. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 57-58.

7. Вырубов Д. Раскопка кургана Хусанты близ поселка Зилги Балкарского общества и могильников в местности Рахты // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XVI. М., 1900. Протоколы. С. 195-196.

8. Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины 1 тысячелетия до н. э.: на материале скифо-сибирского звериного стиля. Владикавказ: Иростон, 2002. 157 с.

9. Семенов Л.П., Кастуев А.Г. Музей краеведения Северной Осетии. 1897-1947. Орджоникидзе, 1947. 85 с.

10. Терский календарь на 1911 г. / Под ред. М.А. Караулова. Владикавказ: Электронпечатня Типографии Терского областного правления. Вып. 20. 520 с.

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. А. Туаллагов,
дин, снс Центра скифо-аланских исследований
им. В. И. Абаева ВНЦ РАН
О. А. Туаллагова,
студентка СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ОБРАЗ СУДЬИ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОСЕТИН

Статья посвящена изучению посмертного воздаяния судьям, согласно традиционным представлениям осетин, конкретизируется семантика некоторых деталей в них. Обычно осетинским, воздаяние душам умерших людей зависит от их поступков в области семейных и бытовых отношений. Единственным, а потому особенно значимым, исключением является воздаяние судьям, которые при жизни исполняли одну из важнейших функций в общественной жизни. Они получают соответствующее воздаяние за свою «профессиональную» деятельность. Полагается, что отношение к деятельности судей осетинами могло быть унаследовано от их предков – алан. В аланском обществе институт судей имел особое значение. Личность судьи обеспечивала «здоровье» всего общества. Такое положение определяет особо строгое отношение к судьям в осетинском обществе.

Ключевые слова: судьи, фольклорно-этнографические источники, археологические и письменные данные, осетины, аланы.

The article is devoted to the study of posthumous retribution for judges, according to the traditional views of the Ossetians. The semantics of some details in such representations is concretized. Usually, according to Ossetian beliefs, the reward for the souls of dead people depends on their actions in the field of family and domestic relations. The only, and therefore especially significant, exception is retribution to judges who, during their lifetime, performed one of the most important functions in public life. They receive appropriate rewards for their «professional» activities. It is believed that the

attitude towards the activities of judges by the Ossetians could have been inherited from their ancestors – the Alans. In the Alanian society, the institution of judges was of particular importance. The personality of the judge ensured the «health» of the whole society. This situation determines the particularly strict attitude towards judges in Ossetian society.

Keywords: judges, folklore and ethnographic sources, archaeological and written data, Ossetians, Alans.

В осетинской традиционной культуре особое место занимали представления о соответствующем воздаянии человеку в Стране мертвых за его земные дела. В соответствии с ними душа человека за конкретные проступки или преступления несла определенные наказания, а за благие дела и образ жизни – вознаграждалась. Картины таких наказаний и вознаграждений неоднократно представлены в записях посвячительных речей покойному, которые имеют прямые параллели в сказаниях Нартовского эпоса о том, как нартовский Сослан живым побывал в Стране мертвых. Кроме того, перед душами мертвых стоят трехногие столики-фынги, на которых появляется все то, что им посвящают живые.

Показательно, что воздаяние душам обычно относится к сферам их семейных и бытовых отношений. Единственное исключение составляют судьи, которые при жизни исполняли одну из важнейших функций в общественной жизни. Они предстают в достаточно статичной форме, восседающими на стульях за трехногими столиками-фынгами. Их положение в загробном мире до судного дня определяется Богом.

Судьи, которые при жизни судили по закону, независимо от того, кто был богат и силен или слаб и беден, наказывали только действительно виновного. Они при жизни помогали бедным, держались правды и поступали справедливо, были неподкупны. Потому в загробном мире сидят в домах из солнца, за золотыми или серебряными столами, на золотых или серебряных стульях с серебряными или золотыми посохами в руках. На столах, поставленных отдельно для каждого или для троих, перед ними богатые яства и различные напитки, которые они пьют из воловьих рогов, окованных серебром. За этими столами они говорят правду [11, 155, 159, 164, 170, 175, 312, 314, 318, 323, 329, 334].

Другая картина рисуется в отношении судей, которые при жизни судили несправедливо, в пользу богатых против бедных, объявляли

виновными невинных, брали взятки. Они сидят в плохих одеждах, покрыты вшами и гнидами. Одни из них сидят на ольховых стульях за ольховыми столами, с ольховыми палками в руках и ногах. Другие сидят на ледяных стульях за ледяными столами, с ледяными палками в руках. Они сидят спиной друг к другу, что отворачивает их от столов, и продолжают говорить ложь. На самих столах пусто, либо лед или нечто «плохое». Они едят лед, либо им не дано есть, а в руках у них – бокалы из ольхи [11, 155, 159, 163-164, 170, 174-175, 312, 314, 318, 322-323, 329, 333-334].

Представленные картины посмертного воздаяния судьям красочны и впечатляющи. Но некоторые их детали нуждаются сегодня в пояснении. Столы из драгоценных металлов отражают представления об особой сакральной и материальной ценности металла. Такие столы и стулья есть не только в доме нартских Урызмага и Сатаны [9, 277], правителя подземных жителей – дæлимонтæ [10, 124], но и у небожителя, покровителя диких животных Афсати [9, 59] и у самого Бога [4, 389]. В нартском сказании о женитьбе Ацамаза столики на серебряных ножках выставляются перед каждым из небожителей [8, 356]. Таким образом, праведные судьи пользуются своего рода «высоко статусными» вещами.

Образ ледяных столиков не нуждается в пояснении. Что касается ольховых, то следует знать, что осетинские столики изготавливались только из твердых пород деревьев – карагач, реже ясень или бук. Ольха никогда не использовалась, а само дерево служило только для окрашивания тканей. Но особенно важно отметить, что ольха была отрицательным образом не только в своем материальном плане, что отражено и в осетинских пословицах [2, 159]. Согласно материалам Нартского эпоса, она была проклята нартским Сосланом как самое плохое и малоценное дерево [7, 589, 653, 657, 661, 778]. Кроме того, изготовленными из ольхи являются и некоторые окружающие неправедных судей предметы. Среди них представлены, например, бокалы. Осетины никогда не изготавливали их из ольхи, поскольку ее древесина давала горький привкус напиткам [6, 114-115].

Загробные мучения неправедных судей, надо полагать, не ограничиваются только ими самими. Их пустые или наполненные непригодной «пищей» столы, пустые бокалы, сидение спиной к столам говорят о том, что они лишены права любого моления. Лживость их речей только подчеркивает отсутствие возможности обращения к соответствующим силам и т. п.

Прерывание такой коммуникации важно в том плане, что, по осетинским представлениям, умершие могли помогать и покровительствовать оставшимся на земле родным. Таким образом, неправедная жизнь судей лишала их родных и потомков столь важной для сознания осетин поддержки со стороны предков, что должно служить цели максимального ужесточения наказания. Прерывание соответствующей коммуникации видно и потому, что застольный «набор» у неправедных судей стабилен и отрицателен, т. е. он не определяется посвящениями им со стороны живых родственников.

Таким образом, неправедная жизнь и деяния судей несли не только особые мучения после смерти им самим, но и «наказывала» их потомков. Фактически прерывалась связь между предками и потомками. Повторим, что именно судьи в традиционных осетинских представлениях несли особое наказание за свою профессиональную деятельность в отличие от других членов общества. Причем, представления о наказании усугублялись возможностью продолжения кары судьям не только за земную жизнь, но и за посмертную.

Так, в осетинском эпосе у отца Питухи, который был неправедным судьей при жизни и продолжал не держать своего слова даже после смерти, была отрублена рука, которая охраняла двери в царство мертвых, открывала и закрывала их [7, 631, 633]. Согласно осетинским поверьям, место у дверей занимал последний из умерших, которого сменял следующий [3, 110-111]. Согласно другим данным, ворота охранял уаиг. Следует согласиться с наблюдением [12, 144-148], что образ отрубленной руки, охраняющей ворота, сопоставим с обрядом жертвоприношения скифов Аресу-мечу, который считался позорным.

Последнее заключение напоминает и давние наблюдения исследователей, что изображения глаз у оснований наверхий скифских мечей VI-IV вв. до н. э. связаны с представлениями о том, что живые не видят мертвых так же, как мертвые не видят живых. Открытый глаз связан с мотивом смерти, а закрытый – с мотивом жизни. Зрение было связано также с железом. Сам меч представлял собой те железные ворота смерти, которые открывал в осетинских сказаниях уаиг, отличительной чертой образа которого была одноглазость [5, 91-92]. Таким образом, мы можем полагать, что представленный в осетинском нарттовском сказании мотив отрубания руки неправедного судьи, которая становится стражем ворот в царство мертвых, входит в древний круг представлений мира «северных иранцев».

Уже в ранних сведениях об аланах особо отмечалась важная роль у них судей. По данным Аммиана Марцеллина, аланы в судьи (*judicis*) выбирали тех, кто в военном деле «долгое время» был испытан [1, 72, 74, сн. 55]. Полагают, что позднее об аланских судьях мог говорить в своей поэме «Шахнаме» Фирдоуси, а также епископ Алании Феодор, посетивший их в Крыму [1, 316, 464].

«Долгое испытание» указывает на владение претендентами не только необходимым практическим опытом в воинском деле, но и выстраиванием соответствующих отношений в воинском коллективе. В воинских сармато-аланских погребениях высокого ранга фиксируются особые скипетры, указывающие на командование их хозяевами воинскими отрядами в каких-то военных кампаниях. В части погребений, наряду со скипетрами, обнаружены «жезлы». Полагается их связь с архаической традицией, отражающей космогонические представления о Мировом Древе, мировой вертикали и общения человека с иными мирами. Несомненно, такие погребения принадлежали знатым воинам, связанными с какой-то магической практикой, совмещавшими духовную и светскую власть. Ими и могли быть аланские «судьи».

Военные предводители, надо полагать, осуществляли в период военных кампаний и жреческие функции. Атмосфера кампаний должна была особенно воздействовать на их восприятие воинами, т. е. наиболее активной, сплоченной и влиятельной части общества. Стремление обеспечить себе победу, добычу, уберечь от гибели, заключение договоров и т. п. неминуемо сопровождалось апелляциями к божественным силам. Предводители, неоднократно добивавшиеся успехов в военных кампаниях, демонстрировали окружающим не только личное мужество и воинское мастерство. Они доказывали и благосклонность к ним божественных сил, личное умение обратить его всем на благо.

В первую очередь, именно такие люди и могли претендовать на должность судей для всего общества. Известно, что в древних обществах суд осуществлялся на основании освященных божественными предписаниями норм и правил. Поэтому на судей ложилась не только обязанность строгого следования таким предписаниям, но и личное непосредственное обращение к божественным силам. Например, у готов именно судьи особо заботились о религиозном и социальном порядке в племени, выступали руководителями в военных кампаниях, определяли военно-политические решения. Их роль непосредственно выполняли и готские вожди.

Таким образом, институт судей у алан имел очень важное общественное значение. Личность судьи обеспечивала «здоровье» всего общества. С таких позиций становится понятной и то особое отношение к судьям в осетинском обществе как к наследию от их предков.

Как представляется, с таких позиций следует обратить внимание и на некоторые другие материалы [13, 346-348]. Согласно материалам Нартовского эпоса осетин, представители воинского рода *Æхснæртæггатаæ* стояли и во главе общего мужского собрания нартов – *ныхас*, на котором решались как вопросы жизнедеятельности общества в целом, так и дела отдельных его представителей. Аналогичные собрания мужчин, на которых могли осуществляться и некоторые судебные разбирательства, непосредственно действовали в традиционном осетинском обществе.

Кроме того, по воззрениям осетин-дигорцев, представители нартского рода *Æхсæртæггатаæ* (*Уорумæг*, *Хæмиц*, *Сослан*, *Батраз*) в образе *нарти кæнтæ* – «нартовские канты» осуществляли суд над душами умерших людей. Они располагались рядом с правителем Царства мертвых или Рая *Барастуром*, который исполнял их решение. Клятва именем нарти *кæнтæ* являлась самой нерушимой клятвой в устах женщин.

Данная клятва является клятвой покойниками. *Kæntæ* связано с иран. **kaṇ* – «копать», т. е. *кæнтæ* – это «закопанные», «покойники». Действительно, «отправиться на тот свет» означало «отправиться к нартам», которые рассматривались осетинами как их непосредственные предки. В с. Дунта в конце июля на кладбище устраивали специальный поминальный праздник – *Нарти кæнти хист*. Попытка предложить иные идентификацию и трактовку [14, 22] явно ошибочна.

Указанный образ нартов из рода, олицетворяющего воинскую функцию в обществе, может быть сопоставлен с образом индийских *Pitarah* («Отцы»), которые представляют собой не мертвых, почитаемых в каждой семье особым ритуалом, а множество младших духов, добровольно присоединяющихся ко Всем-Богам. Но первоначально «Отцы», поселившиеся в ином мире, должны были быть хотя бы частью более или менее отдаленных предков. Соответствие образов эпических предков осетин нартов образам *Pitarah* объясняет, почему в одном из дигорских нартских сказаний главой Рая называется нартский Батраз. В то же время Батраз много времени проводит среди небожителей, в том числе непосредственно в суде

небесных зæдтæ. А, как полагали осетины, по смерти человека семь неких мужчин или четыре женщины на небе судят его душу, после чего она проходит через семь звеньев небесной цепи и вновь обретает свой прежний человеческий образ.

1. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Издательство «Менеджер», 2003. 608 с.

2. Æмбесæндтæ. Орджоникидзе: Ир, 1977. 189 ф.

3. Бесолова Е.Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 408 с.

4. Гарданти М. Уадзимистæ. Дзæуæгигъæу: Ир, 2007. 415 ф.

5. Кокорина Ю.Г. Изображение глаз на скифских мечах VI-IV вв. до н. э. // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. Февраль 1994 года. СПб., 1994. С. 91-92.

6. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа: историко-этнографическое исследование. Владикавказ: Ир, 2011. 432 с.

7. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2004. Ч. 2. 896 ф.

8. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2007. Ч. 4. 548 ф.

9. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2010. Ч. 5. 766 ф.

10. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2011. Ч. 6. 544 ф.

11. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ: Ир, 1992. Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия. 440 с.

12. Таказов Ф.М. Обычай отрубания руки: скифо-нартовские параллели // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сборник научных трудов. Владикавказ, 2015. Вып. 3. С. 142-151 с.

13. Туаллагов А.А. Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 462 с.

14. Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 232 с.

**К. Ю. Рахно,
дин Института керамологии –
отделение Института народоведения
Национальной академии наук Украины
(Опошное, Украина)**

УАРП-АХСИНА: ДРЕВНЕИРАНСКИЕ ИСТОКИ ОДНОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН

Статья посвящена малоисследованному отрицательному образу нартковского эпоса осетин – Уарп-ахсине, жене Уарп-алдара. Обитающая на небе Уарп-ахсина соблазняет нарта Урызмага и изменяет своему мужу с ним. Уарп-алдар обнаруживает факт измены. Поскольку он и Урызмаг являются побратимами, Уарп-алдар благородно уступает свою жену названному брату. Урызмаг, осознав степень великодушия этого поступка, раскаивается в содеянном и приговаривает Уарп-ахсину к смерти. Казалось бы, эту историю можно толковать, как торжество мужской дружбы над попыткой женщины встать между мужчинами, если бы не один момент. Урызмаг обвиняет Уарп-ахсину в том, что именно она некогда соблазнила первых людей – Атана и Аманла (Амана). Последние сейчас, в соответствии с христианским и исламским вероучениями, понимаются как супружеская пара Адам и Ева. Тогда Уарп-ахсине соответствует Лилит, обольстившая Адама, – известный демонический женский образ иудаизма. Но вполне вероятно, что первоначально речь шла о двух мужских персонажах – прародителях. Тогда соответствие образу Уарп-ахсины прослеживается в зороастрийской мифологии. Это демоница Джахи (Джех) – Изначальная Блудница, которая несёт ответственность за соблазнение первого человека Гайомарда (Гайа Мартана), отличавшегося своей праведностью, что совпадает с обвинением, предъявленным Уарп-ахсине. Как и современные осетины, древние иранцы гневно осуждали прелюбодеяния. Зороастрийская этика видела в блудницах служительниц Джех, осуждала сексуальные сношения с ними и предписывала их нещадно истреблять, так что раскаявшийся за свой проступок нарт Урызмаг, казнивший Уарп-ахсину, поступает целиком и полностью в согласии с принципами древних иранцев. Высокая мораль нарттов, положенная в основу современной осетинской морали, торжествует. Подобно Джех, Уарп-ахсине противопоставляются непорочные девушки, верные жёны, которые являются идеалом для носителей осетинского эпоса. Это указывает на мысль о принадлежности образа Уарп-ахсины к древнеиранскому (дозороастрийскому) мифологическому фонду.

Ключевые слова: нартковский эпос, зороастризм, нарты, мораль, этика, мифология, осетины.

The article is devoted to the little-studied negative image of the Nart epos of the Ossetians – Warp-æhsina, the wife of Uarp-ældar. Uarp-æhsina inhabiting the sky seduces the Nart Uryzmæg and cheats on her husband with him. Warp-ældar discovers the fact of treason. Since he and Uryzmæg are siblings, Warp-ældar nobly concedes his wife to the named brother. Uryzmæg, realizing the degree of generosity of this act, repents of his deed and sentences Warp-æhsina to death. It would seem that this story can be interpreted as a triumph of male friendship over a woman's attempt to stand between men, but for one moment. Uryzmæg accuses Warp-æhsina of the fact that it was she who once seduced the first human beings – Atan and Amal (Aman). The latter are now, in accordance with Christian and Islamic teachings, perceived as the married couple Adam and Eve. Then Warp-æhsina corresponds to Lilith, who seduced Adam – a well-known demonic female image of Judaism. But it is likely that initially it was about two male characters, the progenitors. Then the correspondence to the image of Warp-æhsina can be traced in Zoroastrian mythology. This is the demoness Jahī (Jēh), the Primal Whore, who is responsible for seducing the first men Gayōmard (Gaiio Mərətan), who was distinguished by his righteousness, which coincides with the accusation against Warp-æhsina. Like the modern Ossetians, the ancient Iranians angrily condemned adultery. Zoroastrian ethics saw the servants of Jēh in whores, condemned sexual intercourse with them and ordered them to be mercilessly exterminated, so that the Nart Uryzmæg, who repented for his misdemeanor and executed Warp-æhsina, acts entirely in accordance with the principles of the ancient Iranians. The high morality of the Narts, which is the basis of modern Ossetian morality, triumphs. Like Jēh, Warp-æhsina are opposed to virgin girls, faithful wives, who are the ideal for the bearers of the Ossetian epos. This points to the idea that Warp-æhsina's image belongs to the Old Iranian (pre-Zoroastrian) mythological fund.

Keywords: Nart epos, Zoroastrianism, Narts, morality, ethics, mythology, the Ossetians.

Одной из ключевых задач исследования осетинского нартовского эпоса является установление места его мотивов и образов в кругу иранской мифопоэтической и эпической традиции, выявление их родства с древнеиранскими мифологическими представлениями. Это важно как для преодоления заблуждений о том, что создателем основного ядра эпоса было автохтонное неиндоевропейское население Кавказа, составившее позже кавказскую этническую общность, а сам нартовский эпос якобы является субстратным явлением, так и для установления истинных масштабов иранского компонента в культуре осетин, который раньше умышленно преуменьшался для подчёркивания их родства с соседними народами.

Долгие годы наблюдалась даже ситуация, когда иранисты настаивали, что осетинские нарттовские предания вообще мешают унифицированной реконструкции иранского эпоса, а коренные отличия нарттовских сказаний от эпической традиции южных иранцев указывают на иноэтническое участие в оформлении иранского фольклора [1, 184-185]. В то же время ведущие осетиноведы по ряду причин всячески стремились отречься от любого родства с зороастризмом, уклониться от сравнений с южноиранской традицией и подчеркнуть, что «осетины не сохранили в своём языке, фольклоре, этнографии никаких отзвуков зороастризма» [2, 43]. Их безусловный научный авторитет и сила их слова имели огромное влияние на последующих исследователей. Но, в сочетании с насаждаемыми представлениями о ведущей роли местного кавказского субстрата в этногенезе осетинского народа, это приводило к отказу фольклористов от поисков параллелей с авестийской традицией, выражаясь, в том числе, в теориях иноэтнического или позднесредневекового происхождения нарттовского эпоса осетин. Впоследствии, когда в нарттоведении стала возникать потребность в пересмотре господствующих взглядов, интерес к Авесте и другим зороастрийским текстам возобновился и начался поиск общих мотивов [3, 90; 4, 46; 5, 35, 40, 44, 54, 102, 114; 6; 7, 188-189, 191-194, 196-197, 261-263; 8; 9; 10]. Постепенно формируется научное мнение, что ряд сюжетов нарттовского эпоса сложился в эпоху индоиранского единства. В связи с этим особое любопытство вызывают малоизученные образы осетинского нарттовского эпоса, которые отсутствуют в его инонациональных версиях.

Одним из таких является образ распутной Уарп-ахсины – владетельной княгини-красавицы, жены Уарп-алдара. Связанный с нею сюжет выделяет её из галереи женских образов нарттовского эпоса – смелых, самодостаточных, ни в чём не уступающих мужчинам и смело обводящих своих мужей и воздыхателей вокруг пальца. Их любовные приключения и даже супружеские измены не осуждаются сказителями. Исключение составляет Уарп-ахсина, которая изменила мужу с нарттовским вождём Урызмагом, за что впоследствии поплатилась жизнью по решению раскаявшегося любовника. В опубликованном Гацыром Шанаевым кадаге «О нарте Урызмаге и Уарп-алдаре» рассказывается, как в гости к Уарп-алдару, своему присяжному брату, приезжает Урызмаг и не застаёт его дома: алдар отправился в длительный поход-балц. Дожидаясь хозяина, Урызмаг

в Кумских степях «сидел на большом камне и от утра до вечера играл на скрипке разные веселые песни, звуки напева которых доходили до неба и там развлекали от скуки красавицу Уарп-ахсину» – жену алдара. В результате такого времяпрепровождения Уарп-ахсина зазывает его в свой покой, обольщает Урызмага и предлагает разделить с ним ложе. Тот соглашается. Вернувшийся домой Уарп-алдар застаёт любовников спящими, но не может убить побратима во сне. Он хочет подарить гостю двенадцать рабов, двадцать коней породы кокцуал, выращенных далимонами, двадцать навьюченных золотом мулов, но смущённый Урызмаг отказывается. Тогда Уарп-алдар из благородства уступает жену названному брату, дороже которого у него нет. Урызмаг узнаёт об этом из письма Уарп-алдара и, осознав свою вину по отношению к другу и побратиму, казнит изменницу. По совету Сырдона, указавшего, что негоже собственноручно убивать женщину, Урызмаг привязывает её к хвосту необъезженной лошади и пускает по лесам и степям. Ещё раз послушавшись Сырдона, он сватает для Уарп-алдара красавицу Агунду, сам выплатив калым и отправив на небо с двадцатью лучшими нарттовскими всадниками. Уарп-алдар, в свою очередь, сватает за Урызмага красавицу Азаухан. Побратимы мирятся и решают забыть прошлое. В доказательство взаимной искренности они «условились разделить ложе с невестой, каждый в одну и ту же ночь. Таким образом присяжное братство Урызмага и Уарп-алдара твердо укрепило свои узы навсегда» [11, 22-34].

Это сказание можно было бы воспринять просто как панегирик мужской дружбе и побратимству, которую не разрушить женщине, вставшей между мужчинами. Возможно, именно поэтому оно не особо обращало на себя внимание фольклористов. Разве что Владимир Кузнецов мимоходом отметил, что Уарп-ахсина и Уарп-алдар не являются нарттами и обитают на небе, в отличие от Урызмага, живущего среди нарттов [12, 86]. Это не нарттовская женщина, она ведёт себя иначе, неподобающе для них, и по-иному, с осуждением, воспринимается самими нарттами. Но для характеристики Уарп-ахсины любопытен один момент. Урызмаг обвиняет Уарп-ахсину в том, что именно она «обольстила и Атана и Амала, первых двух Богом созданных человек» [11, 33]. При переиздании «Амала» было исправлено на «Амана» [13, 483].

Гацыр Шанаев полагал, что речь идёт об Адаме и Еве [11, 33]. В словаре осетинского языка Всеволода Миллера «Аман æмæ Атан»

объясняются как «Ева и Адам», Аман – Ева, Атан – Адам и приводится поговорка «Атан æмæ Аманæй нырмæ ахæм хъуыддаг никуы «рцыдис» «с Адама и Евы такое дело никогда не случилось» [14, 32, 55]. Хазби Цгоев тоже считает персонажи Атан и Аман Адамом и Евой, но приводит только похожую поговорку «Иратаманæй нырмæ ахæм хъуыддаг нæма æрцыд». Упоминает он и восклицание: «О, Иратаман!» [15, 50]. Теоретически можно допустить, что Атан – это действительно праотец Адам, а Аман – праматерь Ева авраамических религий. В одном из абхазских текстов нарты рождаются от Анан и Адама [16, 209]. Как Ева толкуется и схожее имя Анана в абхазских заговорах от дурного глаза [17, 140, 142, 145-144]. Имена Аман, Анан и Анана довольно близки. Тогда Уарп-ахсина должна была сблизиться с прекрасной демоницей Лилит, в талмудических преданиях обольстившей Адама, после чего тот перестал быть совершенным святым, а потом и Каина, в Каббале даже признававшейся супругой иудейского Бога-отца. В более поздней раввинистической традиции Лилит выполняет роль суккуба, который является Адаму и его детям при каждом удобном случае [18, 241, 250-251, 267-269; 19, 127]. Попытки найти параллели отдельным осетинским мифологическим представлениям в талмудизме уже делались [20; 21].

Но, скорее, судя по мужскому роду обеих имён у Шанаева, речь идёт не о супружеской чете, а о каких-то неизвестных безгрешных мужских персонажах осетинского эпоса с именами Атан и Амал, которые вступили в губительную связь с Уарп-ахсиной. Гораздо логичнее, что она «обольстила» двух мужчин. Возможно, со временем пара пращуров под влиянием христианства стала восприниматься как ветхозаветные Адам и Ева. В таком случае Уарп-ахсине в зороастрийской мифологии соответствует Джех (Джахи) – первозданная блудница, растлившая первочеловека Гайомарда (Гайа Мартана) и бывшая олицетворением похоти. На начальном уровне зороастрийская доктрина представляла собой противостояние двух персонажей мужского пола, Ахурамазды (Ормазда) и Ангро-Майнью (Ахримана). На вторичном уровне «биполярность стала разыгрываться как мужское против женского»: мужчина против женщины [22, 115]. Будучи, таким образом, низведенными до второстепенного уровня, демоницы, как и женщины в древнеиранском обществе, были лишены абсолютного контроля и независимости, поскольку их сила, как говорили, происходит от мужского злого духа Ангро-Майнью [22, 118]. В пехлевийском сочинении под названием «Затспрам» (34,

30-31), как и в других иранских источниках, утверждается, что женщина из-за своей покорности злему божеству Ахриману является причиной соращения мужчины, а Джах, предводительствующая целой категорией демонов, ответственна за все последующие соблазнения: «В писании (Авесте. – К. Р.) сказано, что, когда Ахриман набросился на творение, его спутниками были злые демоны-блудницы, точно так же, как мужчина может соединиться с женщиной-блудницей... И он назначил дьяволицу Джах... царицей своей породы, т. е. предводителем всех демонов-блудниц... И он сам соединился с [демоном-блудницей]... он соединился с (ней) для растления женщин, для того, чтобы она могла растлить женщин, а женщины по причине своего растления могли бы совратить мужчин, и те бы отступились от исполнения своих обязанностей» [23, 313-314; 24, 346; 22, 39-40].

По мнению шведского религиоведа Гео Виденгрена, миф о Джах имеет авестийские истоки, восходя к эпико-мифологической поэзии, и является важным свидетельством мощного иранского влияния на гностицизм вообще и манихейство в частности [25, 227-234]. Этот образ известен из самых ранних южноиранских памятников. В Видевдате (18. 61-65) дэв женского пола Джахи описывается как та, что причиняет Ахурамазде самое большое горе и приносит беду всему сущему. Заратуштра спрашивает Ахурамазду:

*«Кто огорчает тебя самой сильной печалью?
Кто причиняет тебе самую сильную боль?»
Ахурамазда отвечает:
«Это – Шлюха, что смешивает в своем лоне
семя верующего и неверующего,
последователя Мазды и последователя дэвов,
преступника и непроступника.
Взгляд её высушивает треть мощных рек,
что текут с гор, о Заратуштра;
иссушает треть прекрасных златоцветных растений;
Её шаг отнимает у земли треть плодородия;
а её ласки крадут у верующего
треть добрых помыслов, добрых слов и добрых дел.*

Ахурамазда предписывает Спитае Заратуштре истреблять блудниц пуще принадлежащих к категории скверны-храфстры скользких рептилий, волков, угрожающих стадам, и лягушек, оскверняющих воду [26, 248-249; 27, 78]. Возможно, Видевдат (21.1)

также содержит косвенную ссылку на космологическую роль Джахи как убийцы первозданного быка, от которого происходит весь домашний скот [26, 278; 28, 179]. Из сравнения с зороастрийскими представлениями становится понятно, почему уничтожить Уарп-ахсину – благое дело.

В случае с зороастрийцами причина заключалась в морали, которая, в отличие от христианства, но, как и индуистская традиция, не отвергала многое из сферы сексуального, но рассматривала сексуальное распутство как главный пример человеческой неводержанности, нарушающего общественный порядок поведения и свойственного женщинам зла. Сексуальность, хотя и не полностью приравненная к хаосу и злу, стала рассматриваться как разрушающая общество и являющаяся причиной индивидуального вреда. Связанная с демонологией, женская сексуальность обеспечила санкционированное религией разъяснение теологического значения мужского сексуального желания, которое могло приводить ко злу. Вина несоразмерно перекладывалась на женское начало, которое затем осуждалось как подстрекатель мужских желаний и сексуальных излишеств во многих религиях. Тем не менее, секс и сексуальность в браке важны в зороастризме, поскольку рождение детей приводит индивидов в материальный мир, чтобы сражаться со злым духом. Следовательно, зороастризм, как и иудаизм, стремился нейтрализовать те аспекты женского начала – соблазнительное и желаемое, – которые мужчины считали опасными, при этом продвигая репродуктивную функцию как важную [22, 37-38]. В гимнах божественному хмелю Хаоме (Ясна 9. 32; 10.15) преданный отвергает соблазны «оскверняющей злодейки», которая «садится долю поглощать Хаомы». Хаому просят поразить «тело ведьмы-проститутки» [29, 45, 55; 27, 74-75]. В авестийском тексте «Судгар-Наск» (Денкард 9.1.10.6) огонь заболевает от зловония и грязи Джахи, оскверняющей его [30, 187]. В гимне божеству закона Аша (Ардибехешт-Яшт 3.9) священный термин (мантра) является эффективным средством против Джахи колдовской, очаровывающей и других зловредных существ [31, 44-45; 32, 27]. Она – демоница, а не просто развратная женщина [33, 160]. А покровительница благой судьбы и счастья Аши (Ард-Яшт 17. 57-58) причитает о том, как она потрясена мерзостными деяниями Джахи, и заклинает: «Не подходи к ней близко, с ней не ложись на ложе!» [34, 373-374]. Это именно то, что опрометчиво совершает Урызмаг.

Хотя блуд осуждается и в других религиозных учениях, в зороастризме, как и в современной осетинской морали, это осуждение наиболее радикально. Древние иранцы делают этот грех участником космогонической драмы. Неоднозначность маздаистского отношения к женской сексуальности, перенесенная из теологии в общество и приводящая к восприятию женщины как смеси добра и зла, нашла своё отражение в религиозных писаниях. Согласно зороастрийской мифологии, Ахриман не смог одолеть Гайомарда и впал в оцепенение от своего бессилия на три тысячи лет. Никто из демонов не сумел привести его в себя, и только Джех придумала, каким образом можно уничтожить праведного первого человека и осквернить творение Ахурамазды. Большой Бундахишн (IV. 22-26) сообщает о Джех, что по прошествии трёх тысяч лет она явилась Ахриману, который из страха перед праведным человеком даже не мог поднять голову, и призвала его начать сражение с миром, пообещав, что устроит «в этом мире битву, от которой будет ущерб и вред Ормазду и амахраспандам». Отдельно она дважды перечислила свои злодеяния. Поскольку Ахриман из-за растерянности и страха сразу не отважился на битву, она вновь завопила: «Восстань, отец наш, чтобы я в этой битве обрушила на праведного человека и пашущего быка столько злобы, чтобы из-за моих дел они не захотели жить. И я уничтожу их фарр, причиню ущерб воде, растениям, огню Ормазда и нанесу вред всем созданиям Ормазда». Джех перечислила свои будущие злодеяния так красноречиво, что её слова привели Ахримана в сознание, он пришёл в себя, встал и поцеловал Джех в лоб, и у неё появились нечистые выделения, которые называют месячными. В награду Ахриман пообещал Джех удовлетворить её самое сокровенное желание, и она возжаждала любовь мужчин. Тогда Ахриман, имевший тело «бревеннообразной ящерицы» (возможно, лягушки), явился Джех «в образе молодого человека пятнадцати лет, и она стала думать о нём». Затем, подстрекаемый дьяволицей Джех, Ахриман покинул свою обитель, проник через небо на землю, принёс с собой хаос, болезни, бедствия, всяческие напасти и таким образом извратил всё сущее в худшую сторону: «Он встал на одну треть (высоты неба) и обрушился с него на землю, подобно змее. В день Ормазд месяца Фравардин, в полдень, он свалился, и небо от этого (так) раскололось и испугалось его, как овца (пугается) волка. Он отправился к воде, что была собрана под землёй, потом он просверлил центр земли и вошёл (в него). Затем он отправился к рас-

тениям, затем к быку, затем к Гайомарду, затем к огню. Так, подобно мухе, он набрасывался на все создания и сделал мир таким повреждённым и мрачным, что в полдень он (был) подобен тёмной ночи. Он разбросал по земле жалящих вредных тварей, таких, как змея, скорпион, ящерица, лягушка, так что (свободным) от них не осталось и остриё иглы. И он бросил яд на растения и тотчас засушил (их). И он напустил жадность, нужду, страдание, голод, болезнь, похоть и лень на быка и на Гайомарда» [35, 269-270; 36, 60; 22, 38, 61-62; 37, 184]. Отголоски этого представления обнаруживаются также в «Схолионе» сирийского экзегета конца VIII века Феодора бар Коная, но там речь идёт просто о «женщине» и Сатане [38, 232; 37, 184, 187-188; 32, 16, 37-38]. Итак, в зороастрийском мифе о Гайомарде блудница Джех одолевает праведного первочеловека и становится причиной его смерти. «Гайомард, умирая, испустил семя, и это семя было очищено...солнечным светом. Три части (его) хранил Нерйосанг, а одну часть получила Спандармад», то есть земля. Впоследствии из его семени, оброненного перед смертью в лоно земли, возникает первая человеческая пара – Машйа и Машйон. Точно так же животные и некоторые растения возникают из тела и семени погибшего благодаря Джех первого быка, а другие растения – из семян первоначального дерева [35, 281, 284; 39, 129]. Это отвечает вышеупомянутому древнему злодеянию Уарп-ахсины. Согласно писавшему в XI веке уроженцу Хорезма Абурейхану Бируни, при гибели Гайомарда «упали на землю две капли семени,...от которых родились Меша и Мешана. А они занимают [у персов] место Адама и Евы», и «маги из жителей Хорезма», то есть местные зороастрийцы, «называют их Мард и Мардана» [40, 110]. Можно допустить, что семя Гайомарда было пролито в процессе грехопадения, эякулировано вследствие полового возбуждения, как в некоторых других иранских мифах, включая появление на свет эллинистического бога Митры [41, 115-116] и сюжет осетинского нарттовского эпоса о рождении Сослана из камня от семени пастуха Сосаг-алдара. Поэтому имеются определённые основания для мнения, согласно которому южные иранцы производили себя от Гайомарда, вылепленного Ахурамаздой из земли, и блудницы Джех [37, 191-192; 42, 120]. Во «Фравардин-яште» говорится (Яшт XIII 87): «Мы чтим фраваша Гайа Мартана праведного, который первым услышал думы и заповеди Ахурамазды, и из которого [Ахурамазда] произвёл семью арийских народов» [34, 340], то есть иранцев. Частичное подтверждение данной версии можно

найти и в поздних источниках. Уроженец Персии, историк начала X века, Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир ат-Табари (1.9, 93) пишет, что зороастрийцы считают Гайомарда Адамом, отцом человечества. Ат-Табари также заявляет, что персы рассматривают Гайомарда как отца иранского народа, у которого был сын по имени Маши и дочь, Мейшан или Мишан [43, 22-23]. Британский иранист Роберт Чарлз Ээнер рассматривает первую человеческую пару как детей Гайомарда и Джех, наследующих всё хорошее от первого, который был творением рук Ормазда, и всё плохое от последней, которая то ли самовольно стала отступницей от добра к злу, то ли сама по себе была злым творением. Вследствие этого месячные передались всем женщинам. Мифический союз Гайомарда с Джех привёл к тому, что сторонники течения зерванизма стали рассматривать женское начало как преимущественно злое, враждебно относиться к телу и сексуальной жизни [37, 191-192].

Соблазнение Гайомарда коварной Джех перекликается с соблазнением архонтов тьмы в манихейской мифологии [32, 18, 38-39, 41; 37, 189]. Это один из самых возмутительных, с точки зрения христианской морали и приличий, эпизодов манихейского учения. Он казался особенно отвратительным отцам церкви. Перед архонтами, прикованными к тверди, предстаёт обнажённая, лучащаяся светом дева необычайной красоты и соблазняет их своим видом, заставляя возбудиться. Воспламенившись мощным сексуальным желанием, архонты извергают семя, которое, упав на землю, даёт жизнь всем видам растений – травам и деревьям [44, 89-92; 45, 83, 128, 178-179, 227; 46, 328; 47, 151-153; 48, 65, 152-156, 158]. В отличие от зороастризма акт соблазнения здесь играет положительную роль, поскольку приводит к новой стадии развития космоса, снова, в свою очередь, напоминая зачатие нарта Сослана от исторгнутого мужского семени. Примечательно, что по своим функциям дева манихейского мифа обнаруживает близость с младшими божествами ряда гностических учений, обычно с теми, которые именуются София (Мудрость) [45, 178]. Образ Софии в сектах гностиков мог ассоциироваться с падшей женщиной, проституткой, и воплощаться ею в ритуалах [49, 108, 181; 46, 316; 50, 167; 51, 354; 48, 65], что и его сближает с великой блудницей зороастрийских религиозных представлений.

По Роберту Чарлзу Ээнеру, имя дэва-блудницы, Джех (jēh (yuh)), происходит из авестийского слова jahī- «проститутка». Оно также

означало «женщина, созданная Ахриманом», и, по-видимому, просто «женщина» [37, 183]. Из «Обличения всех ересей» Ипполита Римского (1.2. 12-14), где передавались слова «Зарата халдеянина», то есть Заратуштры, якобы сказанные Пифагору, следует, что зороастрийцы признавали две причины бытия, а именно мужское начало (которое есть свет, а элементы его суть тепло, сухость, лёгкость и скорость) и женское (которое есть тьма, а элементы его суть холод, влажность, тяжёлость и медленность), или же небесный демон (огонь, сопричастный воздуху) и хтонический (вода, происходящая из земли) [52, 349]. Если допустить, что влажное женское начало, вода и тьма, принадлежало к творениям зла, противостоя огню, то оно включало в себя Джех [37, 72-75]. Возможно, первозданная блудница восходила к древней хтонической богине, а впоследствии, с распространением маздаистского дуализма, была понижена до статуса демона [37, 75]. Этот демон женского пола, как полагали, помог погубить первочеловека Гайомарда в начале вторжения зла в материальный мир, и продолжает, согласно религиозной мысли зороастрийцев, соблазнять мужчин как напрямую, так и через своих смертных собратьев-женщин [22, 39]. В качестве архетипа представления о женщине как обольстительнице и недостойной спутнице, Джех стала считаться покровительницей злых женщин, с одной стороны, и противницей целомудренных женщин, верных жён и надежных подруг. Женщина оказывается в осознанной оппозиции к Джех, которая в мифологическом видении мира выступает зловредным антагонистом добродетельных жён [37, 187-188; 22, 39; 32, 36; 53, 165]. В самом деле, отрывок из Бундахишна утверждает, что «Шлюха [демоница] противится [праведным] женщинам» [37, 188, 195]. По мнению отдельных иранистов, женщины в понимании зороастрийцев вообще созданы Ахурамаздой в противоположность демонице Джех, как её анти-тезис [39, 96]. Это прямо напоминает нартовский эпос осетин, где блудливой, развратной Уарп-ахсине противопоставлены непорочные Агунда и Азаухан. В сасанидском зороастризме Джех, очевидно, также выступала важным олицетворением ритуальной нечистоты женщины, поскольку в понимании верующих всякое осквернение происходило непосредственно от Ахримана, как и болезнь или смерть [54, 90; 39, 96; 32, 36-37]. Зороастрийский среднеперсидский сборник VIII-IX веков «Шайаст-на-Шайаст» (3.29) говорит, будто Джех настолько опасна, что даже взгляд её поражает, как ничто другое [55, 283; 56, 405]. С Джех сближают демониц армянского фольклора, воз-

можно, имеющих иранское, зороастрийское происхождение, в том числе Ал, которой в народном двоеверии могло приписываться искушение Адама [57, 449]. Её образ близок образу упомянутой выше иудейской Лилит, изображение которой с хвостом, в паре с Адамом, болгарский фольклорист Анчо Калоянов усматривает на знамени-том древнем ковчеге из Террачины, датированном приблизительно IX веком и происходящем, вероятно, из Болгарии или Македонии. Фольклорной версией Джех он считает болгарскую демоницу по имени Сътуница Вечерница [58, 167]. Такой же фольклорной версией Джех, принадлежащей северо-восточным иранцам, следует признать и живущую на небе Уарп-ахсину, совратившую Урызмага, а когда-то в прошлом – и прародителей человечества.

Таким образом, Уарп-ахсину от прочих героинь осетинского нартского эпоса, порой довольно свободных в общении с противоположным полом, которое мотивируется логикой мифа, отличает то, что она является абсолютным воплощением блуда, несущего гибель тем, кого Уарп-ахсина искусила. Она явно необычная женщина, не принадлежит к нартам, проживает на небе и, несмотря на свою красоту, очень стара, поскольку соблазнила ещё первых людей во время оно. Последняя деталь заставляет видеть в ней соответствие демонической блуднице Джахи (Джех), которая в мифологии южных иранцев выступает одним из могущественнейших агентов мирового зла. Джахи приписывается соблазнение первого человека Гайомарда, отличавшегося своей праведностью, что совпадает с обвинением, предъявленным Уарп-ахсине. Зороастрийская этика видела в блудницах служительниц Джех, осуждала сексуальные сношения с ними и предписывала их нещадно истреблять, так что раскаявшийся за свой проступок нарт Урызмаг, казнивший Уарп-ахсину, поступил целиком и полностью в согласии с принципами древних иранцев. Высокая мораль нартов, положенная в основу традиционной осетинской, торжествует. В назидательный сюжет вложено всё то презрение, которое осетин чувствовал к разврату, блуду и прелюбодеянию. Подобно Джех, Уарп-ахсине противопоставляются непорочные девушки, верные жёны, которые являются идеалом для носителей эпоса. Это наводит на мысль о принадлежности Уарп-ахсины к древнеиранскому (дозороастрийскому) мифологическому фонду. Характерно, что столкновение с великой блудницей случается именно с Урызмагом, с которым связываются многие древние общеиранские мифо-

логические мотивы, как-то инцест брата и сестры, любострастный осёл, поучительное соблазнение собственной переодетой женой, метаморфозы с превращением в пса, предначертанное непреднамеренное убийство юного сына, для которого его уносит орёл, и другие. Данные обстоятельства указывают на перспективность дальнейшего изучения своего рода мифологических изоглосс между нартовским эпосом осетин и религиозными представлениями южных иранцев.

1. Лелеков Л. А. Ранние формы иранского эпоса // Народы Азии и Африки. 1979. № 3. С. 173-188.

2. Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.

3. Цагараев В. А. Золотая яблоня нартвов: История, мифология, искусство, семантика. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 2000. 300 с.

4. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нартвовский эпос осетин. Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского университета, 2001. 315 с.

5. Сатцаев Э. Б. Нартвовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы): Монография. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 156 с.

6. Дарчиев А. В. Мать Донбеттыров (об одном персонаже осетинской Нартиады) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. Б. С.

7. Дзиццойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал: Республика, 2017. Том I. 464 с.

8. Рахно К. Ю. Мотив потопа в осетинском нартвовском эпосе: миф и историческая поэтика // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Владикавказ, 2019. Вып. 22. С. 59-63.

9. Рахно К. Ю. Похолодание в нартвовском эпосе осетин и Авесте // Нартвоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ, 2019. Вып. V. С. 46-57.

10. Рахно К. Ю. Божество осетинского пантеона Фалвара в индоиранском контексте // Известия СОИГСИ. Школа молодых учёных. Владикавказ, 2021. Вып. 25. С. 21-46.

11. Шанаев Гацыр. Из осетинских сказаний о нартах // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: типография Главного управления наместника Кавказского, 1876. Выпуск IX. С. 1-64.
12. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.
13. Нарты. Осетинский героический эпос / Составители Т. А. Хамцаева и А. Х. Бязыров. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 494 с.
14. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана. Ossetisch-russisch-deutsches Wörterbuch / Herausgegeben und ergänzt von A. Freiman. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. Том I. А – 3. 618 с.
15. Цгоев Х. Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 599 с.
16. Джапуа З. Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика. М.: Наука – Восточная литература, 2016. 381 с.
17. Гулия Д. И. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка и истории им. акад. Н. Я. Марра. Отдел языка и литературы. Сухуми: Абгиз; издание АБНИИ АН СССР, 1939. Выпуск IX. 164 с.
18. Патай Рафаэль. Иудейская богиня. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 377 с.
19. Гурвиц Зигмунд и другие. Книга Лилит. М.: Клуб Касталия, 2016. 296 с.
20. Дарчиев А. В. Происхождение и мифологическое содержание мотива слепоты в осетинской легенде о Руймоне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 70-74.
21. Дарчиев А. В. Осетинские легенды о Руймоне: происхождение и мифологическая основа // *Nartamongae. The Journal of Alano-Ossetic Studies; Epic, Mythology & Language*. Paris – Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2017. Vol. XII, № 1,2. С. 268-279.
22. Choksy Jamsheed K. *Evil, Good and Gender: Facets of the Feminine in Zoroastrian Religious History*. New York-Washington-Baltimore-Bern: Peter Lang, 2002. XII, 166 p.
23. Boyce Mary. *Some Reflections on Zurvanism* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1957. Vol. 19. № 2. P. 304-316.

24. Дрезден М. Мифология древнего Ирана // Мифологии древнего мира. М.: Наука, 1977. С. 337-365.
25. Widengren Geo. Primordial Man and Prostitute: A Zervanite Myth in the Sassanid Avesta // Studies in Mysticism and Religion, presented to Gershom G. Scholem on his Seventieth Birthday by Pupils, Colleagues and Friends. Jerusalem: Magnes Press, 1967. P. 227-234.
26. Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат). СПб.: Изд-во Политехи, ун-та, 2008. 301 с.
27. Mendoza Forbes S. K. Witches, Whores, and Sorcerers: The Concept of Evil in Early Iran. Austin: University of Texas Press, 2011. XI, 245 p.
28. York Michael. The Divine Versus the Asurian: An Interpretation of Indo-European Cult and Myth. Bethesda: International Scholars Publications, 1995. 636 p.
29. Авеста. Гимн Хаоме. Ясна, главы 9, 10, 11 / Подготовка авестийского текста, перевод, комментарий М. В. Чистякова. СПб.: Типография ИОВ РАО, 2003. 84 с.
30. Pahlavi Texts / Translated by E. W. West. Oxford: The Clarendon Press, 1892. Part IV. Contents of the Nasks. L, 506 p.
31. The Zend-Avesta / Translated by James Darmesteter. Oxford: The Clarendon Press, 1882. Part II. The Sîrôzahs, Yasts and Nyâyis. IX, 384 p.
32. De Jong Albert. Jeh the Primal Whore? Observations on Zoroastrian Misogyny // Female Stereotypes in Religious Traditions. Leiden: E. J. Brill, 1995. P. 15-41.
33. Gould Ketayun H. Outside the Discipline, Inside the Experience: Women in Zoroastrianism // Religion and Women. Albany: State University of New York Press, 1994. P. 139-182.
34. Авеста в русских переводах (1861–1996) / Составление, общая редакция, примечания и справочный раздел И. В. Рака. СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. 480 с.
35. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / Издание подготовлено О. М. Чунаковой. М.: Восточная литература, 1997. 352 с.
36. Рипка Ян. История персидской и таджикской литературы. М.: Прогресс, 1970. 418 с.
37. Zaehner Robert C. Zurvan: A Zoroastrian Dilemma. New York: Biblio & Tannen, 1972. XVI, 495 p.
38. Zaehner Robert C. The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. New York: G. P. Putnam's Sons, 1961. 371 p.

39. Choksy Jamsheed K. Purity and Pollution in Zoroastrianism: Triumph over Evil. Austin: University of Texas Press, 1989. XXVII, 185 p.
40. Бируни Абурейхан. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1957. [Памятники минувших поколений] / Перевод и примечания М.А. Салье. 488 с.
41. Рахно К.Ю. Рожденный скалой: монгольско-тибетские фольклорные параллели к осетинскому нартовскому эпосу // Kavkaz-Forum. Владикавказ, 2020. Выпуск 3 (10). С. 112-126.
42. Снисаренко А.Б. Третий пояс мудрости: Блеск языческой Европы. Л.: Лениздат, 1989. 286 с.
43. Kia Mehrdad. The Persian Empire: A Historical Encyclopedia. Santa Barbara-Denver: ABC-CLIO, 2016. Volume 2. LIX, 394 p.
44. Виденгрэн Гео. Мани и манихейство. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. 256 с.
45. Смагина Е.Б. Манихейство: по ранним источникам. М.: Восточная литература, 2011. 519 с.
46. Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей: В 3 т. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Критерион, 2002. Т. 2. 512 с.
47. Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 480 с.
48. Stroumsa Gedaliahu A.G. Another Seed: Studies in Gnostic Mythology. Leiden: E.J. Brill, 1984. XII, 195 S.
49. Назаров В.Н. Феноменология мудрости: Образы мудреца в истории культуры. Тула: Издательство Тульского пединститута, 1993. 332 с.
50. Хосроев А.Л. «Другое благовестие». II. Христианские гностики II-III вв.: их вера и сочинения. СПб.: Контраст, 2016. 424 с.
51. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. Том I. 465 с.
52. Ипполит, епископ Римский, св. О Христе и антихристе. СПб.: Библиополис, 2008. 400 с.
53. König Götz. Zur Figur des «Wahrhaftigen Menschen» (mard ī ahlaw) in der zoroastrischen Literatur // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 2005. Band 155. S. 161-188.
54. Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.-М.: Журнал «Нева» – Летний Сад, 1998. 560 с.

55. Pahlavi Texts / Translated by E.W. West. Oxford: the Clarendon Press, 1880. Part I. The Bundahis-Bahman Yast, and Shâyast Lâ-Shâyast. LXXIV, 438 p.
56. Dhalla Maneckji Nusservanji. History of Zoroastrianism. New York: Oxford University Press, 1938. XXXIV, 525 p.
57. Russell James R. Zoroastrianism in Armenia. Cambridge-London: Harvard University Press, 1987. VI, 578 p.
58. Калоянов Анчо. Българското шаманство. София: Род, 1995. 214 с.

**З. К. Плаева,
мнс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(Владикавказ)**

АЦАМАЗ И ДЕВА-ВОИТЕЛЬНИЦА: ДИГОРСКОЕ СКАЗАНИЕ В ИЗЛОЖЕНИИ МАХАРБЕКА ТУГАНОВА

В статье рассматривается сюжет о деве-воительнице Наширан и Ацамазе в осетинском нарттовском эпосе, зафиксированный известным народным художником осетин Махарбеком Тугановым. Архаичность этого сказания подтверждается тем, что образ девы-богатырши, перекликающийся с образом воительниц-савроматок, представляет собой древний тип героини. Имя «Наширан», которое в одном и том же сюжете дается и мужчине, и женщине, может указывать на близкое родство мужчины Насран-алдара и девушки Наширан – отца и дочери. В статье присутствуют параллели между образами Наширан осетинского эпоса и одним из самых ярких и непростых женских персонажей восточнославянской волшебной сказки – Царь-девицей. Архаичность данного сюжета также проявляется в знании тайны чисел Ацамазом, что роднит его с Сырдоном – изобретателем народного музыкального инструмента осетин фандыра.

Ключевые слова: нарттовский эпос, Ацамаз, дева-воительница, осетинский фольклор, Махарбек Туганов.

The article deals with the story about a warrior-maiden Nashiran and Acæmæz in Ossetian Nart epos recorded by the famous Ossetian artist Makharbek Tuganov. This saga's archaism is confirmed by the character of a heroic maiden that has much in common with the Sauromatian women-warriors' characters. The name «Nashiran» given to a man and a woman in the same plot may be a reference to their close relationship (as a father and his daughter). Some parallels between Nashiran in Nart epos and the colorful Slavic fairy tale character Tsar-maiden are present in this article as well. The archaism of this story displays itself in knowing the numbers by Acæmæz. This feature makes him similar to the other Nart hero Syrdon – the creature of the Ossetian folk musical instrument «fændyr».

Keywords: Nart epos, Acæmæz, warrior-maiden, Ossetian folklore, Makharbek Tuganov.

Махарбек Туганов – выдающийся народный художник Осетии – был также общественным деятелем, педагогом, автором множества работ в области этнографии, археологии и искусствознания, одним из первых собирателей и исследователей ценнейшей части духов-

ной культуры осетинского народа – нартовского эпоса. В конце XIX века, будучи ещё студентом Ильи Репина в Петербургской Академии художеств, М. Туганов начал собирать произведения осетинского фольклора: пословицы, поговорки, сказки, сказания о нартах. Он проявлял особый интерес к нартовскому эпосу на протяжении всей жизни. Ему принадлежат записи множества сюжетов, которые художник стремился правдиво изобразить на полотне, тем самым максимально зрительно приблизив к нам эпический мир нартов. «Ныне мы уже не можем представить героев эпоса – Урузмага, Батрадза, Ацамаза, Сырдона, Сослана и других – вне тугановской трактовки. К иллюстрациям Туганова не нужны надписи – «Нарт Урузмаг», «Бой Батрадза с небожителями», «Плач Сырдона по сыновьям». Мы тотчас и безошибочно узнаем и эпические ситуации и героев. Мы не только принимаем их, но и испытываем нравственное удовлетворение и эстетическую радость – волшебством художника стало яснее, ярче и крупнее то, что рисовалось нашему воображению нечетко, зыбко, смутно. Словно вдруг ожило и заговорило прекрасное лицо, чьи черты лишь смутно хранились в нашей памяти» [1, 8]. Вершиной художественного творчества М. Туганова стало монументальное полотно – «Пир нартов», к которому его автор шёл всю свою жизнь. Кроме записей сюжетов из осетинского эпоса и иллюстраций к ним, М. Туганову принадлежат статьи: «Кто такие нарты?» (1925 г.), «Новое в нартовском эпосе» (1946 г.), «Конец нартов» (1946 г.) [2, 127-149].

Результатом собирательской работы М. Туганова стал сборник на осетинском языке «Дигорон кадæнгæ», изданный во Владикавказе в 1911 году. В этот сборник вошли: «Песня о нарте Ацамазе», сказка «Добрый и Злой», легенда «Святой Георгий и Безносый Маргуц», прозаическая сказка «Телёнок, овца и козел» [3]. Следовательно, первая публикация сказания об Ацамазе на осетинском языке принадлежит М. Туганову. Оно было зафиксировано его отцом в 1870 годах и при издании дополнено лично собранными материалами самого Махарбека Сафаровича [2, 131; 4, 225].

«Песнь об Ацамазе» в записи Махарбека – это классический образец стихотворного варианта наших эпических сказаний. Она уникальна во многих отношениях. И именно эта ее особенность наводит некоторых фольклористов на мысль о том, что сказание, якобы, сочинено самим художником. Мысль, если можно назвать ее мыслью, ложна в своей исходной посылке. Она основана на том, что в других записях сказаний эпоса мы не находим ни такого лексиче-

ческого богатства, ни такой композиционной стройности, ни такой версификационной чистоты. Но ведь все это каждый раз зависит от таланта сказителя. В сказании нет ничего от примет литературной обработки.... В «Песне об Ацамазе» ничего индивидуально тугановского нет. Есть в ней лишь то, что отличает запись одного памятника в одном случае от талантливого сказителя, в другом – от обычного информатора. Туганов встретил талантливого сказителя и записал во всех отношениях талантливый вариант сказания. Так говорит он сам, и не верить ему нет никаких оснований.... Своей записью «Песни об Ацамазе» и «Сказания об Одинокое» Туганов обогатил наше народно-поэтическое наследие великолепными памятниками – вот в чем заслуга его, и что мы обязаны принимать во внимание, когда речь идет о Туганове-фольклористе» [1, 5-6]. Следует отметить, что оригинал фонда записей М. Туганова, относящихся к 1900-1912 гг., погиб в период гражданской войны в Дигории, во время изгнания дигорских баделят восставшим дигорским населением. Свои материалы М. Туганов почти целиком восстановил по памяти и по тем отрывкам записей, которые ему удалось спасти в огне общественного противостояния в Дигории [5]. Поэтому в комментариях к записанным текстам М. Туганова отсутствуют сведения об информаторах, а восстановленные по памяти тексты не так часто привлекаются учёными.

Особый интерес в нашем исследовании представляет сказание, записанное Махарбеком Тугановым в 1912 г., – «Нарти Наширан» (о деве-наезднице и Ацамазе). Данный текст отличается от остальных вариантов на этот сюжет тем, что собственное имя Насрана (Насирана) – союзника Ацамаза – звучит как Наширан, а в роли мужчины выступает женщина в мужском одеянии, встречающаяся в фольклоре других ираноязычных и кавказских народов.

Согласно сюжету, Наширан-алдар – это могучая женщина, правительница, покорившая много народов. Она собралась в поход отомстить ненасытному владыке – грабителю Гуцмаз-алдару. Женщина облачилась в свой мужской костюм и в боевые доспехи. Ее войска покрывали широкие степи: от Чёрного моря до Каспийского (Орденгиз). Она считала их от субботы до субботы с раннего утра до заката солнца, но не оказалось среди них славного племени «ацов». Тогда молвила Наширан-алдар – победительница многих народов: «Где же ацы? Где мои славные ацы? Они всегда и всюду ходили на битву со мной: в бой – первые и из боя – последние. Как пойти без

них, без ацов на Гуцмаз-алдара?» [2, 208; 6, 332].

Приехала она к ацам, но увидела лишь пустые жилища. Только в одном дворе на солнце грелась горбатая старушка. Воительница спросила её: «Где сильные ацы, добрая старушка? Эй, старуха, где ацы? У меня, Наширан-алдар, покорительницы народов, нет никого из ацов, некому счесть мое несметное войско. Семь раз от субботы до субботы считала я их и не смогла сосчитать. Кто бы мог подвести им счет, отдала бы тому начальство над ними». В ответ Наширан-алдар узнала, что род ацов вымер, Бог богов истребил их, и остался только маленький Ацамаз, да и он уехал в широкое поле порезвиться на своем коне. Опечаленная воительница решила идти в поход без ацов. Так как царство Гуцмаз-алдара находилось далеко, нужно было переправиться через море. Вдали женщина увидела поднимающуюся черную тучу, над которой летели черные вороны. Это резвился на могучем коне мальчуган-богатырь. Пыль летела, как туча, а комя крепкой земли от копыт – что черные вороны. Осаженный на скаку конь оставлял борозды, как на пашне.

«Кто ты, мальчик, сидящий на коне боевом, как сильный мужчина?». «Я – родившийся после всех ацов, сын Аца по имени Ацамаз».

«Народы мои ждут тебя!», – ответила Наширан-алдар. Сын ацов, маленький Ацамаз, посчитал войска и повел их на Гуцмаз-алдара.

Море уносило людей, гибли народы Наширан-алдар, но маленький Ацамаз ловил их, и сам переправлял на другой берег. Переправив, он собрал все войско, сказав: «Подождите здесь – я же поеду и сделаю пока, что в силах». Ацамаз увидел табуны в широкой степи и погнал их перед собой. Грозный как гром, страшный как молния, Гуцмаз-алдар поскакал за похитителем и нагнал его. Начался смертный бой, а к вечеру усталый Гуцмаз-алдар сказал: «Завтра еще повстречаемся, будем биться». На следующее утро Гуцмаз-алдар выехал совершенно бодрый. Снова до вечера закипел невиданный бой, но они не могут друг друга одолеть. Вечером Гуцмаз-алдар сказал: «Завтра будет последний бой» и уехал к себе. Конь Ацамаза молвил своему седоку: «Как ты глуп, Ацамаз! Жена врага твоего, Гуцмаз-алдара, мастерица раны лечить. Те раны, что ты наносишь ему, она до утра врачует, наутро ж к тебе выезжает он вовсе здоровый. И уж завтра, мой хозяин, ты будешь убит непременно, если к хитрости ты не прибегнешь. Послушай меня. Притворись мертвым, как выедет он. Привяжет тебя он к хвосту коня своего и поволокёт на широкий двор Гуцмаза. Народ соберётся посмотреть на тебя и скажет: «Нас

удивляет, Гуцмаз-алдар, что ты три дня целых бился с этим мальчуганом». Тогда велит он положить тебя на крыльцо своего дома. Дождись ночи. Гуцмаз уснёт, и, покуда не станут вылетать в окна и в двери искры огня, не шевелись. А тогда войди к нему и убей его» [2, 209; 6, 333]. Послушался совета коня своего Ацамаз и проделал все, как было сказано. Ночью Ацамаз, лежа на крыльце, пошевелился, и Гуцмаз почувствовал это в своих покоях. Он вышел и долго стоял над Ацамазом, но последний не шевельнулся. Успокоенный Гуцмаз ушел и лег на свою постель. И Ацамаз вскоре увидел, как от храпа Гуцмаза летели искры огня и целые головешки из окон и дверей. Тогда маленький Ацамаз встал и убил Гуцмаз-алдара. А жене его он приказал залечить его раны и взял её с собой. Сын Аца с добычей возвратился к войску Наширан-алдара.

Радость людей была велика. Войско вновь переправилось через море. А вернувшись домой, Наширан-алдар сбросила с себя свои мужские доспехи и сказала: «Сын Ацов Ацамаз! До сего дня я была, как мужчина, и все смотрели на меня, как на славного героя. Теперь же я, как женщина, отдаюсь только тебе – славнейшему из героев – сыну ацов». Распустив по домам свои народы, она стала женой Ацамаза. И род ацов стал могучее и доблестнее, чем в начале [2, 209; 6, 332-333].

Махарбек Туганов полагал, что в сказании повествуется об ала-нах-асах – предках осетин, но на самом деле речь идёт о нартовском роде Ацата, который, по мнению исследователей, как и Алагата, исполнял жреческие функции [7, 161]. Последний из них, Ацамаз, наделён в этом сказании любопытной чертой, которая, как и некоторые другие, роднит его с другим известным героем Нартиады, изобретателем фандыра хитроумным Сырдонам. Как замечает Жорж Дюмезиль, в историях о безысходной войне двух больших нартовских родов – Ахсартагката и Бората – одним штрихом обрисовывается следующая способность Сырдона: цифры не составляют для него тайны [8, 94]. Шатана хитростью, вызвав у него любопытство, провоцирует Сырдона на разговор с самим собой и узнаёт от него численность полученного войска [8, 200-201, 207, 209; 7, 112, 119, 201]. Точно так же и Ацамаз, который в нартовском эпосе играет на свирели, может сосчитать собранное войско. Согласно древним представлениям, которые до недавнего времени сохранялись и у многих европейских народов, знать точное число чего-то означает получить над ним власть. Такое знание даже порой опасно [9,

338-343]. Тайна чисел имеет прямое отношение к музыке Сырдона и Ацамаза, потому что строение, размеры инструментов и количество струн или отверстий, с одной стороны, и гамма тонов, с другой стороны, в древних цивилизациях были тесно связаны с воззрениями касательно небесных светил и представлением о всеобщей мировой гармонии [7, 166-168].

Противник Ацамаза Гуцмаз-алдар является огнедышащим, что, возможно, намекает на его змеиную природу. Со временем антагонист, как и в волшебной сказке, стал восприниматься как социальная сила, преследующая цель агрессии и порабощения [10, 184, 188, 190-191]. Это сказание с другими повествованиями о мести Ацамаза роднят мотивы: жены врага – чародейки, залечивающей раны мужа, а потом самого героя; говорящего коня Ацамаза, дающего совет герою прибегнуть к хитрости – притвориться мертвым, чтобы одолеть противника; убийства спящего врага и женитьбы на его вдове. Следовательно, в приведённом тексте у Ацамаза две жены. В отличие от других вариантов, в рассматриваемом тексте не рассказывается о том, как юный Ацамаз становится богатырём и узнаёт о необходимости кровной мести, как он укрощает своего коня, однако сохраняется наделенность коня вещими способностями.

Характерно, что данный вариант отчасти перекликается с эпосом соседей дигорцев – балкарцев и карачаевцев. В одном старинном карачаевском сказании за убитого князя Ецея мстит молодая княжна, его сестра, со своим войском. Она просит вдову прислать к ней племянника, когда тот будет в состоянии исполнить свой священный долг [11, 565-566]. Сестре героя, долженствующего охранять покой человеческого племени (в данном случае отца Ецеменя), отводится значительная роль в эпосе степных народов. Исследователи предполагают развитие эпического образа богатырской девы следующим образом. Образ этот унаследован от первобытной мифолого-эпической традиции. По-видимому, в наиболее популярных древних сказаниях матрилокальная прародительница изображалась старшей сестрой первого человека, племенного предка. Эта старшая сестра передавала брату культурные навыки и искала для него жену. Но, конечно, она не была богатырём-воином, как не был им первоначально и её брат. В дальнейшем этот женский образ или отступал на задний план, или трансформировался. Мифологическая прародительница могла превратиться в небесное божество – покровительницу героя или, поскольку в области чистой мифологии

матриархальные пережитки удерживались дольше, чем в эпосе, стать могущественной героической «земной» шаманкой, причем именно шаманское искусство определяло ее могущество. Эта эволюция присутствует у нартовской Шатаны, сестры Урызмага. Другой путь эволюции образа сестры героя, если она не рассматривается как богиня или шаманка, – потеря могущества и активности, превращение в объект домогательств богатырей и объект героической покровительственной защиты со стороны брата, богатыря-воина.

Наконец, по аналогии с превращением эпического героя из мифологического первопредка в богатыря-воина, и женщина-герой может быть переосмыслена как богатырь, воинственная дева, прошедшая обряд инициации как воин, владеющая оружием не хуже богатырей-мужчин. Так возникает образ женщины-богатыря, черты которой проскальзывают и у Шатаны. Таким образом, тип женщины-богатыря – это не столько воспоминание о матриархате, сколько переосмысление образов в духе господствующей эстетики воинского богатырства, восходящих в конечном счете к эпической традиции родового общества. Но исследователи эпоса, говоря о возникновении легенд о девах-воительницах типа амазонок, отмечают и влияние эпической традиции ираноязычных кочевых скотоводов сако-массагето-сарматского типа, для которых была характерна гипертрофия матриархальных институтов уже на пороге государственности [12, 161-162, 338-339; 13, 566-570].

По мнению исследовательницы вайнахского эпоса о нартах Уздиат Далгат, образ женщины-воительницы в народных сказаниях может свидетельствовать в первую очередь об уважении и преклонении перед женщиной, ее мужеством, выдержкой, силой ее духа. Девушка, выступающая в мужской роли, есть результат патриархального влияния, когда первенство должно принадлежать мужской личности. В женском образе выражен истинно эпический характер – могущественный, смелый, сильный и гордый духом, благородный и независимый [14, 243]. Образ Наширан-алдар во многом перекликается с Царь-девицей – одним из самых ярких и непростых женских персонажей восточнославянской волшебной сказки. Царь-девица тоже наделена рядом черт эпической богатырши, гордой, волевой и могущественной. С другой стороны, в её образе есть признаки, позволяющие отнести ее к существам мифологической природы и раскрывающие наиболее архаичный пласт сюжета. Нередко Царь-девица изображается огромной и

тяжелой, подобно эпическим великанам. Соответственно своей величине она наделяется непомерной физической силой и возглавляет войско. Тот, кто сможет проникнуть в царство этой героини и совершить поступок, имеет право стать ее брачным партнёром. Одной из наиболее важных противоречивых характеристик Царь-девицы, указывающей на её мифологическую природу, является ее возраст. Героиня предстает в сюжете молодой, но, вместе с тем, она является и вечной, а значит, древней. Этот мифологический женский образ, отмеченный в одной из своих ипостасей признаками молодости и девичества, попадая в волшебную сказку, жанровой особенностью которой является ориентированность на свадьбу как идеальный финал сюжета, органично соединился с брачными мотивами, соотносящимися с обретаемым героем статусом. Посещение Царь-девицы даёт возможность герою, пройдя все испытания, вступить в брак, продолжить свой род и заступить на царствование. Помощником его, как и у юного нарта, выступает конь, который дает советы, предупреждает сказочного героя. Преодолевая в этих испытаниях смерть, как и Ацамаз, он получает право на жизнь в новом положении [10, 70-75; 15, 509-510, 516-518, 523, 525-526].

Как и у воительницы Наширан, наделённой алдарским титулом, имя Царь-девицы свидетельствует об определённом статусе героини в сказочной социальной иерархии: она глава некоего царства. Вместе с тем, возрастной статус героини закономерно обуславливает отведение ей в сказке роли потенциальной невесты [10, 72, 74; 15, 510].

В данном тексте обращает на себя внимание имя «Наширан», которое в одном и том же сюжете дается и мужчине, и женщине. Фольклорист Григорий Потанин в своем труде «Ерке. Культ сына неба в Северной Азии» говорит о том, что часто у эпического героя и его дочери-богатырки, которая может выступать мстительницей, имена родственны [16, 61-64], и это может указывать на близкое родство мужчины Насирана и девушки Наширан – отца и дочери.

Дева-воительница Наширан-алдар, союзница Ацамаза, распускает своё войско и прекращает свою богатырскую деятельность, став его супругой. Род Ацамаза продолжается. В абазинском эпосе женой героя тоже становится девушка-воительница, мстящая за кровь своего убитого отца [17, 273].

Брак героя с девой-богатырём – нередкий мотив архаичного эпо-

са [12, 337; 18, 298-299]. Аналогичные коллизии с «разоружением» после бракосочетания часто присутствуют в эпических преданиях, легендах и сказках о женщинах-богатыршах, победоносно сражавшихся воинствах девушек. Они исторически связаны с главенством женщин в восточноиранской этнической среде (у скифов, исседонов, савроматов, саков, массагетов, аланов) и материнским родом. Согласно сообщениям античных авторов, в частности, Геродота, Гиппократ, Платона, Исигона Никейского и других, воинственные женщины савроматов не могли выйти замуж, пока не убьют одного или трёх врагов. После замужества они прекращали ездить верхом и воевать, разве что возникала необходимость всеобщего ополчения [19, 151-156; 20, 82-102, 117-119, 186-210; 21, 28, 57, 112-122]. Совершив подвиги по защите своего народа, страны или селения от неприятеля, поучаствовав в походах, набегах и войнах, девушка затем вводится посредством брака в жёсткие рамки семейной жизни, где единственно правомочным вариантом самореализации становится служение мужу (в конкретном выражении – обеспечение преемственности его генеалогической линии) [22, 59-60, 65].

Итак, широко известный в фольклоре народов Северного Кавказа сюжет о деве-мстительнице за смерть своего брата или отца в осетинском нарттовском эпосе прикреплен к имени Ацамаза. Герой, пройдя испытание, женится на двух женщинах: вдове своего убитого врага и на богатырше Наширан. Дева-воительница, став супругой Ацамаза, прекращает свою богатырскую деятельность. Этот мотив перекликается с образом воительниц-савроматок, которые могли выйти замуж только после убийства одного из врагов. Следовательно, образ девушки-воительницы представляет собой весьма древний тип героини и может быть связан с главенством женщины у восточноиранских народов. Уцелевший вариант о деве-воительнице может представлять собой осколок архаичной традиции, о чем свидетельствует сарматский мотив девы-наездницы, девы-воительницы, которая должна победить врага, чтобы выйти замуж. Это явное свидетельство аутентичности текста. Архаичность данного сюжета также проявляется в знании тайны чисел Ацамазом, что роднит его с Сырдоном – изобретателем народного музыкального инструмента осетин – фандыра.

1. Джусойты Н. Творить из прошлого будущее: Штрихи к портрету Махарбека Туганова // Махарбек Туганов. Статьи, воспоминания, письма. Цхинвал: Ирыстон, 1986. С. 3-14.
2. Гиреев Д. А., Туганов Э. М. Махарбек Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. 238 с.
3. Тугъанты М. Дигорон кадæнгæ. Владикавказ: типо-литография З. И. Шувалова, 1911. 41 ф.
4. Бязыров А. Х. Зарождение жанра осетинских литературных сказок и сказаний и поэтическое наследие М. С. Туганова // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Владикавказ: Ир, 1993. С. 220-228.
5. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. ф. 345 (2). П. 133. С. 45–47.
6. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Цыппæрæм чиныг. Дзæуджыхъæу: Гаситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфирон куыстуат, 2007. 548 ф.
7. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2001. 315 с.
8. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
9. Фрэзер Д. Д. Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат, 1985. 512 с.
10. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука. 1974. 253 с.
11. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 654 с.
12. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
13. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: София; Гелиос, 2002. 592 с.
14. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. 467 с.
15. Мадлевская Е. Л. Русская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 784 с.
16. Потанин Г. Н. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии: Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск: Издание А. М. Гри-

горьевой; типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1916. 129 с.

17. Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1975. 336 с.

18. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1994. 339 с.

19. Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М.: Наука, 1984. 246 с.

20. Толстова Л.С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 141-164.

21. Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. 392 с.

22. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 412 с.

V. ФИЛОЛОГИЯ

**З. Х. Догузова,
нс отдела языка и литературы
ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева
(г. Цхинвал, РЮО)**

О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье анализируются деэтимологизированные лексемы, входящие в состав корневых гнезд; рассматривается история эволюции этих гнезд в осетинском языке, в частности с корнем *kan-, от древнеиранского до современного состояния. Данная проблема является частью исторической лексикологии и является актуальным направлением в современном осетинском языкознании. Исследование выполнено на материале лексических гнезд из словарей осетинского языка, в том числе «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абиева. Автор преследовал цель: выделить и описать изучаемые единицы (корневые гнезда), дать анализ конкретного лексического гнезда как комплексной единицы исторической лексикологии.*

Ключевые слова: деэтимологизация, архаизация, корневое гнездо, этимологическое гнездо, осетинский язык, историческая лексикология, этимология, историческое словообразование.

*The article analyzes the de-etymologized lexemes that are part of root nests; the history of the evolution of these nests in the Ossetian language, in particular with the root *kan-, from ancient Iranian to the modern state is considered. This problem is a part of historical lexicology and is an actual direction in modern Ossetian language knowledge. The study is based on the material of lexical nests from the dictionaries of the Ossetian language, including the «Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian language» by V. I. Abaev. The author pursued the goal: to identify and describe the studied units (root nests), to give an analysis of a specific lexical nest as a complex unit of historical lexicology.*

Keywords: de-etymologization, archaization, root nest, etymological nest, Ossetian language, historical lexicology, etymology, historical word-formation.

В работе мы исходили из определения корневого гнезда А. Н. Тихоновым. Это – «общность однокоренных слов, состоящая из двух и более словообразовательных гнёзд, вершинами которых являются слова со связанными корнями, сохранившими в своей глубинной структуре определённую близость, но утративших на данном уровне развития языка словообразовательные отношения друг с другом в результате процесса деэтимологизации» [1, 270].

Вопросу лексических гнезд посвящены исследования многих лингвистов: А.С. Мельничук, Ж.Ж. Варбот, М.Д. Барченковой, А.П. Шальтяните и др. Научный интерес представляют как общие, так и отдельные, конкретные понятия лексических гнезд.

Среди активных процессов, происходящих в осетинском языке в настоящее время, особое внимание вызывает процесс стремительной архаизации, который, в свою очередь, приводит к деэтимологизации целых языковых уровней.

Известно, что в процессе эволюции в языке происходят различные сдвиги: один из них – изменение словообразовательных моделей, что приводит к разрушению родственных связей. По той же причине слова, образованные по утраченным моделям, становятся позднее непонятными по структуре. Например, в осетинском языке слово *хъæдындз* «лук» образовано от *хъæд* «стебель» с непродуктивным архаическим суффиксом *-ындз* (ср. *уадындз* «свирель» и *уад+ындз*). В.И. Абаев пишет, что «суффикс *-ындз*, по всей видимости, имел в этих словах уменьшительное значение, и таким образом, *хъæдындз* изначально означал «стебелек»». Однако, и в сознании носителей, и в грамматике современного осетинского языка слово *хъæдындз* морфологически уже неразложимо.

Причина деэтимологизации часто кроется в морфологических преобразованиях слова, искажающих структуру морфем. Так, закономерные в осетинском языке фонетические процессы (озвончение *ф*, метатеза *дв > вд*, выпадение *р*) изменили до неузнаваемости слово, образованное из старого словосочетания *æд-фарс-арм*, и превратили его в *æвдасарм* «четверть бычьей или бараньей туши», букв. «часть туши с передней конечностью с лопаткой и боком» [7, 195].

Вытеснение одного слова другим в процессе эволюции языка также является одним из факторов деэтимологизации. К примеру, тюркское слово *qəz* «девочка», «девушка», «дочь» полностью вытеснило из древнеосетинского языка общеиранское слово *dyǵd/*

duǵd, сохранившееся в современном осетинском только в слове-комposite *ходьыгъд* «золотка», образованное по словообразовательной модели (сущ.+сущ.), ср. ос. *лæппулæг*, *хъугсаг* и др., где первая часть слова является определением ко второй. Вытесненные лексемы, как правило, выпадают из узуальной нормы языка, переходят в разряд пассивной лексики и постепенно подвергаются процессу архаизации.

С другой стороны, знаковая природа слова также является важнейшей причиной деэтимологизации: по обыкновению, уже при возникновении слова, его значение отличается от изначальной мотивации, определяющей образование названия данного предмета от другого слова, так что новое слово становится условным знаком предмета. К примеру, первичной мотивацией для образования слова *хъуырау* «кувшин», (лексикализовавшийся уподобительный падеж от слова *хъуыр* «горло») послужило сходство с горлом, то есть кувшин особой формы, напоминающий человеческое горло. По мнению В. И. Абаева, первоначально *хъуырау* служил определением к слову *дурын* (*хъуырау дурын*; букв. «хъуыры хуызæн дурын» «горловидный кувшин»), но уже первичным значением было «кувшин».

Корневое гнездо с вершиной *ком* (*дзых*)

Процесс деэтимологизации в языке происходит непрерывно и характерен для любого развитого языка. Как уже отметили выше, данный процесс связан с архаизацией языка, в частности с устареванием лексики. В качестве иллюстрации этого «живого» процесса можно использовать относящийся к соматической лексике осетинского языка устаревающее слово *ком* в значении «рот, часть», которое образует в языке широкое корневое гнездо, представленное следующими лексемами: *ком-ы-къул* «внутренняя сторона щеки», *ком-дарæн* «пост», *ком-ком-мæ* «напротив, открыто», *ком-мæ-гæс* «послушный, покорный», *ком ивазын* «зевать», *комы дæттæ* «слюнки», *ком-дзог* «доказчик, доносчик», *ком-арынг* «нёбо», *ком-дзаг* «кусок, помещающийся во рту», *æ-гом-ыг* «немой, безмолвный», *æ-гом-мæ-гæс* «непослушный», *æн-гом* «плотный», *æр-гом* «открытый», ясный, *ком-улæфт* «дыхание», *цæс-гом* «лицо» и др. [2, 259-511]. Эти производные с вершинным словом *ком* в современном осетинском достаточно активны, в то время как сама вершина данного словообразовательного гнезда (*ком*) частично вытеснена словом *дзых*, пришедшим в осетинский из кавказского субстрата. В свою очередь, *дзых* формирует собственное лексическое гнездо синонимич-

ной природы, активно участвуя в процессе деривации, например: *дзыхæй* «устный, устно», *дзыхæй-дзыхмæ* «из уст в уста», *дзых-арæхст* «красноречивый», *дзых-дон* «водопой», *дзых-джын* «речистый, бойкий», *дзыхы дæттæ* «слюнки», *дзых ивазын* «зевать», болтать лишнее», *хæлиу-дзых /гом-дзых* «ротозей, зевака», *хæлиудзыхдзинад* «ротозейство» и др. [2, 221; 475.].

Между тем, слово *ком* как лексическая единица до сих пор встречается в словарях осетинского языка без пометки «устаревшее», хотя в разговорной речи в значении *рот, пасть* практически не употребляется. Факт деэтимологизации данного корневого гнезда подтверждают и наблюдения: в языковом сознании опрошенных носителей связь производных (корневого гнезда) с производящей основой (*ком*) постепенно утрачивается и через некоторое время, по всей видимости, полностью исчезнет.

Таким образом, корневое гнездо возникает в результате выхода из активного употребления исходного слова – вершины словообразовательного гнезда. Это приводит к тому, что слова первой ступени словообразования остаются без производящего слова и начинают формировать собственные словообразовательные гнезда.

В настоящее время, зачастую, бывает трудно без обращения к соответствующим словарям определить принадлежность слова к тому или иному этимологическому гнезду (далее ЭГ). Этимологическое гнездо определяется Ж. Ж. Варбот как «группа генетически родственных слов, включающая все когда-либо существовавшие на протяжении истории данного языка рефлексy определенногo корня, реконструированного для праязыка-основы» [3, 447]. В осетинском языке существует большое количество слов, на первый взгляд, не связанных друг с другом генетически. Таким образом, для восстановления исходной семантики необходимо найти прежний корень слова. Но материала одного осетинского языка часто оказывается недостаточно, и исследователю приходится обращаться к данным родственных (иранских) языков.

Таким образом, посредством этимологического анализа мы имеем уникальную возможность восстановить более древние состояния языка на самых разных уровнях.

Этимологическое гнездо с праиранским глаголом **kan* –

Рассмотрим подробно этимологическое гнездо с вершиной не сохранившегося в осетинском глагола **kan*- и его участие в историческом словообразовании осетинского языка. В структуре ЭГ, обра-

зованного на базе данной лексемы, достаточно хорошо отражена история его развития.

Глагол **kan-* в значениях «копать», «сыпать», «грузить», «хоронить», «пахать», «рыть» (с превербами и самостоятельно) широко представлен во многих языках иранской группы: **сов. перс.** *kandan*, **пехл.** *kantan*, **курд.** *kenan, kendin*, **афг.** *kandel*, **пам. м.** *kan-: ked*, **пам. и.** *ken-: ked*, **пам. ишк.** *kan-: kund*, **пам. сгл.** *kan-: kond*, **пам. ш.** *čān-: čīnt*, **ягн.** *kan-: kanta*, **согд.** **kan- (kn-: knt-)*, **ав.** *kan-*, **др.-перс.** *kan-* «копать». [4, 278]; [5, 208, 210]; [6, 378, 383, 386].

В современном осетинском языке древнеиранский глагол **kan-* «копать», «хоронить», «рыть», «пахать» вышел из свободного употребления. Это привело к распаду некогда единого, широкого корневого гнезда, производные которого, с закономерными изменениями, мы находим в современном осетинском языке.

Очевидно, что глагол **kan-* в недалеком прошлом осетинского языка был общепринятым, пока не был вытеснен современным глаголом *къахын* «копать», образованного от *къах* «нога».

В осетинском языке семантико-словообразовательная основа **kan-* содержит производные слова, в числе которых можно выделить: глаголы с превербами: *ныгæнын* «закапывать», «зарывать», «погребать», «хоронить» – восходит к праиран. **ni-kan-*. С превербом *ni-* представлен и в других иранских языках: **пам. и.** *ni-kana* «копать», **хорезм.** *nkn-* (**ni-kan-*) «погребать», **пехл.** *ni-kantan* «зарывать», «погребать», «хоронить», **ав.** *ni-kan-* «закапывать», **др.-перс.** *ni-kan-* «уничтожать», «губить». осет. *æвгæнын* «насыпать», «нагружать», «наливать», «черпать» – сращение ныне мертвого преверба *æv-* (др.-иран. **abi-*) с основой *kæn-*. Ср. **перс.** *afgandan, avgandan* «бросать», «валить», «наполнять», *āgandan* «наполнять», *parāgandan* «рассыпать», **согд.** *kan- (kn)* «копать», **др.-перс.** *avākanam* «я погрузил». Диалектный осет. глагол *рæггæнун* «сыпать, насыпать» (например, пищу солью, перцем), который в иронском диалекте соответствует глаголу *зæгун* – восходит к праиран. **fra-kan-* и включает распространенную иранскую основу **kan-* «копать», «насыпать», «накидывать», «нагружать». От глагола **kan-* в осетинском языке с помощью старых глагольных превербов также образованы существительные: *ныккæнд* «подвал», «погреб», «подземелье», «землянка» – восходит к **ni-kanta-* от **kan-* «копать»; ср. **ав.** *ni-kanta-*, а также **перс.** *kanda* «вырытое», «ров».

Благодаря авторитетным словарям, также легко объясняется

принадлежность к данному гнезду слова *хæндыг* «сосуд с рассолом для хранения сыра», претерпевшее фонетические и семантические преобразования, вследствие этого утратившее смысловую общность с производящей основой. Однако, обращение к этимологическим и историческим словарям дает возможность восстановить родственную связь с ЭГ **kan-*. Внутреннюю форму, то есть признак, положенный в основу номинации данного слова, можно объяснить его функциями и качествами: изначально *kanduk* – это яма в земле, которую копали в древности для хранения продуктов. Это архаическое значение отчасти сохранилось и в современном осетинском языке в слове *хæндыг* – «сосуд с рассолом для хранения сыра». Как видим, обращение к этимологическим и историческим словарям дает возможность восстановить родственную связь с ЭГ **kan-*.

Осетинское *хæндыг* неотделимо от персидского *kandu*, *kanduk*, пехл. *kanduk* «большой глиняный сосуд для хранения зерна»; афг. *kandu* «ларь, заком, хранилище» [6, Т. IV, 173]. Таким образом, слово *хæндыг* является одним из оригинальных компонентов группы деэтимологизированных лексем.

Æккой «ношение груза на спине» – вероятно, восходит к *æm-køj* (ср. æккуырсын из æм-куырсын). В. И. Абаев пишет, что «конечное -oj в иронском, которому в дигорском соответствует обычно -ojnæ, восходит закономерно к -ānu; таким образом, *æm-køj* восстанавливается в **ham-kānu*», вторая часть заключает основу *kan-* «грузить». Морфологически *ækkoj* относится к *ævgæd* «нагруженный» (прош. причастие от *ævgænyn*), как *fælløj* «труд» к *fællad* «усталый», *æncøj* «покой» к *æncad* «тихий» и т. п. Таким образом, данную лексему справедливо можно отнести к ЭГ **kan-* [7, 125].

В процессе подборки компонентов данного ЭГ в словарях осетинского языка внимание привлекла лексема *кæнд/кæндæ* «большие поминки», очень близкая по звуковому и по смысловому облику к анализируемой глагольной основе **kan-*. Мы задались целью – установить связь между иранским глаголом **kan-* и осетинским *кæнд* (æ). В действительности, и звуковая близость, и идентичность значения подводят к мысли, что такая связь должна была существовать.

Обычное название для *поминок* в осетинском языке – *хист*. Но в фольклоре и в литературе мы встречаем другое слово – *кæнд*, то есть *афæдзы кæндтæ* – это общее название тех ритуальных мероприятий, которые у осетин связаны с похоронами умершего в тече-

ние года. Слово трактуется в словарях как лексикализованное причастие от глагола *кæнын* «делать», букв. «дело» [7, 579.]

На наш взгляд, следует попытаться объяснить *кæнд* «поминки» в связи с древним глаголом **kan-* «копать, хоронить, пахать, рыть» и предложить более благополучную в семантическом отношении этимологию этого слова, тем самым отличить его от глагола *кæн-ын* «делать». Последний, в свою очередь, восходит к **kɾn-*, и лишь из-за омонимичности форм, совпавших у двух глаголов на современном этапе развития языка, *кæнд* ошибочно возводится к глаголу *кæнын* «делать», с которым сближается, скорее всего, только со звуковой стороны, но с семантической кажется неудовлетворительной: в осетинском языке традиционно слово *кæнд* дает название только погребальным, похоронным мероприятиям (ср. рус. *похороны*). Между тем у осетин достаточно популярны и другие массовые мероприятия, однако слово *кæнд* традиционно на них не распространяется. По этой причине можно решить, что *кæнд* является производным от древнеиранского глагола **kan-* «хоронить», «копать», «рыть», и именно поэтому термин справедливо применим только к погребальной обрядности, т. е. *кæнд* сохраняет свою изначальную семантику. Наконец, такую же этимологию осетинского термина *кæнд* поддерживает и Э. Бенвенист. Он пишет: «Большой праздник в честь покойников (*кæнд*) называется *хъæугæнд* (*хъæуы кæнд* – прим. авт.) «кенд села», *афæдзы кæнд* «кенд года» (отмечается через год после смерти) – должно это значит «похороны» (**kanta-* «яма», ср. авест. *ava-kanta-* «яма» и осет. *ны-гæнын* «хоронить»). Похороны проходят торжественно; боязнь околдования вызывает *фыд кæнд* «дурной кæнд», как *фыд райсом* «дурное утро», *фыд изæр* «дурной вечер», *фыд æхсæв* «дурная ночь». Все они (утро, вечер, ночь) следуют после погребения» [8, 149].

Аналогичный процесс можно наблюдать в происхождении лексемы *конд* в значении «вспаханный», сохранившийся в осетинском только в словосочетании *конд хуым* «пашня»; ср. посл. *конд хуымы урс бæх не ссардзæнис* «во вспаханном поле белую лошадь не найдёт». Вероятнее всего, образовалась от причастия прошедшего времени древнеиранского глагола **kan-* «копать, рыть, хоронить». Широко представлено в иранских языках в том же значении [5, 208, 210; 6, 383, 378]. В осетинском языке был вытеснен современным глаголом синонимичной природы *къахын/къахт*. Этот же корень распознается во второй части сложных слов *фæззыгæнд*, образо-

ванное от старого словосочетания *фæззы кæнд*, узуальное *фæз-зæджы къахт*, букв. «осенняя вспашка»; *раггæнд* «ранняя вспашка»; *хуымгæнд* «пашня, пахота, запашка, посев».

Перед нами уникальные архаические слова, утратившие мотивационную связь с производящей основой. На наш взгляд, никакой семантической связи не имеют с современным глаголом *кæнын* «делать» (восходит к **karn-*), к которому они ошибочно возводятся в связи с выходом в осетинском языке общеиранского глагола **kan-* «копать, рыть, хоронить, пахать» из свободного употребления. Тем более, что позиция надежно подкрепляется мнением Э. Бенвениста, пишущего, что «начальный корень **kan-* не существует в осетинском, по-видимому, он вытеснен *кæн-* «делать»» [8, 127].

Такое смешение значений можно объяснить тем, что в процессе архаизации в языке происходят семантические и этимологические изменения – первичное значение слова затемняется, и язык восстанавливает утраченное методами народной этимологии. Именно с этой позиции и нужно рассматривать проблему происхождения данных слов.

Таким образом, можно считать, что лексемы (*марды*) *кæнд*, букв. «погребение покойника», и (*конд*) *хуым*, букв. «вспаханное поле» вполне могут представлять беспрeverбные формы глагола **kan-*. Мнение В.И. Абаева по этому поводу лишь подтверждает наши догадки – «в старых сращениях геминация не имела места: *пугæнун*, *пугајун* и др. Стало быть, глагол **kan-* «копать», «сыпать» и пр., который теперь известен только в сращении с превербами (*ныгæнын*, *æвгæнын*, *рæгæнун*), еще недавно употреблялся и без них» [9, 198].

К группе деэтимологизированных лексем данного ЭГ с высокой долей вероятности следует отнести такие лексемы, как *конд* (*хуым*) «вспаханный, вскопанный»; (*марды*) *кæнд* «большие поминки», букв. «погребение мертвого», которые стоят в очевидной семантической связи с рассматриваемым древнеиранским глаголом **kan-*, поскольку «копать, хоронить, рыть» больше покрывает семантику и внутреннюю форму данных лексем.

Данную этимологию следует считать предположительной. В дальнейшем мы продолжим поиски более надежных признаков генетического родства данных лексем с древнеиранским глаголом **kan-*. На современном этапе развития языка эти лексемы не являются родственными, и лишь этимологическая реконструкция дает возможность восстановить утраченное историческое родство между ними.

На месте рассматриваемого корневого гнезда в современном осетинском образовались самостоятельные словообразовательные гнезда с вершинами, например: *æвгæнын//бавгæнын, сывгæнын, нывгæнын æрæвгæнын, æрбавгæнын, февгæнын, æвгæд, æвгæнæн, æвгæнинаг, æравгæнын, æнæвгæд, æрдæгæвгæд* и др.; *ныгæнын//ныгæнинаг, баныгæнын, æрныгæнын, фæныгæнын, нынныгæнын, æрбаныгæнын, æнæныгæд, æрдæгныгæд* и др.

Итак, выбор данного ЭГ в качестве объекта исследования обусловлен следующими его особенностями: 1) корень **kan-*, формирующий данное ЭГ, относится к древнейшему пласту лексики и имеет праиранское происхождение; 2) для истории осетинского языка представляет интерес семантическая эволюция этого лексического гнезда, обусловившее выделение на его базе ряда самостоятельных СГ на фоне полного разрыва их былых генетических и семантических связей; 3) реконструкция данного ЭГ дает возможность установить более удачную этимологию слов *кæнд* и *конд* в осетинском языке.

Следовательно, с учетом всех изменений, которые происходят в гнезде на протяжении всей истории его развития (утрата лексических единиц в процессе архаизации) лексическое гнездо становится гнездом этимологическим (историческим). Таким образом, слова, утратившие смысловую связь, образуют разные словообразовательные гнезда, но представляют генетическое единство.

1. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Т. 1. Словообразовательные гнезда. М.: Русский язык, 1985.

2. Осетинско-русский словарь // Составители: Б. Б. Бигулаев, Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н. Орджоникидзе, 1970.

3. Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969.

4. Клевцова С. Д. Русско-персидский словарь. М.: Русский язык, 1984.

5. Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. М., 1959.

6. Андреева М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. М.-Л., 1957.

7. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.

8. Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.

9. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II.

Аидæ Къутæрты,
ЦИПУ фыццагæм курсы магистр
(г. Дзæуджыхъæу)

УДВАРНЫ ÆМБАРЫНÆДТÆ БРЫТЪИАТЫ ЕЛБЫЗДЫХЪОЙЫ СФÆЛДЫСТАДЫ

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. БРИТАЕВА

В статье рассматриваются концепты и основные устойчивые сочетания в произведениях Елбыздыко Бритаева, на примере которых раскрывается духовная культура народа, его морально-нравственное состояние, устанавливается связь языка и культуры. Выявляются используемые автором лексико-стилистические средства. Особое внимание уделяется новизне и богатству языка в произведениях драматурга.

Ключевые слова: осетинская литература, Е. Бритаев, лексико-стилистические средства, концепт, драматургия.

The article considers the concepts and the main stable combinations in the plays by Elbyzydyko Britaev. The spiritual culture of the people, its moral and moral state is revealed, the connection between language and culture is established by these forces. Lexical and stylistic means indicating the relevance of this topic are identified. Special attention is paid to the novelty and richness of the language in the plays by the author. All of the above is fixed in the consciousness of society and represents the linguistic picture of the world of the people.

Keywords: Ossetic literature, Elbyzydyko Britaev, lexical and stylistic means, concept, drama.

Елбыздыхъо «ирон дзырдаивад систа дунеон литературæйы æмвæзадмæ, райхæлдта стыр проблемæтæ, нывæфтыд кодта зынгæ цаутæ, арæзта ирд фæлгонцтæ, рухсмæ хаста йæ заманы прогрессивон идейæтæ. Йæ куыст уыди «сфæлдыстадон сгуыхт» [1, 280].

Елбыздыхъойы уацмысты æргомæй æвдыст æрцыдис ирон адæймаджы менталитет. Йæ алы дзырд æмæ фæлгонцы дæр ссарæн ис ирон хъуыдыкæнынад, дунеуынынад æмæ культурæимæ баст бæрæггæнæнтæ. Хицæн нысан у сæ раргом кæнын æмæ бамбарын кæнын.

Дзырды хъуыды фылдæр у йæ лексикон нысаниуæгæй. Уымæ гæсгæ йæм кæсын хъæуы уæрæх након цæстæнгасæй. Дзырды

æххæст хъусынгæнинаг райхалынаг фæзынди ног наукон æмбарынад – «концепт». Концепт у, фенæн кæмæн нæй, ахæм æвзаджи категори, фæлæ дзы æвæрд ис бæлвырд хъуыды. «Концепт у ахæм категори, кæцы æвæрд у хъуыдæджы, райсæн дзы ис зонындзинад хицæн адæймæгты кæнæ æппæт адæмы дунеуынынад, культурæ, профессионалон, историон æмæ социалон фæлтæрддзинад æмæ æндæрты тыххæй» [2, 29]. Мах равзæрдзыстæм, Елбыздыхъо цы концепттæй пайда кæны, уыдон. Сæ фæрцы нæм фæзындзæн зонындзинад, ирон лæг хъуамæ цавæр домæнтæн дзуапп дæтта, ахъуыды кæна йæ национ цæсгом куыд хъахъхъæнгæ у, ууыл.

Удварн стыр æмбарынад у. Нæй йын фенæн, фæлæ йæ ис базонæн æмæ бамбарæн адæмы царды уавæртæм гæсгæ. Нæ фыдæлтæ уæлдай стыр аргъ кодтой удварнæн, сæ монон культурæйæн, уыдон уыдысты се 'гъдæутты ратæдзæн. Уыдон Елбыздыхъойы уацмысты сты бирæ хæйттæй арæзт. Уацмысы архайджыты ахастытæ кæрæдзимæ, сæ митæй уæлдай, æвдисы сæ ныхас. Удварны нормæ æмæ этикетон нормæ баст кæй сты, уый уынæм æргомæй.

Брытъиаты Елбыздыхъо сарæзта зæрдылдаргæ литературон фæлгонцтæ, ирдæй равдыста этикон, цардыуагон домæнтæ. Уацмысы архайджытæн се 'взаг у ирд, хуызджын, аргъгæнæн-æнкъарæнджын, экспрессивон. Уый ууыл дзурæг у, æмæ, уацмысты цы цаутæ ис, уыдон вазыгджын кæй сты. Драматург кæддæры ирон цард æвдисы, фæлæ уыцы царды æууæлтæ æнгом баст сты абоны Ирыстоны удварны домæнтимæ. Брытъиаты Елбыздыхъойы аивадон фæлгонцтæ нырыккон царды сты актуалон. Кæд не сты, уæд та уымæн, æмæ сыл рæзгæ фæлтæр нæ ахуыр кæнынц. Æмткæй райсгæйæ, уыдон иууылдæр бæрæг кæны бæлвырд концептты мидис.

Термин «концепт» ма æвзагзонынады бæрæг кæнынц куыд «содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека, закрепленное в общественном опыте народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и – через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями, ближайшие с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» [3, 76]. Концептты фæрцы ныффидар сты, нæ алыварс дунейы тыххæй цы зонындзинæдтæ ис, уыдон.

Концепт у когнитивон лингвистикæйы бындурон термин. Лингвокультурон æмбарынадмæ гæсгæ термин «концепт»-мæ ис ахæссæн

«лексемы, значения которых составляют содержание национально-го языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей языка» [3, 5]. Зæгъæн ис уый, æмæ концепты лингвокультурон æмбарынадтæ сты бирæ. Йæ сæйраг бæрæггæнæнтæ сты: структурон-семантикон, социологон, дискуссион. Фæлæ ма сæм уыдонæй уæлдай Д.С. Лихачев бафтыдта ахæм къордтæ: универсальные («смерть», «жизнь»); этнические («отчизна», «интеллигенция»); групповые («сцена» для актера и зрителя); индивидуальные (они полностью зависят от личного опыта, системы ценностей, культурного уровня конкретного человека) [4, 57].

Елбыздыхъойы уацмысты агурæм, иу нæ чи кæны, ахæм удварнон æмбарынадтæ æмæ сæ ссарæм, æнцой сыл кæнæм.

Лингвокультурон раиртæст фадат дæтты раргом кæнын, царды-уагон проблемæтæ, æмæ цавæр удварны æмбарынадтæй пайда кодта, уый.

Брытъиаты Елбыздыхъойы уацмысты архайджыты ахастытæ кæрæдзимæ, сæ митæй уæлдай, æвдисы сæ ныхас. Уыцы ныхас нын фадат дæтты сæ архайды æмрæнхъ, бæлвырддæр базонын æмæ раргом кæнын архайджыты менталитет, сæ удварны æмæ этикетон нормæтæ. Пьесæ «Худинаджы бæсты – мæлæт»-ы уыцы нормæтæ ирдæй зынынц Дада, Ахмæт, Хъæвдын æмæ иннæты ныхасы. Сæйраг архайæг Ахмæт, йæ фыд, йе 'фсымæр сты ирон адæмы царды фæткæвæрд халын чи нæ уадзы, уыдонæй. Хъæвдын у абырæг. Ахмæтимæ иу уавæрты схъомыл сты, иу æгъдаумæ гæсгæ æрвыстой сæ цард, фæлæ ныртæккæ лæууынц алыхуызон социалон æмæ удварнон къæпхæнтыл. Сæ йæ цардæмбарынады тыххæй базонæн ис концептты мидис райхалгæйæ.

Ирон бинонты 'хсæн хистæр алкæддæр уыди уынаффæгæнæг. Хистæр цы зæгъа, уый хъуамæ æнæмæнгæй афоныл конд æрцæуа. Ахæм домæнтыл хæст у Дада дæр. Ирон нæлгоймаг хъуамæ æгъдау ма рох кæна, йæхи ирон æгъдаумæ гæсгæ куыд æмбæлы, афтæ дара. Уымæ гæсгæ мæстийæ фæрсы æгъдаухалджыты тыххæй: *«Æмæ сын æнæ мæ рудзынджы цур æхсгæ нæй? Сæ кæрæдзийы амардтой, цафоны гæрæхтæ сты? Худинаг нæу? Иу та ма дзы æфсарм куы хуыйны. Цæй æнæгъдау систут. Йе уын хистæр куы нæуал ис, йе кæстæр»*.

Æрмæст йæхи лæппу Ахмæт нæ, фæлæ ма дзы Хъырым дæр цыма æфсармы кæны, *йе уоны дзы мигъ бады* (Ахмæты бæсты мæм йæ фыд куы не' рбацæуид. Хуыцау бахизæд! Фыдлæг æй хонынц).

Концепт у дзырдбаст «хæдзары æгъдау» дæр. Уацмысы уынæм ирон хæдзары æвæрд æгъдау. Хæдзары æгъдау та-иу чи фехæлдта, уый йæхи дæр æмæ ма йæ бинонты дæр æфтауы æгас адæмы цæсты. Уый баст у хистæры нымайыны æгъдауимæ дæр. Хъырым дæр цыма йæ зæрдыл дары уыцы æгъдæуттæй иу: йæ сусæгæй бацыд Дадайы хæдзармæ раст кæй нæу. *Афон кæй нæу хæдзармæ бадзурын, уый зонын. –...Хъырым дæр фæдта æгъдæуттæ.*

Пьесæйы дзырд цæуы адæймаджы намыс æмæ кадыл. Дыууæ хæлары кæрæдзимæ фæсты, сæ ныхас кæрæдзиуыл нал бадт. Ферох сæ ис, хæс æмæ намыс цы сты, уый. Драматург хурмæ хæссы йæ архайджыты, кæм хъæуы, уым хъæугæ хатдзæгтæ кæны. «Худинаджы бæсты – мæлæт»-ы драматург æвæры, индивидуализмы фæндагыл чи нылæууыд, уыдон.

Драматург спайда кодта алыхуызон æвзагон мæдзæлттæй æмæ ирон удварнимæ баст концепттæй, цæмæй раргом кæна уацмысты мидис. Йæ уацмысты удварны æмбарындæтты фæрцы равдыста ирон адæмы цардыуаг. Драматург кæддæры ирон цард æвдисы, фæлæ уыцы царды æууæлтæ æнгом баст сты абоны Ирыстоны удварны домæнтимæ. Елбыздыхъойы уацмысты агурæм, иу нæ чи кæны, ахæм удварнон æмбарындæтæ æмæ сæ ссарæм, æнцой сыл кæнæм.

Уæдæ ма æркæсæм драматургы удварны æмбарындæтты æвзагон арæзмæ дæр. Зæгъæм, комеди «Уæрæседзау»-ы цы удварны фæрстытæ æвæрд сты, уымæ.

Сæрмагонд бынат ис комедийы уырыссаг лæг Микъиттæн. Фæлæ уарзы аназын, æмæ йæ митæ дæр худæджы хос свæййынц. Микъитт у уырыссаг, хорз зоны барин æмæ лакейы ахастытæ æмæ уайтагъд раргом кæны Муссæйы фæлитой митæ æмæ ныхæстæ. Микъитт цæры ирон адæмы 'хсæн, йæхи фаг базыдта ирон æвзаг. Фыссæг ныхæй-ныхмæ æвæры Муссæ æмæ Микъитты зондахаст. Муссæ базыдта цалдæр уырыссаг дзырды, фæлæ уырыссаг культурæмæ нæ фæхæстæг, ирон æгъдæуттæ, этикетон домæнтæ дæр ын æцæгæлон систы.

Микъитт йæ адæймагон миниуджытæ нæ фесæфта. Йæхицæн зондæн райста æндæр адæмы цардыуаг дæр. Афтамæй, уый Муссæйæ уæлдæр лæууы йæ социалон уавæрæй дæр, йæ зондæй дæр. Елбыздыхъо дзæгъæлы нæ дæтты Микъитты ныхас. Муссæ нал зоны йе «взаг, æппæлы йæхицæй йе «мгæртты раз, хъæуа-нæ хъæуа фæзæгъы уырыссаг ныхæстæ, йе «мхъæукæгтæ не 'мбарынц:

Муссæ. Молчи, иди домой, сакли спи надо!.. Стæут, базалыстæн, æз ын йæ мордæ фæнæмон. Ахæмты мордæтæ æз бирæ ранадтон. Банцай! Слусæй! Ацы ныхæстæ сты тызмæг, æвдисынц Муссæйы ахаст Микъитмæ. Тæрсы, йæ мæнг æмæ хиппæлой ныхæстæ куы рахъæр уой, уымæй. Зæгъæм, дзырд «подавайт» æмбæлы Муссæйы æмæ Микъитты репликаеты: Муссæ....мæ палто дæр ма йæм подавайт фæкæнын. Микъитт. Арак мæнæн подавайт, Нана!

Цæмæй раргом уа сайд, уый тыххæй Елбыздыхъо райста ацы дзырд. Цырыхъхъытæй зæгъы *раласын*, ома йын уый зæгъын нæ фæхъæуы, йæхæдæг æй зоны. Фæлæ *палто* цæмæй æрбадæдта, уый тыххæй хъæуы зæгъын *подавай*, æмæ йæ Муссæ, куыд бахъуыды кодта, йæ зонды мидæг куыд ныффидар, афтæ зæгъы. Афтæмæй дзырд *подавайт* æргом кæны лæппуты социалон къæпхæн, æвдисы йын йæ зондахаст.

Микъитт, Хæтæхцыхъоимæ ныхасгæнгæйæ, йæхицæй æнæмбаргæ саразы: *хабæрттæ* – *хæррæгътæ*, *байхъус* – *байгус*, *банцай* (*ныхъхъус*) – *банцайдтон* (*къулыл*). Микъитт хорз æмбары ныхæстæ, барæй сæ иннæрдæм кæны. Ахæм фæрæзæй Елбыздыхъо спайда кодта «Дыууæ хойы» – йы дæр Касалы-фырт – кæсаджы фырт. Фæлæ ацы дæнцæгты ис хицæндзинæдтæ. Фыццаджы пайдагонд цæуы Муссæйы уавæр, йæ уды, царды æгуыдзæгдзинад равдисынаен. Микъитт хынджылæг кæны Муссæйæ. Уацмысы та сырæзы дзырдон фæлгонц, æргом кæны Касалы-фырты миддуне. Виноградов В.В. фыста: поэтикон дзырды фæрцы чиныгкæсæг свæййы фыссæг дæр, уымæн æмæ архайы фæлгонц аразыныл. Уый та æнæмæнг домæн аивадон дзырдæн.

«Уæрæседзау»-ы архайджыты удыхъæд, сæ миддуне, сæ цæстæнгас, архайдæй уæлдай ирдæй амоны сæ ныхас, иугай дзырдтæй дæр. Ахæм иу дзырд у «Уæрæседзау»-ы *æрбасирдта*. Дзырд йæхæдæг у нейтралон, фæлæ пьесæйы мидæг ын ис йæхи стилистикон ахуырст: *сырын* нысан кæны кафты хуыз; стæй ма фæзæгъынц бæхæй – «идти иноходью» [5, 348]. Иу нысаниуæг дæр дзы нæу лæджы тыххæй. Сиргæ фæкæны чызг кафгæйæ, Куы нæ фæарæхсы, уæд ын вæййы аипп.

Ацы дæнцæгты «сырын»-æн ис йæхи бæлвырд лексикон нысаниуæг, нæу стилистикон æгъдауæй ахуырст. Фæлæ пьесæйы та Елбыздыхъо Муссæйы цыд у сырын – *æрбасирдта*. Афтæмæй ацы дзырд райсы стилистикон фæлгъуыз. Ам автор æвдисы хъайтары кæнгæ митæ, ирон лæгыл чи нæ фидауы, ахæмтæ.

Брытъиаты Елбыздыхъо йæ уацмысты æргом кæны æхсæнадон хъуыддæгтæ, ирон царды характерон фæзындтæ, æвæры «рæстæджы риссаг фарстатæ». Драматург нын æвдисы, Уæрæсейы феодалон-капиталистон æхсæнады адæймаджы удыхъæд куыд хæлд, уыцы процессы фæстиуæг.

Куыд æнæрвæссон цæстæй кæсы Муссæ ирон æгъдаумæ, куыд былысчылтæ йыл кæны! Куыд æнцонæй атыдта йæхи йæ райгуыраен Ирæй! Йæ ныхæстæ бæрæг кæнынц цы мæгуыр удыхъæды хичау у, уый: *Муссæ. Наплеват на ваш æгъдау...*

Муссæ фондз азы фæцарди Уæрæсейы фæсдзæуинæй. Уымæ гæсгæ уырыссаг æвзагæй базыдта ахæм дзырдтæ: *базалыстæн, франт, подавайт, мордæ, слусæ, молчат, дрихни, не бурчи, бери æмæ æндæр ахæмтæ.*

Барысбийы ныхæстæ та æвдисынц адæмы цæстæнгас Муссæйы хуызæттæм: *...Йæ сæр сæрмæ чи хæссы, уый нæ ратдзæн йæ зæрдæ чъизи куыстмæ – искæй чъизи хафынмæ. Куыст кæмдæриддæр куыст у, æмæ йын аргъ ис. Махмæ сыгъдæг зæххы куыстæй хуыздæр та цы ис.* Барысби схъомыл æмæ цæры ирон адæмы астæу, мæгуыр зæхкусæг у. Уарзы йæ райгуыраен къуым, кæцы хæссы зæрдæйæн æнцой æмæ цин. Елбыздыхъо Барысбийы ныхмæвæрд скæны Муссæимæ. Барысбийы у æцæг ирон лæг. Уымæ худинаг нæ кæсы зæххы куыст кæнын, хоны йæ сыгъдæг. Зæгъы: «...нæ ратдзæн йæ зæрдæ». Йæ зонд нæ, йæ къухтæ нæ, фæлæ бæлвырдæй «йæ зæрдæ». Ацы дзырды фæрцы бамбарæм, цавæр адæймаг у Барысби.

Бирæ автортæ фыстой уарзондзинады тыххæй. Уарзондзинад зонæм, куыд мад æмæ хъæбулы 'хсæн, æмбæлтты 'хсæн, æрыгон удты 'хсæн æмæ аф.д. Фæлæ йæ, фыццаджыдæр, бæттæм æнæкæрон æнусимæ. Дзырды этимологи амоны, зæгъгæ, уарзты æнкъарæн у, кæлæнгæнæг тых кæмæн ис, адæймаджы царды бындур кæмæй рæзы, ахæм тыхджын удварнон æмбарынад. Зæгъæм, уырыссаг адæмæн се 'взагон дунейы нывы амонынц ахæм сæйраг концепттæ: *совесть, душа, любовь, вера, родина, интеллигентность* æ. æнд [6, 155]. Бæлвырдæй зыны, уарзондзинады темæ актуалон у алы адæмыхæттыты дуне æмбарынады. Дзырд «уарзт» равзæрди мивдисæг «уарзын»-æй. Абайты Васо дзырд «Warzon»-ы нысаниуæг æмбарын кæны афтæ: любимый, милый, любовный; любовь [5, 234]. Уарзондзинады темæ раргом кодта Елбыздыхъо дæр.

Мидисджын æмæ цымыдисаг æвзагæй фыст æрцыдысты Пупæ æмæ Асийаты æмахастытæ. Дыууæ уды 'хсæн цы æнкъарæнтæ гуы-

ры, уыдон ирдæй æвдыст æрцыдысты пьесæйы: Пупæ. Гъемæ Пупæ Айсаты фенынмæ æрбацыд. Уый тыххæй, æмæ Пупæ Айсаты куы нæ уыны, уæд ын хур талынг у, уæд ын улæфын зын у, уæд ын цард ад нæ кæны æмæ ацы мæнг дунейыл йæхи уæлдай хоны. Пупæ. (уиварс алаууыд). Сдзæггæл дæн æнæ дæу, ницæмæн уал бæззын. Фæцух стæм кæрæдзийæ, уый цы бон базонон, дыккагмæ мын цæрæн нæй.

Концепт «уарзт»-ы æууæлтæ ирдæй æвдыст æрцыдысты фæлгонцджын эпитеттæй, фразеологизмтæй æмæ æндæр аивгæнæн-стилистикон мадзæлттæй: Пупæ. Кæдæм цон? Фæстæмæ æви размæ? Æгомæ кæдзæх, дым ме «вдисæн, дæуæн зæгъын мæ ныхас... Цы ракæнон, мæ хуры хай, Асйат, цы кæнон, кæд дæм афонмæ бирæгъты ныхтæ бахæццæ сты... Пупæ. Æвæццæгæн, дзæггæлы мæн ных æр-батардтон, ам æз зæрдæдарæн никæмæн дæн, мæ хуры хай мæнæн нæ рухс кæны! Асйат. Базыдтой йæ... м «арт бауазал, базыдтой йæ! Асйат. (уунаггæй) Мæ бындур йæ бынæй куы ныззылд! Æнхæлдæн æмæ та мæ алыварс цыдæр фыдбылыз рæзы. Чи ахæцдзæн мæ фарс? Мæтæй мæ амарæд... Кæд мæ ферох кодта? (Хæлдзæггæй). Уæд мыл хур нал кæсид, æм дуне иннæрдæм афæлдæхид. Ацы ныхæсты ирдæй зынынц мæгуыр чызджы сагъæстæ.

Елбыздыхъойы æвзаг у нывфтыд алыхуызон стилистикон мадзæлттæй. Дзырд та драматургы къухы сси хорз фæрæз пьесæйы иумæйаг хъуыды равдисынæн. Экспрессион дзырдтæй пайдагæнгæйæ, Елбыздыхъо равдисы йæ хъайтарты æцæг хъуыдытæ, сæ тыхст, сæ маст, сæ цин, сæ æппæт æнкъарæнтæ. Равдисы дзырды руаджы æцæг æмæ мæнг адæймаджы, равдисы æхсæнадон ахаст сылгоймагмæ, йæ цард, йæ æмбарындзинад. Йæ драмæты удварны æмбарынаедты æвзагон арæзт куыд хъæздыг у, уымæн та нын æвдисæн йæ æнæмæлгæ литературон æмæ драмон сфæлдыстад.

Драматург йæ уацмысты раггом кодта йæ архайджыты удыхæд æмæ зондахаст. Уый бамбарын кодта, ирон удварн цавæр æвзагон мадзæлттæй æвдыст æрцыд, уый. Йæ уыцмысты равдыста ирон адæмы цæсгом, се 'гъдау, сæ удыхæд æмæ сæ цæстæнгас цардмæ. Автор йæ уацмысты спайда кодта концепттæй æмæ алыхуызон æвзагон мадзæлттæй. Архайджыты æмахастытæ раггом кодта æмбисæндтæй, фразеологизмтæй æмæ эпитеттæй.

Уый фæдыл цас хъæздыгдæр у авторы æвзаг, уыйас цымыдисагдæр у чыныгкæсæджы цæстæнгас йæ литературон сфæлдыстадмæ. Афтæ, дзырды фæлгонцæй арæхсджынæй пайда гæнгæйæ, Елбыздыхъо сарæзта «худæг нывæй» судзгæ æхсæнадон ныв. Йæ

алы уацмысы дæр ирдæй равдыста æхсæнадон быцæутæ, йæ кæцыдæр архайджыты цавæрдæр æнæсæрфат миты фæстиуджытæ. Зæгъæн ис, аивадон дзырд свæййы тыхджын хæцæнгарз дæсны фыссæджы къухы. Елбыздыхъо йæ æвзагон фæрæзты фæрцы ирдæй равдыста йæ хъуыдытæ. Драмæйы мидæг дзырд æххæст кæны канд хъусынгæнинаджы функци нæ, фæлæ ма архайдзы функци дæр. Елбыздыхъойы пьесæтæ ахуырст сты бирæ дзырдон фæлгонцтæй, стилистикон мадзæлттæй. Драматургы уацмысты фылдæр дзырдтæ, фразеологизмæ сты æппæрццæгаргъæнæн, ист сты æрвылбоны дзургæ ныхасæй. Æвдисынц хъыг, маст, дызæрдгызинад, фæсмон, тас, кæмдæр сты фидисы ныхæстæ кæнæ хъæлдзæг дзырдæппарæн æмæ афтæмæй алывæрсыгæй ныв кæнынц архайджыты сурæттæ.

Экспрессивон дзырдты фæрцы драматург равдыста геройты æцæг миниуджытæ, сæ хъуыдытæ. Уымæй уæлдай автор равдыста æхсæнадон хъæндзинæдтæ, сылгоймаг æмæ нæлгоймаджы, мад æмæ хъæбулы ахастытæ. Йæ драмæты фæрцы уынæм ног фæлтæры рæст. Ныридæгæн уыцы фарстатæ сты актуалон.

Елбыздыхъо спайда кодта йæ драмæты дзырдæн йæ алы миниуæгæй дæр. Пьесæ «Дыууæ хойы» уынæм, куыд арæхсджынай бакуыста драматург дзырдæн фæлгонц аразгæйæ. Автор ацы уацмысы йæ хъуыды равдыста алывæрсыгæй: æргом кæны хъайтарты социалон уавæр: *(æнæконд ныхтæ, æрттивгæ цырыхъхъджын)*, сæ уды сконд *(цъыфдзаст хæфс, аргъауы чызг, бирæгътæ)*, адæмы цæстæнгас æмæ ахаст хицæн адæймæгтæм *(фаджыс, дæсны, хъал, хорз æфсымæртæ)*, ирон æгъдæуттæ *(тæрхон, куыдзæппарæн был)*.

Елбыздыхъойы æвзаг сси хорз фæрæз пьесæй иумæйаг хъуыды равдисынæн. Хансйат æмæ Касалы -фырты фæлгонцты ныхмæвæрдзинад, Асйаты æмæ Пупæйы уарзондзинад, Мусоны мæнг зæрдæ, Агуыбечыр, Буцæ æмæ Тæтæрхъаны фæлитой митæ, се 'ппæт ацы хъуыддæгтæ базонам дзырды «куысты» руаджы.

«Дыууæ хойы» у архайдæй хъæздыг пьесæ. Архайдæн, змæлдæн сæ фылдæр хай махæн зындгонд цæуынц хъайтарты ныхæсты фæрцы. Брытъиаты Елбыздыхъо ацы пьесæйæ саив кодта алыхуызæн æвзагон фæрæзтæй. Фæлæ ма дзы уыдонæй уæлдай æргом кæны йæ архайджыты цымыдисаг цæстæнгас цардмæ. Цы рæнхъытæ дзы ис, уыдон чиныгкæсæджы зæрдæ сæнкъуысын кæнынц, цавæрдæр хъуыдытыл æй бафтауынц. Зæгъæм, Хъылцыхъо æмæ Пупæйы

ныхæстæ канд Асйат æмæ Хансйаты зæрдæтæ нæ фæйлауынц, фæлæ ма чиныгкæсджыты зæрдæтæ дæр.

1. Джыккайты Шамил. Разагъды лæгтæ: Сфæлдыстадон сурæттæ: Арсен. Елбыздыхъ. Цомахъ. Гино. Гаппо. Дзæуджыхъæу: Ир, 1999. 389 ф.

2. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.

3. Бабенко Л.Г., Васильев Е.И., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.

4. Лихачев Д.С. Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. М.: Наука, 1991. 204 с.

5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка; Ин-т языкознания. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, Ленинградское отделение, I-IVтт. 1958, (654 с.), 1973 (448 с.), 1979 (359 с.), 1989 (326 с.).

6. Мамиаты Изетæ. Дзырддзæуæны: Автор æмæ хъайтары æмдзæдис: Монографи. Дзæуджыхъæу: Ир, 2008. 200 ф.

VII. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

О.А. Дерендяева,
младший научный сотрудник
ФГБУ Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам
гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России,
федеральный центр науки и высоких технологий
(г. Москва)

СРАВНЕНИЕ ИНСТИТУЦИОННОЙ БАЗЫ УСТОЙЧИВЫХ СООБЩЕСТВ ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВ (ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И КНР) В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ЧС И ИЗМЕНЕНИЯМИ КЛИМАТА

В статье было произведено сравнение моделей устойчивых сообществ трех ведущих государств: Великобритании, США и Китая, основываясь на анализе их институциональных характеристик и свойств. Работа предназначена для сопоставления основных общих и различных черт деятельности данных стран в области реализации программ устойчивых сообществ в контексте борьбы с ЧС и изменениями климата. Такое сравнение необходимо для наглядной демонстрации институциональной вариативности имплементации программ устойчивых сообществ, так как включает ведущие страны мира с различным экономическим укладом и политическим строем. В статье было изучено, каким образом институциональные характеристики государств влияют на постановку задач и конечный результат, а также, какие инструменты используются при реализации проектов как на национальном, так и на международном уровнях. Кроме того, была дана оценка динамики в различных сферах деятельности: планирование, обучение, имплементация.

Ключевые слова: устойчивость, изменения климата, устойчивое сообщество, борьба с ЧС, политическое устройство, экономический уклад.

This article compares the models of resilient communities of the three leading states: Great Britain, the United States and China, based on an analysis of their institutional characteristics. This work is intended to compare the main common and different features of the activities of these countries

in the implementation of resilient communities programs, in the context of emergencies and climate change. Such a comparison is necessary for a clear demonstration of the institutional variability in the implementation of resilient communities programs, as it includes the leading countries of the world with different economic structures and political systems. In this article explored how the institutional characteristics of states affect the setting of objectives and the final result, as well as what tools are used in the implementation of projects both at the national and international levels. In addition, an assessment of the dynamics in various fields of activity: planning, training, implementation was made.

Keywords: *resilience, climate change, sustainable community, emergency response, political structure, economic structure.*

Данная статья основана на сравнительном анализе, который был проведен по следующим направлениям: 1) значение и функции государственных структур в реализации проектов устойчивых сообществ в контексте борьбы с природными бедствиями и изменениями климата (Правительства, Федеральные агентства и министерства по управлению в чрезвычайных ситуациях, Комитеты по изменению климата и другие аналогичные органы); 2) деятельность частных организаций как самостоятельных субъектов; 3) роль НПО в устойчивых сообществах изучаемых стран.

1.1 При анализе государственных субъектов и их роли в реализации устойчивых сообществ необходимо обратить внимание на их ведущую роль во всех трех государствах. Некоторые отличия существуют в распределении полномочий. Если в США Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях (FEMA) и Секретариат по гражданским непредвиденным ситуациям (CCS) Великобритании имеют, в основном, функции обобщения информации и финального одобрения плана реализации проектов устойчивости, то в Китае Правительство непосредственно регулирует всю политику реализации проектов [1; 2].

В Великобритании создание отдельных государственных органов, целью которых является реализация климатической и устойчивой повестки, началось еще в 2008 году с образованием Комитета по изменению климата (CCC), который с административно-правовой точки зрения образует самостоятельную единицу [3].

В тоже время необходимо отметить сильные позиции местных департаментов США. Различные Департаменты США, отвечают за проектирование, реализации и просвещение в области борьбы со

стихийными бедствиями и изменениями климата на местах. В Китае, в свою очередь, осуществляется проектное финансирование, особенно это заметно в городах.

Таким образом, в Великобритании существует более сбалансированное разделение обязанностей, когда Комитет по изменению климата подает свои предложения и замечания в Правительство, в то время, как в США, и еще более того в Китае, данная работа разделена по отраслевому признаку.

Государственная структура по созданию устойчивых сообществ в лучшей степени институционально оформлена в Великобритании. В США существует высокая диверсификация полномочий, выраженная в структуре департаментов штатов, однако недостаточно оформлены некоторые структуры, что приводит к распределению целей по отдельным ведомствам. В Китае лишь начинают формироваться соответствующие органы управления, однако пока на уровне деревень. В городах, где законодательство позволяет решать вопросы в рамках уже имеющихся структур, картина частично совпадает с США в плане набора целей по отдельным министерствам, однако отличается от США по масштабам реализации.

1.2 Что касается роли государственных органов по сферам деятельности, то здесь также существуют значительные отличия. В США роль государственных учреждений превалирует в сферах планирования и имплементации, в то время, как в сфере просвещения и образования населения, а также персонала соответствующих организаций, ведущие позиции занимают некоммерческие и частные структуры. Высокая децентрализация и персонализация устойчивых сообществ в этой стране предполагает активность и осведомленность граждан.

В Великобритании упор сделан на глобальном экологическом аспекте устойчивости, что уменьшает персонализацию планов создания устойчивых сообществ. В настоящее время в стране констатируется тот факт, что стихийные бедствия (наводнения) в стране наносят больший ущерб именно из-за недостаточной информированности населения.

Что касается сферы имплементации, то здесь, в основном, задействованы представители государственных структур во всех трех странах, спасательные, пожарные медицинские команды на местном уровне, местное правительство, занимающееся реализацией конкретных проектов. Некоммерческие структуры представлены

красным крестом в США, Великобритании и Китае. Кроме того, в Китае существует ряд организаций: фонд Shenzhen One Foundation, Всекитайская федерация окружающей среды и др., по сути реализуют проекты в сотрудничестве с ООН и другими международными организациями в рамках программ устойчивого развития [4;5].

Что касается планирования, то здесь ведущую роль занимают государственные органы, которые создают планы на местах. Частично негосударственный сектор в США представлен организациями: «League of Cities», «Home Building Association», «Floodplain Management Association» [6; 7; 8]. В Великобритании существует ряд отдельных структур, такие, как Комитет по изменению климата, которые также отвечают за планирование и имеют больший вес, чем негосударственные структуры США, которые могут лишь вносить небольшие предложения, но не могут влиять на сам ход принятия планов. В Китае отсутствует частная инициатива в сфере планирования, здесь устойчивое развитие продвигается в рамках национальных стратегических планов.

1.3 Несмотря на различия в развитии внутренних программ устойчивости, все три страны уделяют большое внимание макро-региональному развитию. Здесь, прежде всего, можно выделить следующие государственные структуры: USOUTHCOM, USAID, PDC, IHRC; затем DFID Великобритании и CIDCA Китая [9; 10; 11; 12; 13; 14].

Что касается международных институтов, то в США они служат аналитическими пунктами, работающими как в национальном направлении, так и в международном, экспортируя знания и опыт. Данные институты выполняют, в основном, аналитическую и просветительскую функции на двух направлениях. Важную роль в развитии устойчивости на макрорегиональном уровне играет организация Североатлантического договора (НАТО), которая с 2015 года продвигает идеи устойчивого развития и борьбы с изменениями климата среди своих союзников. Высший федеральный орган государственного управления США (USAID) Агентство по международному развитию принимает активное участие в реализации макро-региональной устойчивости.

Великобритания также проводит достаточно активную политику развития устойчивости на макрорегиональном уровне. Этому способствуют связи с бывшими колониями, многие из которых до сих пор лояльны к политике государства. Таким образом, Великобритания продвигает свои идеи экологической устойчивости и борь-

бы с изменениями климата не только в своем макрорегионе (ЕС), но и по всему миру. Основным государственным органом является DFID (Департамент международного развития). Другим механизмом международного взаимодействия является активное участие страны в различных программах ООН. На международном уровне, начиная с 2011 года, Великобритания рассматривает устойчивость к бедствиям как важнейший компонент в области гуманитарной помощи развивающимся странам.

Способы реализации данных программ схожи в Великобритании и США, однако последние зачастую используют площадку собственных коалиций в регионе Северной и Южной Америки или блок НАТО, в то время, как Великобритания опирается в продвижении идей на связи с бывшими колониями и структуры ООН. Данный механизм схож с реализацией макрорегиональной устойчивости Китая, который стремится стать проводником данной идеи в регионе АТР [15].

Однако амбиции Китая не заканчиваются ближайшими соседями, государство разрабатывает план реализации проектов устойчивости в бедных и развивающихся странах с помощью международной платформы «Один пояс – один путь», а также Китайского агентства международного сотрудничества в области развития (CIDCA), которое было организовано в 2018 году. Основной особенностью китайских проектов в данном направлении является то, что большинство из них находятся на начальном этапе, под сильным влиянием политических, экономических и экологических факторов в странах, расположенных вдоль «Одного пояса – одного пути», а также сильно зависят от структур уже развивающихся проектов, которые, зачастую, имели далеко не устойчивый характер [16].

2. Кроме государственных органов, частные организации присутствуют в той или степени в реализации проектов устойчивых сообществ в каждой из рассматриваемых нами стран. Были рассмотрены сферы деятельности, в которых доминируют частные компании в США, Великобритании и Китае. Однако ежегодное развитие инициативы устойчивых сообществ привлекает все больше и больше частных инвесторов, государствам также требуется все большая помощь некоммерческих организаций, которые могут охватить большее количество населения, сделать свои услуги более адресными и персональными.

США являются безусловным лидером в данном направлении. Финансирование частным секторам развития устойчивых сообществ происходит через установление институциональных инвесторов, включая пенсионные фонды, фонды национального благосостояния и страховые организации. Связующим звеном между правительством и частным сектором выступают различные фонды, например: Фонд Рокфеллера [17]. Построение стратегического партнерства – это ключевой подход данных организаций.

В отличие от частных инициатив США, частные компании в Великобритании представлены на международном уровне через Международную торговую палату Великобритании (UK ICC) [18]. Данный орган работает совместно с Конфедерацией британской промышленности (CBI) и объединяет представителей деловых кругов, Департамента международного развития, Департамента бизнеса, энергетики и промышленности [19]. Таким образом, мы видим направляющую роль государственных организаций в организации основных глобальных бизнес-приоритетов.

В целом, частные инвесторы из Великобритании меньше, чем инвесторы из США или других европейских стран, представлены в сфере реализации международных устойчивых проектов. Дело в том, DFID – это отдел, ориентированный на внешние рынки развития, который не имеет подходящих механизмов для сотрудничества с частными компаниями. Жизненно важным является обустройство частных предприятий внутри страны.

Британские частные корпорации с гораздо меньшей вероятностью будут инвестировать в зеленые облигации, чем их американские коллеги. Однако, в корпоративном сообществе Великобритании растет желание участвовать в решении проблем, связанных с крупными проектами в области устойчивых сообществ. Разница заключается в том, что американское правительство использовало возможности для стимулирования бизнеса и поставило устойчивость и изменение климата выше в списке приоритетов [20].

Что касается Китая, то попытка дать оценку вовлеченности его частного сектора в развитие устойчивых сообществ была впервые сделана в 2020 году совместно с компанией PwC China, занимающейся оказанием международных профессиональных услуг, а также Китайской международной торговой палатой (CCOIC) [21]. В отличие от США и Великобритании, в Китае в настоящее время предприятия

часто реализуют проекты устойчивого развития, исходя из своих потребностей в брендинге и создании имиджа. Внешние движущие силы по-прежнему относительно слабы, например, регуляторная политика правительства, спрос со стороны потребителей, а также поставщиков как верхнего, так и нижнего звена.

Включение устойчивости в ценности компании требует согласования ожиданий многих сторон. Представители частного сектора считают, что правительство Китая является основной движущей силой реализации проектов устойчивого развития в стране и должно сформулировать отраслевые руководящие принципы и стандарты, после чего фирмы могут интегрировать свой собственный прогресс в области развития и ресурсы для достижения данных целей. Две тенденции демонстрируют, что частный сектор Китая все больше внимания уделяет развитию устойчивости: во-первых, корпоративная социальная ответственность становится более профессиональной. Во-вторых, реализация устойчивых сообществ будет более тесно связана с корпоративной стратегией и бизнесом.

3. Кроме частных и государственных компаний, огромную роль в реализации устойчивости играют неправительственные организации. США является бесспорным лидером по количеству неправительственных организаций, имеющих в своей повестке цели реализации проектов устойчивых сообществ, как внутри страны, так и за рубежом. Влияние американских экологических НПО значительно выросло за последние три десятилетия по мере изменения более широкого научного, экономического, институционального и политического контекста экологической политики. Однако, в отличие от Великобритании или Китая, стратегии и влияние НПО были подвергнуты значительным изменениям в соответствии с экологической политикой США, которая перешла от доминирующего на федеральном уровне регулирования к гибким реформам на местном уровне. Основная особенность американских НПО заключается в концентрации внимания на том, как лучше всего достичь цели устойчивого развития с помощью разнообразных инструментов политики, таких, как рыночные стимулы и государственно-частное партнерство. Роль НПО в Соединенных Штатах значительно изменилась за последние тридцать лет, поскольку группы защиты окружающей среды перешли от позиции конфронтации и враждебных отношений с правительством и промышленностью к позиции, характеризующейся профессионализмом и сотрудничеством.

Что касается НПО в Великобритании, то их институциональное оформление лучше, чем в США и Китае, что влияет на их продуктивность. В Великобритании существует Комиссия по благотворительности в Англии и Уэльсе (Charity Commission for England and Walse) [22], такой организации нет ни в США, ни в Китае. Вариантом данной комиссии в США является Служба внутренних доходов (Internal Revenue Service) [23], которая не имеет всех полномочий Комиссии Великобритании. Таким образом, в Великобритании не возникало антагонизма между НПО и правительственными органами. В какой-то степени НПО продвигают политику правительства внутри страны и за рубежом. Ярким примером служит Международный институт окружающей среды и развития (IIED) [24]. Одной из особенностей данной организации, а также крупнейших американских НПО (CERES, CI) является работа в направлении создания устойчивых рынков в Африке и Азии [25]. Другой особенностью НПО Великобритании является то, что лишь небольшая часть из них получает официальную помощь (от DFID, Danida, USAID, AusAid) [26; 27]. Подавляющее большинство НПО как больших, так и малых размеров зависят от экономики дарения для поддержания своей работы.

Что касается Китая, то, во-первых, в этой стране не было культуры неправительственных организаций, во-вторых, институциональная система Китая позволяет осуществлять подобные проекты в рамках государственных инициатив или государственно-частного партнерства. Но количество китайских НПО за последнюю четверть века росло. Новая глава в истории китайских НПО начинается с принятия более мягких законов в 2016 году, которые ослабили ограничения для НПО внутри страны. Однако масштабы деятельности китайских НПО значительно уступают их аналогам из США и Великобритании. Так, Институт по связям с общественностью и окружающей средой, основанный в 2006 году некоммерческая организация со штаб-квартирой в Пекине, лишь собирает и представляет экологическую информацию от местных властей и предприятий. На веб-сайте размещены живые карты, показывающие загрязнение воды и воздуха, и он является пионером в области зеленого финансирования и этичного инвестирования в Китае. Кроме того, большинство китайских НПО работают внутри страны. Друзья природы – первая зарегистрированная в Китае экологическая неправительственная организация, по всей видимости, основана в 1994 году [28]. Ее деятельность сосредоточена на экологи-

ческом образовании, экологически чистом образе жизни и связи с природой. Китайские НПО, до принятия нового закона, были практически лишены правовой силы. Лишь в 2016 году Всекитайская федерация окружающей среды, служащая мостом между правительством и общественностью по вопросам окружающей среды, начала подавать иски против загрязнения окружающей среды и выиграла первое дело в том же году.

Итак, в статье был проанализирован опыт иностранных государств в сфере реализации программ по борьбе с природно-климатическими катастрофами и изменениями климата в контексте реализации программ устойчивых сообществ на национальном и макрорегиональном уровнях. В исследовании мы выбрали для примера три страны: Великобританию, США, Китай (порядок указан в соответствии с позицией в списке Индекса целей устойчивого развития (Sustainable Development Goals Index)). Данные страны представляют интерес, так как являются ведущими мировыми державами с сильной экономикой, занимающими активные позиции на международной арене. В тоже время, все три государства имеют ряд существенных отличий с точки зрения природно-климатических особенностей, а также в политической, социальной и экономической сферах.

Был проведен сравнительный анализ устойчивых сообществ Великобритании, США и Китая; сопоставление проводилось на основе деятельности субъектов каждой страны, а также механизмов национального и макрорегионального взаимодействия; были выявлены качественные особенности каждой из изученных стран; при этом были обнаружены общие тенденции реализации соответствующих проектов. Все три страны активно проводят политику имплементации подходов к борьбе с природно-климатическими бедствиями и изменениями климата в контексте реализации программ устойчивости, но в каждой стране процесс находится на разных этапах реализации.

Все изученные страны стремятся активно использовать данные механизмы в международном сотрудничестве, при этом акцентируя внимание на различных аспектах. Во всех трех странах высока роль правительства и других государственных органов в сфере продвижения данной политики. Тем не менее, в каждом государстве значительно разнится степень вовлеченности граждан, частного сектора и НПО. Кроме того, различаются механизмы меж-

дународного взаимодействия: США предпочитает действовать через региональные институты и НАТО, Великобритания активно использует структуры ООН и международных НПО, а Китай действует в тесном сотрудничестве с UNDP и посредством стратегии «Один пояс – один путь».

Литература

1. Prepare for disasters // FEMA. (electronic source). Available at: <https://www.fema.gov> (accessed 23 May 2021).
2. Preparation and planning for emergencies // GOV. UK. (electronic source). Available at: <https://www.gov.uk/guidance/preparation-and-planning-for-emergencies-the-capabilities-programme> (accessed 23 May 2021).
3. About Climate change committee// Climate change committee (electronic source). Available at: <https://www.theccc.org.uk/about/> (accessed 23 May 2021).
4. About Shenzhen one foundation fond// Shenzhen one foundation (electronic source). Available at: <http://www.onefoundation.cn> (accessed 23 May 2021).
5. 中国环联司介绍 / / 中国环联网 (электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.envirunion.cn> (accessed 23 May 2021).
6. NLC is your partner in recovery // National league of cities (electronic source). Available at: <https://www.nlc.org> (accessed 23 May 2021).
7. Building homes, enriching communities, changing lives // National association of home builders (electronic source). Available at: <https://www.nahb.org> (accessed 23 May 2021).
8. Newsletters archive // Floodplan management association (electronic source). Available at: <https://www.floodplan.org> (accessed 23 May 2021).
9. Lines of effort // Southcom (electronic source). Available at: <https://www.southcom.mil> (accessed 23 May 2021).
10. What we do. Environment, energy and infrastructure // USAID (electronic source). Available at: <https://www.southcom.mil> (accessed 23 May 2021).
11. Information saves lives. Stay informed // Pacific disaster center (electronic source). Available at: <https://www.pdc.org> (accessed 23 May 2021).

12. About International hurricane research center // International hurricane research center (electronic source). Available at: <https://www.hrc.fiu.edu> (accessed 23 May 2021).
13. Department of international development // GOV. UK (electronic source). Available at: <https://www.gov.uk/government/organisations/departement-for-international-development> (accessed 23 May 2021).
14. China's seven-decade foreign aid filled with friendship, appreciation and boundless love // CIDCA (electronic source). Available at: <https://www.en.cidca.gov.cn> (accessed 23 May 2021).
15. Caridad Canales, Eric Hermouet, Kareff Rafisura (2017) Asia-Pacific sustainable development goals outlook (electronic journal), DOI: <http://dx.doi.org/10.2261/TCS178699-2>
16. Loon Ching Tang, Joyce M.W. Low. (2020) Strategic intent of OBOR: enhancing energy supply resilience. Journal of Shipping and Trade, vol. 5, article number: 3.
17. Our commitments // The Rockefeller foundation (electronic source). Available at: <https://www.rockefellerfoundation.org> (accessed 23 May 2021).
18. International chamber of commerce. Who we are? // ICC. UK (electronic source). Available at: <https://iccwbo.uk> (accessed 23 May 2021).
19. The voice of business // CBI (electronic source). Available at: <https://www.cbi.org.uk> (accessed 23 May 2021).
20. Anna Geddes, Bjarne Steffen. (2018) The multiple roles of state investment banks in low-carbon energy finance: An analysis of Australia, The UK and Germany. Energy policy, vol. 115, pp. 158-170. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.01.009>
21. 关于中国国际商会 / / 中国国际商会 (electronic source). Available at: <https://www.ccoic.cn> (accessed 23 May 2021).
22. Charity commission of England and Wales // GOV. UK (electronic source). Available at: <https://www.gov.uk/government/organisations/charity-commission> (accessed 23 May 2021).
23. Internal revenue service // IRS (electronic source). Available at: <https://www.irs.gov> (accessed 23 May 2021).
24. Local solutions inspiring global action // International institute for environment and and development (electronic source). Available at: <https://www.iied.org> (accessed 23 May 2021).
25. Ceres releases first-of-its-kind engagement tool for investors

on natural climate solutions // CERES (electronic source). Available at: <https://www.ceres.org> (accessed 23 May 2021).

26. Danida // Ministry of foreign affairs of Denmark (electronic source). Available at: <https://um.dk/en/danida-en/> (accessed 23 May 2021).

27. Australia's development program // Department of foreign affairs and trade (electronic source). Available at: <https://www.dfat.gov.au/development/australia-development-program> (accessed 23 May 2021).

28. 自然之友欢迎你 / / 自然之友 (electronic source). Available at: <https://www.mv.lingxi360.com/m/wjilab> (accessed 23 May 2021).

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Б. М. Бирагова,
к. полит. н, научный сотрудник
СОИГСИ им. В. И. Абаева

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ» – КОММУНИКАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА БУДУЩИХ КАВКАЗОВЕДОВ

В статье представлен отчет о юбилейной XV Международной школе-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки: история, археология, культура», состоявшейся 24-27 июня 2021 года в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева в рамках реализации государственной программы Республики Северная Осетия – Алания «Национально-культурное развитие осетинского народа на 2021-2025 годы». Обоснованы миссия, цели, функции и перспективы форума как научно-образовательной и коммуникационной платформы для молодых исследователей-кавказоведов.

Ключевые слова: международная школа-конференция, молодые ученые, кавказоведение, методология гуманитарного исследования, коммуникационная платформа, национально-культурное развитие.

The article presents a report on the jubilee XV International School-Conference of Young Scientists «Modern Problems of the Humanities»: History, Archeology, Culture», held on June 24-27, 2021 at the V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies within the framework of the state program of the Republic of North Ossetia – Alania «National and cultural development of the Ossetians for 2021-2025». The mission, goals, functions and prospects of the forum as a scientific, educational and communication platform for young Caucasian researchers have been substantiated.

Keywords: International School-Conference, young scientists, Caucasian studies, methodology of humanitarian research, communication platform, national and cultural development.

Школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» основана СОИГСИ им. В. И. Абаева в 2006 году и сегодня является одним из флагманских научных форумов института, наряду с такими зарекомендовавшими себя в научном мире, узнаваемыми проектами, как «Миллеровские чтения», «Нартоведение в XXI веке», «Гуриевские чтения» и др.

За 15 лет существования Школа-конференция молодых ученых из мероприятия регионального охвата переросла в крупный международный форум, в котором принимают активное участие (как в очном, так и заочном (онлайн) форматах) представители образовательных и научных центров не только Северного Кавказа и других регионов России, но и стран СНГ, Германии, Австрии, Норвегии, Швеции, Польши, Венгрии, Турции, Болгарии, Ирана, Македонии, Японии и др.

С 2018 года Школа-конференция молодых ученых СОИГСИ проходит при финансовой поддержке Правительства Республики Северная Осетия – Алания. С 2021 года мероприятие вошло в государственную программу «Национально-культурное развитие осетинского народа на 2021-2025 годы». Это позволяет говорить о значимости форума не только как научного, но и культурного, «имиджевого», говоря термином коммуникативистики, события в жизни республики. Форум традиционно получает широкий резонанс в региональных и федеральных средствах массовой информации и социальных сетях.

Целевой блок Школы-конференции – изучение современной методологии гуманитарных исследований, интеграция академической и вузовской науки, содействие научному творчеству, обмену опытом и профессиональному росту молодых ученых, аспирантов и студентов, а также обеспечение их непрерывной горизонтальной коммуникации – друг с другом, и вертикальной коммуникации – с ведущими учеными и экспертами.

Программный блок Школы-конференции включает лекции, мастер-классы, семинары, круглые столы, сессионные заседания по направлениям «Этнология», «История и археология», «Фольклор и мифология», «Языкознание», «Социология и политология», тематические выставки и мероприятия формата open-air. Для чтения лекций и проведения мастер-классов приглашаются ведущие ученые – специалисты в области истории, этнологии, культурологии,

археологии, языкознания, фольклористики, литературоведения, социологии и других гуманитарных дисциплин.

Тематический блок Школы-конференции: этногенетические и этнокультурные процессы на территории Центрального Кавказа в эпоху древности и средневековья; сохранение и изучение археологического, историко-культурного и документального наследия; социально-экономическое, политическое и этнокультурное развитие Кавказа в периоды российских общественных модернизаций; фундаментальные и прикладные исследования теории, структуры и исторического развития осетинского и других языков, языковой ситуации и языковой политики; духовные и эстетические ценности фольклора; историко-сопоставительные, этнолингвистические и этнокультурные исследования языка, мифологии и фольклора осетин, кавказских и иранских народов; литература народов Кавказа в контекстном пространстве региональной и общероссийской художественной культуры; анализ, мониторинг и прогнозирование модернизационных социальных, политических и этнокультурных процессов на Северном Кавказе.

Доклады участников Школы-конференции, прошедшие экспертный отбор, публикуются в рецензируемых научных журналах института – «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых» и «Kavkaz-Forum», входящих в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

XV юбилейная международная школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» состоялась в г. Владикавказ 24-27 июня 2021 года. В приветственной речи З.В. Канукова отметила: «Этот год объявлен Годом науки и технологий, поэтому руководство нашей страны особое внимание уделяет возвращению научной молодежи. Согласно поручению Президента РФ В.В. Путина, не менее 40% процентов всех ученых в научных коллективах должны составлять молодые кадры. Наша задача – помочь им обрести свой голос и найти тот путь, который приведет на олимп знаний. Можно сказать, что настоящий научный руководитель – это своего рода проводник. Школа-конференция дает возможность новому поколению взаимодействовать напрямую с экспертами в области гуманитарной науки, что необходимо для успешного движения вперед. Еще одной приоритетной задачей является консолидация усилий научных и образовательных учреждений. Только таким образом мы сможем решить проблему подготовки качественных кадров в области гуманитарного знания» [1].

Организаторы Школы-конференции четко реагируют на общемировые тренды в гуманитарных науках и фундируют научную повестку с учетом этих трендов, а также социально-политических, социально-экономических и социокультурных процессов в регионе. Воспринимаемый как локальный ответ на глобальные трансформации «ренессанс» этнического и религиозного сознания и связанные с этим социальные эффекты и риски, проблемы сохранения национальных языков и в целом материального и нематериального наследия кавказских народов, «новая обрядность» и «медиатизация» этники, этнокультурное взаимодействие – эти и другие вопросы актуализируются в повестке научного форума. Для сравнения приведем тематику пленарных докладов форумов 2020 и 2021 годов.

На пленарном заседании XIV Международной школы-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» в 2020 году прозвучали доклады: «Современные подходы к изучению аланских древностей на Северном Кавказе» Дмитрия Сергеевича Коробова – доктора исторических наук, профессора РАН, заведующего отделом теории и методики Института археологии РАН, член-корреспондента Германского археологического института, ответственного секретаря редколлегии журнала «Российская археология» (г. Москва); «Корпусная лингвистика в иранистике» Арсения Павловича Выдрина, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), который в 2011 году защитил диссертацию на тему «Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении» и с которым СОИГСИ имеет опыт сотрудничества в создании корпуса осетинского языка.

В ходе пленарного заседания XV Международной школы-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» в 2021 году состоялись мастер-классы: «Языковое разнообразие и проблемы его сохранения» Татьяны Борисовны Агранат, доктора филологических наук, доцента, ведущего научного сотрудника Института языкознания РАН (г. Москва) и «Оформление грантовых заявок: основные ошибки» Максима Юрьевича Барбашина, доктора социологических наук, заведующего сектором Южно-Российского филиала Института социологии РАН (г. Ростов-на-Дону).

В программу XV Международной школы-конференции молодых ученых вошли пять экскурсий: по историческому зданию Северо-О-

сетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – старейшего кавказоведческого научного учреждения на Юге России, отметившего 100-летие в 2019 году, с посещением Научной библиотеки института с богатейшим собранием кавказоведческой литературы и Научного архива с прослушиванием мастер-класса «Специфика работы в Научном архиве» заведующей архивом, кандидата филологических наук Раисы Николаевны Абисаловой; в Национальный музей Республики Северная Осетия-Алания с прослушиванием мастер-класса «Традиционная воинская обрядовая культура осетин» Батраза Таймуразовича Цогоева, директора Национального музея РСО-Алания; вечерняя экскурсия по исторической части г. Владикавказ с посещением военно-исторического мемориального комплекса «Барбашово поле»; поездка в высокогорный историко-архитектурный комплекс «Даргавс» на место раскопок Даргавского катакомбного могильника, где в формате open-air состоялась лекция «Аланские памятники в горных территориях Осетии» Алана Ахсаровича Туаллагова, доктора исторических наук, заведующего отделом археологии СОИГСИ, заслуженного деятеля науки Республики Северная Осетия-Алания.

Подводя итоги сессионных заседаний, эксперты отметили высокий уровень подготовки и презентации научных исследований. Необходимо отметить, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции участие зарубежных молодых исследователей в работе Школы-конференции СОИГСИ осуществлялось дистанционно в формате видеоконференц-связи. Это позволило максимально расширить географически и содержательно рамки научного форума. В частности, с докладами выступили: Витторио Томеллери, доктор филологических наук, профессор славянской филологии Туринского университета («Переписка Гаппо Баева и Георгия Ахвледиани»), Доминик Гутмайер, доктор Университета истории и антропологии Юго-Восточной Европы, г. Грац, Австрия («Imagining the Caucasus. Photography and Industrial Modernity in the Late Russian Empire»), Георги Тодоров, аспирант Юго-Западного университета Неофит Рилски, г. Благоевград, Болгария («Количество и грамотность пролетариата первой пятилетки в СССР»).

Активизация глобального этнокультурного взаимодействия, под которым в широком смысле понимается «совокупность различных политических, экономических, социальных и других контактов и взаимоотношений между этносами и культурами» [2, 244], стимули-

ровала интерес к кросс-культурным, кавказоведческим исследованиям. В фарватере этого глобального интереса свое место заняла и Международная школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» Северо-Осетинского института гуманитарных исследований им. В. И. Абаева.

В целом можно выделить следующие ключевые функции, которые отражают целевые установки Школы-конференции молодых ученых СОИГСИ:

1. Научно-образовательная

В самом названии форума слово «школа» индицирует одну из основных его целей – получение научной информации, изучение современной методологии гуманитарных исследований, так как качество научного познания напрямую зависит от уровня владения методологией [3]. Занимаясь научным поиском в фарватере единого исследовательского поля гуманитарных наук с общей методологией, молодые ученые умело синтезируют богатый материал фундаментальных кавказоведческих трудов с современными источниками, следуя принципу междисциплинарности. Возникает «герменевтический круг», когда один текст продуцирует необходимость поиска других, связанных с ним, текстов по принципу гиперссылки.

Фронтальный контент-анализ докладов, представляемых на сессионных заседаниях, показывает, что молодые исследователи часто прибегают к биографическому методу, так как биографии и наследие выдающихся ученых-кавказоведов сами по себе являются ценнейшим эмпирическим материалом.

2. Коммуникационная (интеграционная)

Как уже отмечалось ранее, Международная школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» позволяет и начинающим кавказоведам коммуницировать друг с другом и с опытными специалистами, расширяя круг профессиональных контактов. Эта функция заслуживает акцентирования применительно к Северокавказскому региону, где горизонтальные связи между республиками пришлось восстанавливать после развала Советского Союза и череды этнополитических конфликтов 90-х гг., когда фактически произошел демонтаж глубинных, закладывавшихся веками, основ межнациональных отношений в регионе. В этносоциологии под межэтническими отношениями понимаются «субъективно переживаемые отношения между людьми разных национальностей, этническими общностями в различных сферах

жизнедеятельности, проявляющихся на личностном и групповом уровнях. Межэтнические отношения могут носить дружественный, нейтральный или конфликтный характер. На личностном уровне их характер в решающей степени зависит от индивидуально-психологических качеств людей (воспитания, этнических установок, стереотипов, настроений), на групповом уровне – от исторического прошлого, социально-политической обстановки в той или иной стране, от экономических и культурно-бытовых условий жизни и национальных интересов государства» [4, 128]. Элитам, научной и творческой интеллигенции Северного Кавказа пришлось приложить немалые усилия для борьбы с негативными этническими стереотипами и позитивизации имиджа северокавказских этносов в российском и мировом общественном мнении [5, 47-51]. В контексте сказанного Международную школу-конференцию молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки», успешно реализуемую на протяжении 15 лет, справедливо можно считать также эффективным инструментом межкультурного диалога.

3. Прогностическая

Ученые-гуманитарии не только описывают прошлое и настоящее, но и прогнозируют, моделируют смыслы, закономерности общественного развития, используя специальные методологические приемы («принцип историзма»). При этом важно учитывать, что в гуманитарных исследованиях изучение, анализ объекта осуществляется субъектом, сформированным в контексте определенной «картины мира», ценностных установок социума и культуры в широком смысле, и, соответственно, интерпретация реальности и продуцирование смыслов происходит именно с этих ценностных позиций.

В эпоху глобализации, постмодерна и «постправды», когда обилие информации не всегда верифицируется, продуцирование смыслов становится не просто исследовательской, а политической задачей.

Одним из первых тенденцию взаимопроникновения ранее считавшихся «закрытыми», «элитарными» социальных полей науки, религии, политики и т. д. под влиянием «медиатизации» – возрастания объема и роли информации во всех сферах жизнедеятельности и усиления зависимости социально-политического статуса тех или иных явлений и персон от степени фокусирования на них внимания СМИ – обозначил автор «теории социальных полей» П. Бурдьё. Он же не без сожаления констатировал, что «поле журналистики

все больше и больше навязывает свои требования всем остальным и, особенно, полям культурного производства, полю социальных наук, философии и т. п., а также политики», т. к. именно в поле СМИ (и социальных сетей) идет борьба за обладание специфическим – медийным – капиталом известности и общественного признания, и сегодня «хорошим ученым» считается тот, «кого часто видят по телевидению» [6].

В этой связи конкретна и категорична позиция СОИГСИ, которую озвучила в ходе своего доклада на научной сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений 24 марта 2021 г. директор СОИГСИ им. В. И. Абаева, доктор исторических наук, профессор З. В. Канукова: «Наблюдается процесс выхода историко-культурной тематики за научные рамки, и перемещения ее в общественно-политическую жизнь. Во всех дискурсах очень активно звучит вопрос: «а где историки?! а почему молчат ученые?!». Ученые отсылают к своим трудам, но этого совершенно недостаточно, потому что участников дискуссии значительно больше, чем тех, кто действительно способен прочесть и понять научный текст. Поэтому в институте мы решили, что важной составляющей нашей работы должно быть просветительство и научно-популярные проекты, которые бы обоснованно противостояли историческим и культурным фальсификациям, откровенным лженаучным исследованиям» [7].

4. Организационная

Международная школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» СОИГСИ – это мероприятие «полного цикла», в ходе которого молодые ученые открывают целый ряд возможностей: получение новых знаний и навыков исследовательской работы; самопрезентации и обмена опытом с коллегами; расширения контактов в кавказоведческой среде; консультативную и методическую помощь; полноценную авторскую публикацию в рецензируемых изданиях, входящих в Российский индекс научного цитирования.

Более того, Школа-конференция – это не только «think tank» (англ. «мозговой центр») кавказоведения и осетиноведения, но и кадровый хаб для профессионального роста и трудоустройства лучших специалистов: «Школа-конференция СОИГСИ – единственная подобная площадка на всем Северном Кавказе. Через нашу Школу-конференцию прошли многие состоявшиеся и начинающие уче-

ные-кавказоведы. Это дает Институту стимул развиваться для сохранения статуса авторитетной научно-образовательной площадки для общения и профессионального роста молодых ученых», – отмечает Э.Ш. Гутиева, руководитель Научно-образовательного центра «Гуманитарий» СОИГСИ [8].

В настоящее время трое выпускников Школы-конференции являются научными сотрудниками СОИГСИ им. В. И. Абаева. Это стало возможным благодаря получению институтом финансирования на трудоустройство выпускников 2020 года в рамках реализации Приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Об утверждении Комплекса мер по содействию трудоустройству граждан, завершивших обучение по основным образовательным программам высшего образования в 2020 году, в том числе в образовательные организации высшего образования и научные организации».

Таким образом, Международная школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» СОИГСИ – это состоявшаяся научно-образовательная и коммуникационная платформа будущих кавказоведов, осетиноведов, эффективно выполняющая целый ряд функций: научно-образовательную, коммуникационную (интеграционную), прогностическую, организационную. Выполнение всех этих функций способствует достижению самой важной, стратегической, цели – «воспитания» поколения зрелых, мобильных и ответственных исследователей, которые достойно представят в мировом научном процессе богатейшее наследие исторического кавказоведения.

1. В СОИГСИ проходит XV Международная Школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки». [Электронный ресурс]. URL: <http://soigsi.com/index.php/1538-25-06-2021-v-soigsi-im-v-i-abaeva-sostoyalos-torzhestvennoe-otkrytie-ezhegodnoj-mezhdunarodnoj-shkoly-konferentsii-molodykh-uchenykh-sovremennye-problemy-gumanitarnoj-nauki> (дата обращения: 01.07.2021).

2. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000.

3. Малинов А.В., Долгова Е.А. Общая методология гуманитарных наук. [Электронный ресурс]. URL: https://philhist.spbu.ru/images/books/SocOboz_16_3_327-365_Kareev.pdf (дата обращения: 01.07.2021).

4. Социальная психология: словарь / под. ред. М.Ю. Кондратьева. М.: ПЕР СЭ, 2006.

5. Бирагова Б.М. Позитивизация имиджа Северного Кавказа как медиаполитическая стратегия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2014. № 4.

6. Бирагова Б.М. Мобилизационный потенциал средств массовой информации как актора этнокультурного взаимодействия на геополитическом пространстве: диссертация... кандидата политических наук: 23.00.02 / Бирагова Бэла Маирбековна; [Место защиты: Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова]. – М., 2012. – 177 с.: ил. РГБ ОД, 61 12-23/347.

7. Канукова З.В. Важной составляющей нашей работы должно быть просветительство и научно-популярные проекты, которые бы обоснованно противостояли историческим и культурным фальсификациям, откровенным лженаучным исследованиям. [Электронный ресурс]. URL: <http://soigsi.com/index.php/1494-31-03-2021-z-v-kanukova-vazhnoj-sostavlyayushchej-nashej-raboty-dolzno-byt-prosvetitelstvo-i-nauchno-populyarnye-proekty-kotorye-by-obosnovanno-protivostoyali-istoricheskim-i-kulturnym-falsifikatsiyam-otkrovennym-lzhenauchnym-issledovaniyam> (дата обращения: 01.07.2021).

8. XIV Международная Школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки» в СОИГСИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://soigsi.com/index.php/1369-24-09-2020-mezhdunarodnaya-shkola-konferentsiya-molodykh-uchenikh-sovremennye-problemy-gumanitarnoj-nauki-v-soigsi-den-i> (дата обращения: 01.07.2021).

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 26, 2021

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 16.06.2021.

Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 80 гр.

Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»

Усл.п.л. 8,2. Тираж 100 экз. Заказ 73.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

362040, PCO-A, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.

362002, PCO-A, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3

e-mail: rio-soigsi@mail.ru